

Том Рейсс

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ГРАФА МОНТЕ-КРИСТО

Жизнь и приключения
генерала Тома-Александра Дюма

«Уникальная книга, основанная на богатейшей биографии»
The New York Times

«Блестящая биография-исследование»
The Daily Mail

Том Рейсс
Подлинная история графа Монте-Кристо. Жизнь и приключения генерала Тома-Александра Дюма

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16419308

Подлинная история графа Монте-Кристо. Жизнь и приключения генерала Тома-Александра

Дюма: РИПОЛ классик; М.; 2015

ISBN 978-5-386-08334-2

Аннотация

Это одно из тех жизнеописаний, на фоне которых меркнут любые приключенческие романы. Перед вами биография Тома-Александра Дюма, отца и деда двух знаменитых писателей, жившего во времена Великой французской революции. Сын чернокожей рабыни и французского аристократа сделал головокружительную карьеру в армии, дослужившись до звания генерала. Революция вознесла его, но она же чуть не бросила его под нож гильотины. Он был близок Наполеону, командовал кавалерией в африканской кампании, пережил жесточайшее поражение, был заточен в крепость, чудом спасся, а перед смертью успел написать свою биографию и произвести на свет будущего классика мировой литературы. К тому же Александр Дюма никогда не скрывал, кто был настоящим прообразом графа Монте-Кристо и чья история вдохновляла его всю жизнь.

Содержание

Пролог, часть 1	5
Пролог, часть 2	7
Книга первая	19
Глава 1	20
Глава 2	30
Глава 3	41
Глава 4	51
Глава 5	62
Глава 6	70
Глава 7	79
Книга вторая	91
Глава 8	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Том Рейсс

Подлинная история графа Монте-Кристо. Жизнь и приключения генерала Тома-Александра Дюма

© 2012 by Tom Reiss

© Перевод. Дадькин А. В., 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

Посвящается tk

Пролог, часть 1

26 ФЕВРАЛЯ 1806 г.

26 Февраля 1806 года около полуночи Александр Дюма, в будущем автор «Графа Монте-Кристо» и «Трех мушкетеров», спал в доме дяди¹. Мальчику еще не было четырех. Он оставался здесь, потому что его отец тяжело болел, и мать сочла за лучшее отослать сына к родственникам. Едва часы начали бить, мальчика разбудил громкий стук. В свете ночника, горевшего над кроватью, Александр увидел, что его двоюродная сестра вскочила, явно напуганная. Мальчик встал с постели. Примерно сорок лет спустя он вспоминал в мемуарах:

Двоюродная сестра крикнула мне²: «Ты куда?»

«Увидишь, – спокойно ответил я. – Хочу открыть дверь папе, он идет попрощаться со мной».

Бедная девочка спрыгнула с кровати, чрезвычайно встревоженная, схватила меня в тот самый момент, когда я коснулся дверной ручки, и потащила назад.

Я бился в ее руках, крича что есть мочи:

«Прощай, папа! Прощай, папа!»

Когда взрослые утром разбудили детей, кто-то сказал Александру, что его отец ночью умер.

«Папа умер, – проговорил я. – Что это значит?»

«Это значит, что ты больше его не увидишь».

«Как это, я больше не увижу папу?.. Почему я его больше не увижу?»

«Потому что Бог забрал его у тебя».

«Навсегда?»

«Навсегда».

«И ты говоришь, я никогда больше его не увижу?.. Никогда-никогда?»

«Никогда-никогда».

«А где живет Бог?»

«Он живет на небесах».

С минуту я напряженно обдумывал эти слова. Малыш-несмышленыш, я, тем не менее, понял, что в моей жизни произошло что-то необратимое. Затем, воспользовавшись первым же моментом, когда взрослые перестали приглядывать за мной, я выскочил из дядиного дома и побежал прямо к матери.

Все двери были открыты настежь, на лицах людей царил страх. Любому было понятно, что сюда явилась Смерть.

Никто не заметил, как я вошел в дом. Никто не видел, как я пробирался по коридорам. Я отыскал комнатку, где хранилось оружие; закинул на плечо отцовское ружье, которое он часто обещал подарить мне, когда я подрасту.

Затем, вместе с ружьем, я взобрался по лестнице.

На лестничной площадке второго этажа я столкнулся с матерью.

¹ Александр в доме дяди: ММ, р. 224.

² «Двоюродная сестра крикнула мне»: Там же, р. 228–229.

Она только что вышла из комнаты с покойником... Ее лицо было мокрым от слез.

«Куда ты?» – спросила она с удивлением. Она не ожидала увидеть меня здесь, так как думала, что я у дяди.

«Иду на небеса!» – ответил я.

«Что значит – идешь на небеса?»

«Пусти меня».

«И что же ты будешь делать на небесах, мой бедный мальчик?»

«Я иду туда, чтобы убить Бога, который убил папу».

Мать взяла меня на руки и сжала так крепко, что я боялся задохнуться.

Александр Дюма написал эти строки, когда ему только-только исполнилось сорок пять. Именно в это время он решил, что пришла пора осмыслить прожитую жизнь. Он не считал правильным описывать события тридцать первого года своей жизни (когда до публикации первых его романов было еще очень далеко) и, тем не менее, в начале мемуаров посвятил более двухсот страниц истории, столь же фантастичной, как любой из его романов: жизни своего отца, генерала Александра – Алекса – Дюма, чернокожего из колоний, который едва пережил Французскую революцию и вырос до командующего пятидесятитысячной армией. Главы о генерале Дюма³ основаны на воспоминаниях матери писателя и друзей его отца, а также на документах и письмах, полученных от матери и французского военного министерства. Это неумелая и вымученная попытка создать биографию, полную лакун, умолчаний, воображаемых сцен и диалогов. Но она искренна. История отца оканчивается сценой его смерти, именно с этой точки писатель начинает собственное жизнеописание.

Сомневающимся в том, что столь маленький мальчик может запомнить подобные детали, Дюма ответил словами белой рабыни Гайде, персонажа «Графа Монте-Кристо». Отец Гайде погиб, когда ей было четыре года: мужчину предал и убил один из главных отрицательных героев романа. После трогательной речи об отце девушка говорит графу: «Мне было четыре года⁴, но эти события исключительно важны для меня, а потому ни одна деталь, ни одна подробность не стерлась из моей памяти».

Память о человеке – важнейшая ценность в романах Александра Дюма. Самый тяжкий из возможных грехов – забвение. Злодеи в «Графе Монте-Кристо» не убивают главного героя, Эдмона Дантеса, они бросают его в темницу, и о нем все забывают. Положительные персонажи Дюма никогда не забывают никого и ничего, Дантес обладает превосходной памятью на детали из любой области человеческого знания, истории мира или на лица людей, с которыми столкнулся в жизни. Уничтожая одного врага за другим, он обнаруживает, что негодяи, которые стерли его личность, забыли сам факт ее существования и, следовательно, сам факт своего преступления.

Я взялся за реконструкцию жизни забытого героя генерала Александра Дюма именно благодаря фрагменту из мемуаров его сына. Я впервые прочел этот текст еще в детстве и всегда помнил его.

³ *Генерал Дюма умер*: Свидетельство о смерти Александра Дюма («Acte de Décès de Monsieur Thomas Alexandre Davy Dumas Delapailleterie [sic][.] Général de Division», «Свидетельство о смерти господина Тома Александра Дави Дюма Деляпайетри (так!), бригадного генерала»), 27 февраля 1806, MAD.

⁴ «Мне было четыре года»: Alexandre Dumas (père), *Le comte de Monte-Cristo*, vol. 5, с. 42.

Пролог, часть 2

26 ЯНВАРЯ 2007 г.

«Боюсь, мы попали в крайне непростую ситуацию⁵, – говорил мне заместитель мэра. – Причем в крайне неудачное время».

На лице Фабриса Дюфура, заместителя мэра в мощенном булыжником городке Вилле-Котре, застыла огорченная гримаса. Он курировал сферу культурного наследия, весьма внушительного, несмотря на скромный вид городка. В истории Вилле-Котре был даже короткий период, когда городок стал средоточием французского Старого порядка: после смерти Людовика XIV в 1715 году его племянник Филипп, герцог Орлеанский и регент при пятилетнем Людовике XV, решил, что двор должен проводить здесь как можно больше времени. Серый городишко, расположенный в пятидесяти милях к северу от Парижа, широко прославился королевскими скандалами, распутством и кутежом, что во Франции восемнадцатого века кое-чего стоило. Из здания мэрии, где происходил наш разговор, просматривался дворец в стиле Раннего Возрождения – место вечеринок дезабилье и масштабных оргий с садомазохизмом, совокуплением членов королевской семьи и горожан при посильном участии профессиональных проституток мужского и женского пола. Празднества назывались «ночами Адама и Евы»⁶. Как вспоминал один из придворных, «после шампанского свечи гасли, и голые придворные без стеснения предавались взаимной флягелляции, наугад отыскивая партнеров в искусственно созданной тьме, что чрезвычайно веселило Его Величество».

Говорили, что спустя годы Людовик XVI, застенчивый и робкий супруг Марии-Антуанетты, краснел при одном лишь упоминании городка. Впрочем, после 1723 года, когда регент умер и центр придворной жизни сместился назад в Версаль, это название звучало нечасто. Оно вновь стало попадать в разговоры только благодаря человеку, ради которого я сюда и приехал, человеку, который жил и умер здесь в эпоху Французской революции. Неподвижная, будто намертво застывшая в воздухе прохлада, особенно отчетливая в этот промозглый январский день, дарила мне надежду, что кое-какие документы, которые я рассчитывал отыскать, все еще могли здесь храниться. Сидя за письменным столом, заместитель мэра производил незабываемое впечатление. Он лениво смотрел на меня, непроизвольно прищуриваясь, и говорил, столь же непроизвольно усмехаясь.

«В крайне непростую ситуацию», – решительно повторил он.

После чего молчал примерно с полминуты, обводя многозначительным взглядом меня, окно и предметы на своем бюро. За это время я успел заметить на соседнем столике глянцевый журнал о мотоциклах, он лежал рядом со стопкой брошюр о дворце. Я не мог сказать с уверенностью, но мне почудилось, будто заместитель мэра пользуется тушью для ресниц. Его большие карие глаза казались чересчур хорошо очерченными.

Чиновник покачал головой, улыбнулся и разочарованно прищелкнул языком. «Сэр, я знаю, вы проделали далекий путь из самой Америки, чтобы встретиться с ней, но боюсь, я не смогу это устроить».

⁵ «Боюсь, мы попали в крайне непростую ситуацию» (и весь последующий диалог): Заместитель мэра Фабрис Дюфур, интервью, записанное автором. 25 января 2007 г. Вилле-Котре.

⁶ «ночами Адама и Евы» и «после шампанского»: Ernest Roch, «L'ancien château royal», с. 249, цитирует мадам де Тансен и герцога де Ришелье (Профессионально изучая историю Вилле-Котре и региона в годы перед Первой мировой войной, Рош способствовал созданию Музея Александра Дюма. У него имелся личный интерес в этом вопросе: его мать, Луиза Буавэн, состояла в любовной связи с Александром Дюма. Жители города всегда были убеждены, что сам Эрнест – внебрачный сын писателя, а значит, внук генерала Дюма.)

Я начал мысленно подбирать подходящие возражения на французском. Французы, более чем любая другая нация на свете, ценят протест, вот почему они регулярно останавливают свои важнейшие фабрики и учреждения из-за общенациональных забастовок. Однако протестовать нужно правильно. Впрочем, заместитель мэра вновь заговорил, прежде чем я успел вставить хотя бы слово:

«Я не смогу это устроить, сэр, потому что дама, ради которой вы приехали, умерла».

Я решил, что ослышался. У женщины, которая согласилась встретиться со мной, сотрудницы местного музея по имени Элен, по телефону был совсем не старый голос. Мне и в голову не пришло спросить ее фамилию, потому что кроме нее в музее работал только охранник.

«Скоропостижная смерть», – сказал заместитель мэра. Кажется, он добавил что-то о болезни, возможно о раке, но я не уверен. Шок от услышанного разом опустил мой уровень французского языка на пару ступеней.

«В разговоре со мной она ни словом не обмолвилась о том, что больна», – сконфуженно произнес я.

«Мы все шокированы и опечалены», – ответил заместитель мэра.

Я постарался собраться с мыслями и, пробормотав соболезнования, попытался объяснить, как важно мне увидеть документы, которые хранила эта женщина: большинство из них вот уже двести лет не появлялись на свет, за исключением тех редких моментов, когда один коллекционер непонятных французских реликвий продавал их другому такому же собирателю. В конце концов документы, по всей вероятности, осели здесь, в крошечном музее, которому хватило скромных денежных пожертвований на их покупку. Я спросил, нет ли человека, который взял на себя обязанности Элен, и заместитель мэра покачал головой. Составлял ли кто-нибудь опись ее кабинета? Просматривал ли бумаги? Можно ли мне этим заняться?

«В том-то все и дело, в ее кабинете документов нет, – сказал заместитель мэра. – Элен боялась за их сохранность и положила все в сейф. Очень большой сейф, очень надежный. Но когда она умерла, она забрала шифр с собой. Никто его не знает. Она любила со всем управляться сама. Мы все перерыли, но шифр нам найти так и не удалось... Сэр, боюсь, здесь ничего не поделаешь. Несколькими неделями ранее у вас не возникло бы проблем, но сейчас, увы, ситуация крайне непростая. – Он прищурился. – Трагичная ситуация».

Произнесенное с полнейшей невозмутимостью истинного бюрократа, слово, тем не менее, было подобрано удачно. Безликое здание мэрии, спрятавшееся во дворе по соседству с печально знаменитым старым дворцом, находилось на одной улице с маленьким муниципальным музеем, где Элен так любила управляться со всем сама. С учреждением под названием Музей Александра Дюма. Но среди всех гостей городка, без сомнения, лишь горстка людей знала, что знаменитый автор стольких любимых романов, местный уроженец, был, в свою очередь, сыном великого человека – первого Александра Дюма.

* * *

Первый Александр Дюма родился в 1762 году во французской колонии Сан-Доминго, где выращивали сахарный тростник. Его отцом был Антуан Александр де л'Иль. Этот дворянин, скрывавшийся от родных и от представителей закона, прижил мальчика от рабыни-негритянки. Позже Антуан откажется от вымышленного имени и вернет себе настоящее – Александр Антуан Дави, маркиз де ля Пайетри. Он перевезет чернокожего сына через океан – в великолепие и роскошь поместья под Парижем. Но мальчик отвергнет отцовское имя вместе с титулом благородного человека. Он завербует в французскую армию простым солдатом, указав в документах фамилию матери – Дюма. А когда, благодаря собственным

заслугам, дослужится до высокого чина, даже не станет подписываться полным именем – Александр, предпочитая ему грубоватую и простецкую форму – Алекс Дюма.

Алекс Дюма был превосходным воином, человеком твердых убеждений, высокой морали и несгибаемого мужества. Он славился своей силой, искусством фехтования, храбростью и умением одерживать победу в самых отчаянных ситуациях. Но также отличался несдержанностью на язык, что приводило к проблемам в отношениях с начальством. Он был солдатским генералом, которого боялись враги и любили подчиненные, героем в мире, где такое признание доставалось непросто.

Затем, в результате уловок и тайного сговора, Алекс Дюма оказался узником, отравленным неизвестными врагами, лишившимся надежды и всеми позабытым. Совпадение, что такая судьба похожа на жизненный путь молодого моряка по имени Эдмон Дантес. Не сегодня-завтра его ждет начало многообещающей карьеры и женитьба на любимой женщине, однако вместо этого он становится пешкой в заговоре, о котором и помыслить не мог, без суда и следствия попадает в темницу замка Иф – крепости на острове. Но, в отличие от персонажа из написанного сыном романа «Граф Монте-Кристо», Алекс Дюма не встретил в тюрьме покровителя, который помог бы ему совершить побег или найти спрятанные сокровища. Он так никогда и не узнал причину своих злоключений, внезапного падения от славы к страданиям. Я приехал в Вилле-Котре узнать правду о том, что же случилось с самым страстным защитником «свободы, равенства и братства».

Среди своих современников генерал Дюма был легендарной фигурой. Историки, описывая эту эпоху, часто делают паузу, чтобы рассказать какой-нибудь яркий анекдот о нем. Дэвид Джонсон в книге «The French cavalry 1792–1815» пишет о начале военной карьеры генерала: «Дюма был не только первоклассным солдатом⁷, но и, вероятно, самым сильным человеком во французской армии... Его любимой забавой в школе верховой езды было встать в стременах, схватиться за какую-нибудь балку над головой и оторвать себя вместе с лошастью от земли». Более правдоподобным выглядит другой анекдот, который кочует из одного повествования в другое: как-то Дюма сражался в трех дуэлях подряд⁸ – и выиграл все три, несмотря на ранение в голову. Эта легенда почти наверняка легла в основу одной из самых знаменитых и комичных сцен в романе «Три мушкетера»: д'Артаньян назначает дуэли Портосу, Атосу и Арамису почти на одно время (конфликт разрешается счастливо – «Один за всех и все за одного!»), – когда появляются настоящие враги.)

Пока еще всего лишь капрал Алекс Дюма впервые привлек внимание командования, когда в одиночку взял в плен двенадцать солдат противника⁹ и пригнал их в лагерь. Вскоре вслед за этим он повел четырех кавалеристов в атаку на вражеский форт, который защищали более пятидесяти человек, – Дюма собственноручно убил шестерых, а еще шестнадцать пленил. Как подытожил журналист из Парижского общества начала девятнадцатого века, «такая выдающаяся отвага¹⁰ в сочетании с мужественной внешностью, а также исключительной силой и ростом, гарантировали ему быстрое продвижение по службе; благодаря своим талантам он очень скоро доказал, что заслуживает повышения».

Как бы высоко ни восходила его звезда, Алекс Дюма никогда не попадал в число тех, кто отдает приказы, а затем стоит в стороне, наблюдая, как подчиненные делают всю опасную работу. Дюма вел солдат и сам шел впереди. Один из начальников в разговоре с ним

⁷ «Дюма был не только первоклассным солдатом»: David Johnson, *The French Cavalry, 1792–1815*, с. 43.

⁸ в трех дуэлях подряд: MM, с. 28; Ernest d'Hauterive, *Un soldat de la Révolution*, с. 78; Placide David, «Le général Th. Alexandre Dumas», с. 40.

⁹ взял в плен двенадцать солдат противника: Сообщение Национального Конвента, основанное на письме Дюма, 4 декабря 1792 г. – процитировано в газете «Le Moniteur», перепечатано в: *Réimpression de l'ancien Moniteur*, vol. 14 (1858), с. 651.

¹⁰ «Такая выдающаяся отвага»: Jean-Baptiste Courcelles, «Dumas (Alexandre Davy)», с. 502.

однажды заметил: «Дорогой Дюма¹¹, меня бросает в дрожь каждый раз, когда ты садишься на коня и скачешь во весь опор впереди своих драгун. Я снова и снова говорю себе: „У него не будет шанса вернуться целым и невредимым, если он не придержит скакуна“. Что будет со мной, если ты дашь себя убить?»

Даже став генералом и командуя тысячами солдат¹², Дюма по-прежнему предпочитал лично возглавлять небольшие отряды и проводить специальные операции, где он мог добиться победы благодаря собственной смекалке и недюжинным физическим данным. Когда Дюма был главнокомандующим¹³ Альпийской армией (что примерно соответствует сегодняшнему четырехзвездному генералу¹⁴), он надел подбитые шипами ботинки¹⁵ и ночью повел своих людей на штурм непроходимого ледника, чтобы застать врасплох австрийскую батарею, которая казалась столь же недосягаемой, как пушки Наварона. Он захватил вражеские орудия¹⁶ и повернул батарею против австрийцев, заставив их немедленно капитулировать. Дюма взял не только 1700 пленных и около 40 пушек, но и перевал Мон-Сенис – ключ к Альпам.

Когда Дюма и Наполеон еще оба были генералами французской революционной армии, Бонапарт прославлял подвиги Алекса при помощи излюбленных тогда сравнений с героями Античности. Наполеон называл Дюма воплощением Горация Коклеса¹⁷, который спас Римскую республику, не позволив варварам переправиться через Тибр. (Французские революционеры так же, как и американские, жили в мире аллюзий из классической эпохи – Джорджа Вашингтона, например, все сравнивали с Цинциннатом).

Когда Наполеон предпринял вторжение в Египет, Дюма командовал французской кавалерией¹⁸. Именно во время этого похода два столь непохожих друг на друга солдата рассорились навсегда. Столкновение имело как идеологическую (Дюма считал себя борцом за мировую свободу, а не мировое господство), так и личностную подоплеку.

«Если мусульманам¹⁹, к какому бы слою общества они ни относились, доводилось хотя бы мельком увидеть генерала Бонапарта, они удивлялись тому, как он низок и тощ, – писал главный военный врач того похода. – И лишь один человек среди наших генералов поражал их воображение сильнее. Это был... командующий кавалерией, Дюма. Чернокожий, похо-

¹¹ «дорогой Дюма»: офицер – это генерал Бартеlemi Жубер, в Тироле. Сообщение Дермонкура процитировано в: ММ, с. 118.

¹² *командуя тысячами солдат*: например, Дюма командовал подразделением в три тыщи человек в долинах Бардонеккья и Чезане во время кампании по захвату Мон-Сенис. Донесение Дюма Комитету общественной безопасности, 14 мая 1794, SHD 3B9.

¹³ *главнокомандующим*: послание от Национального Конвента к Дюма. 22 декабря 1793, SHD 7YD91 и послание от Национального Конвента к Дюма. 22 ноября 1793. MAD.

¹⁴ *сегодняшнему четырехзвездному генералу*: согласно военному словарю 1898 г., который, похоже, вполне применим даже сегодня, дивизионный генерал носит три звезды, генерал, командующий армейским корпусом, – четыре, а генерал армии – пять. Дюма занимал должности, эквивалентные всем перечисленным рангам. Dictionnaire militaire, encyclopédie des sciences militaires, цит. по: «Les grades», Министерство обороны Франции, website: <http://www.defense.gouv.fr/terre/bloc-les-essentiels/les-grades>.

¹⁵ *подбитые шипами ботинки*: письмо от Дюма к гражданину Герио, 13 марта 1794, SHD 3B107; письмо от Дюма к Комитету общественной безопасности, 21 марта 1794, SHD 3B9.

¹⁶ *Он захватил вражеские орудия*: письмо от Дюма к Комитету общественной безопасности, 14 мая 1794, SHD 3B9.

¹⁷ *Горация Коклеса*: Antoine-Vincent Arnault, et al., «Dumas (Alexandre Davy-de-la-Pailleterie)», с. 161; Simon Linstant, Essai sur les moyens d'extirper les préjugés des blancs contre la couleur des Africains et des sang-mêlés, с. 78; Edmond Chevrier, Le Général Joubert d'après sa correspondance, с. 98; Henri Bourgeois, Biographies de la Vendée militaire, сс. 9–10.

¹⁸ *Дюма командовал французской кавалерией*: справка Отдела командного состава, 8 января 1800, SHD 7YD91; записка из Военного министерства, 6 ноября 1848, SHD 7YD91; письмо от председателя Avre Union Commission (Амьен) к военному министру, 23 октября 1880, SHD 7YD91.

¹⁹ «Если мусульманам»: René-Nicolas Desgenettes, Souvenirs de la fin du XVIIIe siècle et du commencement du XIXe, Vol. 3, с. 124. Насколько мне известно, существуют лишь две копии этого неизданного тома – одна в библиотеке l'Institut de France (Париж), другая – в Bibliothèque centrale du Service des Armées (Валь-де-Грас).

жий на кентавра в те моменты, когда он на коне перемахивал через траншеи, спеша выкупить пленных, — только он, как полагали мусульмане, мог возглавлять поход».

* * *

Алекс Дюма с его ростом выше метра восемьдесят²⁰ и атлетическим телосложением производил более чем внушительное впечатление на фоне французской элиты. Но как он сумел войти в эту элиту — и даже стать признанным национальным героем — в то самое время, когда благосостояние Франции основывалось на труде негров-рабов в колониях?

Жизнь генерала Алекса Дюма кажется исключительной на столь многих уровнях, что легко забывается самый невероятный факт его биографии: чернокожий добился успеха в мире белых людей в конце восемнадцатого столетия. Его мать, Мари-Сессетта Дюма, была рабыней, а его самого на время продал в неволю отец — беглый аристократ, которому понадобились деньги, чтобы оплатить путь назад²¹, во Францию. К двадцати годам Алекс также оказался во Франции, где получил блестящее образование. Его учили классической литературе, философии, изящным манерам, верховой езде, танцам и фехтованию. Жизнь среди парижских вечеринок, театров и будуаров окончилась после ссоры с отцом²², и Дюма завербовался как кавалерист²³ на службу королевы. Это случилось в 1786 году, в канун Французской революции. Когда грянула буря, Дюма воспользовался шансом и сделал стремительную карьеру в рядах новой революционной армии. Он дослужился до командующего целыми дивизиями и армиями. Пройдет еще 150 лет, прежде чем другой чернокожий офицер на Западе сумеет подняться так высоко.

Объяснения, как подобная карьера вообще стала возможна, неразрывно связаны с другой забытой историей — первым в мире движением за гражданские права²⁴. В 1750-х годах, в эпоху Людовика XV, целое поколение неравнодушных к общественной жизни юристов восстало против одной из самых могущественных группировок Франции — против лобби колониальных сахарозаводчиков — и добилось шокирующе широких прав для чернокожих. Рабы, привезенные из колоний во Францию, подавали иски против своих хозяев — и выигрывали свободу. (Сравните это с печально знаменитым решением Верховного суда США по делу Дреда Скотта: в 1850-х годах этот суд придет к выводу, что негры «настолько ниже по уровню развития²⁵, что не имеют прав, которые обязан был бы соблюдать белый человек». Более того, вердикт написан как пародия на французские суды предыдущего века по делам об освобождении рабов.) Соответствующие иски во Франции на несколько десятилетий опередили дело Сомерсета, с которого в Англии началось движение аболиционизма.

С приходом Революции в 1789 году мечта о равенстве во Франции внезапно стала казаться почти всемогущей. Среди французов Дюма оказался далеко не единственным негром или мулатом, сумевшим сделать карьеру. Он скакал в бой вместе с шевалье де Сен-Жоржем, признанным европейским фехтовальщиком (а также прославленным композитором и музыкантом). Шевалье, как и Дюма, был мулатом: его мать была освобожденной рабы-

²⁰ *выше метра восемьдесят*: реестр драгун Полка Королевы, запись о Дюма, 2 июня 1786, CGH: «5 pieds 8 pouces». (Если переводить на современные меры длины, 1,85 м или 6 футов 1 дюйм.)

²¹ *чтобы оплатить путь назад, во Францию*: Robert Landru, À propos d'Alexandre Dumas, сс. 65–66.

²² *после ссоры с отцом*: MM, сс. 21–22.

²³ *Дюма завербовался как кавалерист*: реестр драгун Полка Королевы, запись о Дюма, 2 июня 1786, CGH.

²⁴ *первым в мире движением за гражданские права*: Sue Peabody, «There Are No Slaves in France»: The Political Culture of Race and Slavery in the Ancien Régime, сс. 5–6.

²⁵ *«настолько ниже по уровню развития»*: Dred Scott v. Sandford, 60 U.S. 393 (1857).

ней. Когда началась Революция, шевалье собрал отряд кавалерии, известный как «Légion Noire» («Черный легион»²⁶), и пригласил Дюма в качестве своего заместителя.

К тридцати одному году Дюма дослужился до генеральского чина²⁷, снискав восхищение со стороны почти каждого офицера и солдата, сражавшихся вместе с ним. Воспитанный в Пруссии французский офицер, который открыто признавался в «стойком отвращении к неграм»²⁸ (не говоря уже о «непреодолимой антипатии к евреям»), тем не менее писал, что генерала Дюма «можно назвать лучшим солдатом на свете».

Биография генерала Дюма блестяще иллюстрирует первый подлинный период освобождения от рабства: всего за одно десятилетие Французская революция не только попыталась покончить с рабством и дискриминацией по цвету кожи, но и разрушила стены еврейских гетто и наделила евреев полными гражданскими и политическими правами²⁹, уничтожив почти повсеместную дискриминацию, сохранявшуюся в Европе со времен разрушения Второго иерусалимского храма в 70 г. и. э. Как писал один французский историк в конце девятнадцатого века, генерал Александр Дюма «был живой эмблемой³⁰ нового равноправия».

Сторонникам перемен удалось многого добиться с началом движения аболиционизма в британском мире, как и с возникновением проблемы равенства во время Американской революции. Однако жизнь Алекса Дюма служит доказательством того, что именно Французская революция стала первой эпохой полномасштабного освобождения рабов, а запутанная паутина из ее грез и разочарований предопределила борьбу свободы и предрассудков на следующие два столетия. Эта революционная эпоха расовой эмансипации познакомила значительную часть планеты с современными представлениями о свободе человека (в частности, с идеей о том, что все люди, вне зависимости от их религиозных воззрений или расовой принадлежности, заслуживают равных прав, возможностей, уважения), но также породила обратную реакцию – современный расизм и современный антисемитизм.

В эпоху Террора Дюма демонстрировал сдержанность и человечность, которые могли стоить ему звания и даже жизни. В дни, когда самые радикальные сторонники свободы, равенства и братства совершали преступления во имя этих идеалов, он ни разу не отказался помочь их жертве вне зависимости от его (ее) происхождения или политических убеждений. Посланный на подавление роялистского мятежа на западе Франции, в Вандее (самый мрачный период в истории Французской революции), генерал Дюма рисковал карьерой, пытаясь помешать массовым казням³¹. Позже один роялистски настроенный писатель вспоминал этого «великодушного республиканца»³² и отмечал, что Дюма принадлежал к небольшому числу генералов, которые «всегда были готовы храбро пожертвовать собой на поле боя, но скорее сломали бы собственные шпаги, чем согласились на роль палачей».

Дюма – сын маркиза и рабыни – уникальным образом представлял высшие и низшие социальные слои одновременно. Настоящий идеалист, он не переставал придерживаться своих первоначальных взглядов, даже если те попадали в немилость. Его пленение и заклю-

²⁶ *Черный легион*: сообщение о создании Свободного кавалерийского легиона американцев и юга, 15 сентября 1792, SHD XK9.

²⁷ *Дюма дослужился до генеральского чина*: письмо от председателя Avre Union Commission (Амьен) к военному министру, 23 октября 1880, SHD 7YD91.

²⁸ *«стойком отвращении к неграм» и следующие две цитаты*: Paul Thiébault, Mémoires du général baron Thiébault, vol. 1, с. 60 and Vol. 2, с. 31.

²⁹ *наделила евреев полными гражданскими и политическими правами*: декрет Национальной ассамблеи от 27 сентября 1791, опубликован в Archives parlementaires de 1787 à 1860, vol. 31 (1888), сс. 372–73.

³⁰ *«был живой эмблемой»*: Chevrier, с. 98.

³¹ *пытаясь помешать массовым казням*: General Dumas, «Rapport sur l'état de la guerre de la Vendée», October 8, 1794, cited in MM, сс. 41–45.

³² *«великодушного республиканца»*: Bourgeois, с. 16.

чение во вражеской крепости, где он томился на протяжении двух лет (после чего его отпустили на свободу, чтобы он познал череду еще более мучительных предательств – в своей стране, от своих соратников), служат предзнаменованием для идеалов равенства и братства, особенно в случае с чернокожими мужчинами и женщинами Франции. А малая родина Дюма – Сан-Доминго – станет местом яростной революции и сменит название на Гаити, чтобы подвергнуться остракизму со стороны белых наций и откатиться из центра мировой экономики на самую глухую ее периферию.

* * *

Головокружительный взлет и последующее падение генерала Дюма – одна из тем, которыми пронизаны мемуары его сына. «Я боготворил отца³³, – писал романист. – Я все еще люблю его так нежно, глубоко и преданно, как если бы он воспитывал меня всю мою юность и мне бы посчастливилось превратиться из ребенка в мужчину, полагаясь на его несокрушимую поддержку».

Роман Алекса Дюма с матерью писателя – Мари-Луизой Лабуре³⁴, белой женщиной из семьи состоятельных буржуа, – похож на сказку. Они полюбили друг друга в первые месяцы Революции, когда кавалерист приехал защитить ее город. Вот как получилось, что семья Дюма обосновалась в Вилле-Котре. Отец Мари-Луизы, владелец гостиницы Шарль Лабуре³⁵, сделал состояние на увеличивающемся потоке гостей, которых веселая Орлеанская династия привлекала в городок. Шарль Лабуре дал согласие на брак дочери всего с одним условием: Дюма, тогда всего лишь рядовой в драгунском полку, должен добиться первого повышения по службе и получить звание сержанта. Когда Дюма вернулся в Вилле-Котре и повенчался со своей невестой, он был выше званием на четыре ступени. Брак Дюма и Мари-Луизы окажется счастливым, у них родятся трое детей³⁶, причем Александр, знаменитый писатель, станет последним из них и единственным мальчиком.

Если обратиться к творчеству Дюма, судьба отца напрямую вдохновила писателя на создание романа «Жорж», в котором юноша-мулат из французской сахаропроизводящей колонии приезжает в Париж, становится великим фехтовальщиком и возвращается на остров отомстить за давнее расистское оскорбление (последнее служит почти точным пересказом обидного инцидента, который произошел с его отцом в молодости).

К концу романа Жорж женится на женщине своей мечты, доказывает превосходство над белыми в отваге и мастерстве фехтовальщика, побеждает на дуэлях, спасает девушек и возглавляет неудачное восстание рабов, из-за чего попадает на эшафот. Впрочем, главному герою удастся в последнюю минуту спастись от смерти благодаря брату – капитану невольничьего корабля. У Жоржа много общего с Эдмоном Дантесом из романа «Граф Монте-Кристо», который выйдет из печати спустя всего несколько месяцев. Жорж ничего не забывает, он помнит все до мельчайших деталей, будто ожившая энциклопедия. Когда он возвращается, чтобы посчитаться с белыми за оскорбление своей семьи, Жорж раз за разом пользуется тем, что его враги живут только настоящим. Для них прошлое вовсе не настолько живо, как для Жоржа. Они не помнят и потому не видят истинного положения дел. То есть мечты, которую Жорж воплощает в жизнь, – мечты о том, что чернокожий может стать дворянином, более образованным, талантливым и могущественным, чем белые плантаторы.

³³ «Я боготворил отца»: ММ, с. 225.

³⁴ Мари-Луизой Лабуре: (далее – Мари-Луиза) Свидетельство о рождении, 4 июля 1769, MAD Safe.

³⁵ Отец Мари-Луизы, Шарль Лабуре: свидетельство о браке Мари-Луизы, 28 ноября 1792, MAD Safe.

³⁶ у них рождаются трое детей: Александрина Эме Дюма, р. 1793; Луиза Александрина Дюма, р. 1796, ум. 1797; Александр Дюма, р. 1802, ум. 1870.

Автор «Графа Монте-Кристо» дал достаточно стандартное описание того, откуда у него взялась идея романа³⁷. (В предложенную версию особенно не укладывается следующий факт: Шарль, дядя Алекса Дюма по отцовской линии, человек, пользующийся дурной репутацией, как-то раз использовал Карибский остров под названием Монте-Кристо как перевалочную базу для контрабанды сахара и рабов.) Как Дюма написал в одном из очерков³⁸, главная сюжетная линия романа основывалась на подлинной истории отвратительного преступления, обнаруженной автором в архивах парижской полиции. Речь шла о человеке, которого ложно обвинили в политическом заговоре и бросили в тюрьму по доносу со стороны группы завистливых друзей. Мужчина провел за решеткой семь лет и вышел на свободу только после того, как власть в стране сменилась. Бывший узник стал охотиться на своих приятелей и хладнокровно убивать их одного за другим. Дюма действительно использовал многие детали из полицейского отчета, однако реальный преступник бесконечно далек от беспощадного, но в конечном счете очень человеческого графа.

В последних строках очерка романист намекает, что различные «стандартные» объяснения могут быть чистой воды болтовней и профанацией. «А теперь любой читатель вправе искать другой источник „Графа Монте-Кристо“, помимо предложенного мною, – писал Дюма, – но только очень мудрый человек сумеет найти его». Невозможно узнать наверняка, чего именно хотел добиться романист, призывая мудрого читателя «искать другой источник „Графа Монте-Кристо“», но кажется весьма вероятным следующее предположение: писатель надеялся, что однажды кто-нибудь догадается об истинном происхождении преданного всеми героя. Ранее Дюма уже превратил списанный с отца персонаж в мулата Жоржа, мстителя и бескомпромиссного борца за справедливость. Но история реального преступления, к которой писатель обратился затем, давала шанс придать усилиям отца универсальный характер. Наделяя Эдмона Дантеса отдельными чертами Алекса Дюма, романист подменял преступника (эквивалент современного серийного убийцы) человеком, воплощающим в себе универсальное стремление общества к справедливости.

В «Графе Монте-Кристо» Дюма наделяет преданного всеми главного героя не только реальными несчастьями, выпавшими на долю отца в последние годы жизни, но и вымышленным ощущением своего рода мрачного триумфа. Этот персонаж можно считать предшественником любого современного триллера от комиксов о Бэтмене³⁹ до «Идентификации Борна». Ни один приключенческий роман девятнадцатого века не вызвал такого отклика. Сбежав из темницы и завладев сокровищами Монте-Кристо, Дантес строит в пещерах острова роскошное подземное убежище. Он становится мастером всех видов боевых искусств, хотя, как правило, побеждает врагов за счет ума, подчиняя закон и прочие общественные институты своей сверхчеловеческой воле. Граф знает, что мир жесток и порочен, а потому превращается в гения жестокости и порока, и все это ради цели помочь самым слабым и угнетенным. Граф – первый литературный персонаж, провозгласивший себя супермэном. И в этом он на много лет опередил Ницше⁴⁰ (не говоря уже о возникновении комиксов).

³⁷ достаточно стандартное описание того, откуда у него взялась идея романа: версию Дюма повторяют, например, David Coward, «Introduction», в книге Alexandre Dumas (père), *The Count of Monte Cristo*, ed. David Coward (Oxford, 2008), сс. ix – xxi; Harry Ashton-Wolfe, *True Stories of Immortal Crimes*, сс. 15–33; Arthur Davidson, *Alexandre Dumas, père: His Life and Works*, pp. 258–61. Исключение составляет Gilles Henry, *Les Dumas: Le secret de Monte Cristo*.

³⁸ Дюма написал в одном из очерков: Alexandre Dumas (père), «État-civil du Comte de Monte-Cristo».

³⁹ от комиксов о Бэтмене: см. Luc Sante, «Introduction», в книге Alexandre Dumas (père), *The Count of Monte Cristo*. с. xxv.

⁴⁰ Итальянский марксист Антонио Грамши, писавший в начале двадцатого века, на пике популярности Ницше, зашел настолько далеко, что даже заявил: «Многие самопровозглашенные ницшеанцы [Antonio Gramsci, *Prison Notebooks*, trans. Joseph A. Buttigieg, vol. 3 (2011), с. 382.] – всего лишь... последователи Дюма. Их поверхностное увлечение трудами Ницше „объясняется“ тем влиянием, которое произвело на них чтение „Графа Монте-Кристо“» – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, – примечания автора.*

Писатель Дюма вырос в мире, который сильно отличался от мира его отца, – расизм в те годы набирал силу, а вовсе не слабел. Коллега Дюма – романист Бальзак – называл его «негром»⁴¹. После успеха «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» критики предприняли нескончаемую публичную кампанию по дискредитации Дюма, насмехаясь над его африканскими корнями. Его называли черным тропическим сорняком на литературной ниве Франции. Один автор даже заявил: «Потрите шкуру господина Дюма⁴², и вы обнаружите дикаря... негра!»

Карикатуристы-современники изображали романиста как негра с гусиным пером в руках – невероятно большие губы, кудрявые волосы, украшенные яркими, безвкусными драгоценностями. Один особенно известный художник⁴³ облачил его в юбку из травы, проделал отверстие в носу и дал в руки каннибальский котел, в котором писатель живьем варил своих белых персонажей. Дюма был лишь на четверть негром, тогда как его отец – наполовину, но взгляды общества на расовый вопрос изменились кардинально в сравнении с концом восемнадцатого столетия, когда африканские корни Алекса Дюма не мешали ему считаться благороднейшим из французов.

Романист старался не обращать внимания на расистские оскорбления в свой адрес, но они наверняка причиняли ему острую боль. Впрочем, худшим из всех зол было то, что его отца, генерала Алекса Дюма, все забыли. Сыну так и не удалось ни открыть всю правду об отце, ни восстановить его место в истории. Однако Дюма отомстил за отца по-другому. Он создавал вымышленные миры, где ни один злодей не оставался безнаказанным, а хорошие люди пользовались защитой и покровительством со стороны бесстрашных героев, почти супермэнов, то есть героев, очень похожих на Алекса Дюма.

* * *

Я прочел тысячи писем генерала Дюма и о нем самом – в Венсенском замке, крепости в стиле Бастилии, где сейчас находится архив французского Министерства обороны. Миновав портреты Наполеона в натуральную величину и подсвечник из сотен мушкетеров, я оказывался в окружении ветеранов, которые искали свои полки, перелистывая тонкие гладкие страницы и вчитываясь в печатные отчеты двадцатого столетия. Мне же приходилось работать с кипами документов, написанных каллиграфическим почерком на толстой пергаментной бумаге. История Французской революции представляла передо мной как зрелищная череда бесконечных битв.

Через некоторое время я научился узнавать изящный почерк Алекса Дюма. Отец писателя рассказывал – часто с удивительной прямотой – о своих надеждах на будущее, о крушении планов, связанных с военной карьерой, и о вере в идеалы, за которые он сражался. Благородство и неистовая отвага на поле боя, превратившие Алекса Дюма в одного из лучших солдат эпохи, легко просматриваются даже в грудах ежедневных рапортов, созданных военной бюрократией. Насмешки Дюма над армейским протоколом, гневные предостережения в адрес тех, кто жестоко обращался с мирным населением, и полные бахвальства выходки против трусливых генералов-штабистов часто заставляли меня громко смеяться. Его забота о солдатах и готовность пожертвовать всем ради прав человека и гражданина, кто бы ни стоял на пути к цели, порой доводили меня чуть ли не до слез.

⁴¹ «негром»: Philibert Audebrand, *Alexandre Dumas à la Maison d'Or*, сс. 49–50.

⁴² «Потрите шкуру господина Дюма»: Eugène de Mirecourt, *Fabrique de romans*, с. 7.

⁴³ Один особенно известный художник: «Nouvelle bouillabaisse dramatique par M. Dumas père» (отзыв о пятиактной пьесе Дюма «Les Gardes Forestiers»), *Le Charivari*, 1858, Коллекция документов la Société des Amis d'Alexandre Dumas.

Я нашел служебные рапорты Дюма, его донесения с поля боя, а также анекдоты о нем в сочинениях девятнадцатого века по военной истории. Однако мне удалось узнать очень немного о генерале Алексее Дюма как человеке – в архиве нет ни его любовных писем, ни мемуаров, ни даже завещания. Кажется, будто деяния этого человека стерты из памяти слабой его сына и внука, которые носили его имя. Даже эпитет «Dumas père» («Дюма-отец»), под которым романист известен во Франции, отрицает существование генерала Дюма; такое именование позволяет отличить писателя лишь от «Dumas fils» («Дюма-сына») – драматурга, автора драмы, что легла в основу «Травиаты» Верди. Более того, выяснилось, что Музей Александра Дюма в Вилле-Котре, хотя и «посвященный жизни⁴⁴ и творчеству Трех Дюма», в основном представляет собой собрание, связанное с романистом. Вещи и документы о драматурге занимают средних размеров зал, а на долю генерала досталась лишь маленькая комнатка. В этом помещении находятся несколько портретов, кое-какие письма о его боевых подвигах и прядь его курчавых черных волос⁴⁵. Моя главная надежда состояла в том, что в сейфе музея найдутся личные письма, бумаги, которые генерал Дюма держал у себя до самой смерти, по-настоящему важные для него документы, которые его вдова Мари-Луиза впоследствии передала сыну. Именно они помогут мне понять отца писателя.

В музее продавался буклет, где описывалось создание этого учреждения. Текст отличался своего рода стремлением к бюрократической дотошности, которое североамериканцам было бы сложно понять. По мере того как я читал о более чем десяти годах хитроумной борьбы между властями города, региона и страны по поводу статуса семейных реликвий Дюма, надежды на благополучное решение моей проблемы сменялись отчаянием: у городских чиновников могли уйти месяцы, если не годы, на то, чтобы согласовать процедуру открытия сейфа. Торопиться им было некуда. Десятилетиями эти реликвии скапливались в помещениях на втором этаже музея, а единственный человек, который знал их или хотя бы переживал за их сохранность, умер.

Февраль уступил место марту, а заместитель мэра Дюфур в каждом телефонном разговоре неизменно сообщал, что изучает суть дела⁴⁶ и выясняет намерения городских властей относительно сейфа. Он говорил, что вопрос решится через пару дней. Затем, что еще через пару дней. Затем, что через десять дней. Затем он перестал отвечать на мои звонки. Тогда я приехал лично и проделал путь из Вилле в Париж, затем обратно в Нью-Йорк и вновь в Париж.

По мере того как число моих визитов росло, я обнаружил, что на свете все еще есть последователи генерала Дюма. Они называли себя Ассоциацией трех Дюма или просто сторонниками Дюма. Группа не была большой – ее ядро состояло из дюжины пожилых людей, считавших себя приверженцами духа Дюма, то есть духа отваги и товарищества. Они собирались в ресторанчике «Ле Киоск», объединенном с букинистическим магазином. Заведением управлял господин Голди, чей рокошущий, как артиллерийская канонада, французский окаймляли португальско-шотландские словечки и чьи деды – оба выходцы из британских владений в Индии – каким-то образом осели здесь после множества приключений. Я присутствовал на ежегодном съезде приверженцев Дюма, где познакомился с иранкой из Мэриленда. Она переводила произведения Дюма на фарси. Новоизбранным президентом ассоциации был щеголеватый топ-менеджер. Он подхватил эту заразу после того, как по случаю купил на окраине городка небольшой замок, который генерал Дюма снимал⁴⁷ в 1804 году.

⁴⁴ «посвященный жизни»: Брошюра Музея Александра Дюма.

⁴⁵ Позже я побывал в одном парижском магазине возле Люксембургского дворца и многое узнал об удивительно бойкой торговле прядями волос, относящимися к эпохе Французской революции и правления Наполеона.

⁴⁶ изучает суть дела, и последующие цитаты: Беседы с заместителем мэра Фабрисом Дюфуром, февраль – март 2007, Вилле-Котре.

⁴⁷ небольшой замок, который генерал Дюма снимал: Ernest Roch, «Le Général Alexandre Dumas», с. 105.

Топ-менеджер жил в Алма-Ате, Казахстан, но обещал вернуться в Вилле-Котре, чтобы руководить следующим съездом.

Впрочем, истинным главой и сердцем ассоциации был бывший виноторговец. Он только что покинул пост президента организации, которую создал и возглавлял многие годы. Его звали Франсуа Анго, а его родственники были официальными егерями городка, поддерживая традицию, которая веками привлекала в близлежащий лес Ретц членов королевских фамилий. Как и новый руководитель ассоциации, Анго связался с «Тремя Дюма» в результате сделки с недвижимостью. В его случае это произошло сразу после Второй мировой войны, когда его отцу посчастливилось купить дом, где умер генерал Дюма⁴⁸. (Когда в начале 1960-х обстоятельства вынудили отца Анго выставить дом на продажу, он попытался убедить городские власти купить его, однако не встретил с их стороны достаточного интереса. Новый владелец, зубной врач, запер ворота на крепкий замок и повесил на них табличку, рекомендующую любителям достопримечательностей проходить мимо не задерживаясь. Именно тогда Анго решил: его единомышленникам нужна ассоциация, чтобы поддерживать в городке память о трех Дюма.)

После автомобильной аварии Анго пришлось ходить всюду на костылях. Двигался он гораздо быстрее меня, потому что, когда ему требовалось преодолеть какое-либо расстояние, он яростно бросал свое тело вперед, затем ставил костыли далеко от себя, вновь бросался вперед и вновь ставил костыли. Он напоминал взбесившийся маятник – манера передвижения, подходящая для атлета. И Анго без устали показывал мне связанные с Дюма детали во всех закоулках городка, даже в обычных барах и закусочных, с неоновыми вывесками, постерами спортсменов и поп-звезд на стенах, можно было обнаружить расхожий портрет писателя Александра Дюма.

Анго цитировал строки из «Трех мушкетеров» так, будто их написал Шекспир, и я вновь видел силу этих историй: они вдохновляют человека держаться беспечно, с небрежным изяществом, как бы плохо ни шли его дела. Свои политические взгляды Анго называл легитимизмом, то есть он поддерживал не просто монархию, а династию Бурбонов (самое пропащее дело на свете), и при этом я никогда не слышал от него злого слова в чей-либо адрес. Он идеализировал Старый порядок, носил галстуки с геральдической лилией. Та же эмблема французского королевского дома была на его машинке для вскрытия конвертов. Однако это пристрастие уравновешивалось неукротимой любовью к ультрареспубликанцу и демократу генералу Дюма, которого он считал величайшим представителем величайшей семьи.

Мы бесчисленное число раз обсуждали возможные решения «сейфовой проблемы». Я обратился за консультацией к эксперту, и тот сказал, что есть всего несколько способов так или иначе открыть сейф. Потребуется услуги специалиста – сапера, мастера по замкам или даже взломщика, – не говоря уже о разрешении. Но как все это осуществить, если городские власти не идут на сотрудничество?

Анго ни секунды не сомневался в том, что я справлюсь. «Что за приключение⁴⁹ без капельки опасности?» – сказал он, и его глаза на мгновение вспыхнули.

Я пришел к выводу, что заместитель мэра Дюфур не питает антипатии к моей проблеме, скорее он просто не принадлежит к числу поклонников творчества Дюма. Кто-то сказал мне, что до назначения заместителем мэра, отвечающим за сферу культурного наследия, Дюфур интересовался главным образом таким разделом культуры, как автомобили и мотоциклы. Оставалось неясным, прочел ли он хоть один роман, написанный лучшим сыном городка. Посоветовавшись с последователями Дюма, я пригласил Дюфура на щедрый обед в

⁴⁸ дом, где умер Дюма: там же, сс. 107–8.

⁴⁹ «Что за приключение»: Беседа с Франсуа Анго, март 2007, Вилле-Котре.

«Ле Киоск», где после нескольких перемен блюд с различными винами и коньяком (достоинства которых он, как принято во Франции, снабжал многочисленными комментариями) я полнее объяснил, почему изучение хранившихся в сейфе бумаг так важно для наследия городка и даже всей страны. Сейф, вполне возможно, таил в себе правду о самых любимых литературных произведениях, вкладе Вилле-Котре в мировую культуру, важен и тот факт, что нация Дюфура сокрушила барьеры расовой сегрегации на годы вперед.

Заместитель мэра постепенно оживился и даже воодушевился. «Один за всех, месье Рейсс! – сказал он, поднимая бокал. – Мы должны открыть этот сейф!» Извиняясь за необходимость срочно бежать по своим чиновничьим делам, он тепло пожал мне руку. Я заручился новым союзником, по крайней мере, до тех пор, пока у него не выветрится хмель.

Я счел приведенную выше фразу Дюфура приглашением взломать сейф – ради истории, ради судьбы, ради тех чертовых бумаг, которые были внутри, – и не стал терять времени даром. В региональной столице я нашел специалиста по замкам (он утверждал, что имеет опыт в делах такого рода) и назначил ему встречу на тот день, когда музей был закрыт. Я согласовал план с заместителем мэра, который поднял вопрос о пожертвовании – 2000 евро наличными, *s'il vous plaît*⁵⁰ – в Фонд безопасности документов генерала Александра Дюма⁵¹.

На следующий день слесарь приехал в музей с ящиками для инструментов, набитыми дрелями и прочим оборудованием. Заместитель мэра устроил так, что во дворе музея вместе со штатным охранником дежурили двое полицейских. Сейф стоял в углу хранилища на втором этаже, заваленный каталожными ящиками, старой одеждой, горсткой керамических изделий, копирующих шедевры эпохи классицизма, и набором частично разобранных манекенов из универмага, которые навели меня на мысль о смертной казни через обезглавливание, популярной в годы революции. Сразу за сейфом валялся еще один манекен, разделенный на две половины: верхняя щеголяла трехцветным патронташем – из тех, что французские официальные лица носят во время государственных приемов; нижняя, стоявшая бок о бок, была облачена в короткие мужские трусы.

Слесарь снял кожаную куртку и проворно разложил инструменты. Изучив сейф, он аккуратно приложил к дверце какой-то электронный аппарат. «Найдите точку, только и всего, – заявил специалист по замкам. – Вам просто нужно понять, где просверлить отверстие».

Затем дела пошли именно так, как показывают в фильмах. Он выбрал какой-то участок дверцы при помощи стетоскопа, посверлил, еще раз посверлил, щелк-щелк, послушал, постучал, посверлил, снова послушал... И точка в самом деле нашлась! Заключительный сноп искр разлетелся вокруг, когда слесарь всем телом нажал на дрель. Я затаил дыхание.

Дверца распахнулась настежь, открыв на всеобщее обозрение стопки бумаг общей высотой около двух метров: потертые папки, ящички, пергаменты и документы на тонкой гладкой бумаге – коллекция, которую Элен собирала годами. Все они имели отношение к Александру Дюма – отцу, сыну или внуку, но мне пришлось поспешно рыться в этих бумагах, выискивая лишь документы о самом первом носителе имени – генерале Дюма. Наше соглашение с заместителем мэра отводило мне лишь два часа на съемку документов, какие я смогу обнаружить. Затем содержимым сейфа завладеют дежурившие на улице полицейские. Они переправят бумаги бог знает куда и бог знает на какое время. Я достал фотоаппарат с широкоугольным объективом и принялся за работу.

⁵⁰ Будьте любезны (*фр., примеч. пер.*).

⁵¹ General Alexandre Dumas Memorial Safe Fund, игра слов, в буквальном значении название переводится как Фонд сейфа с документами генерала Александра Дюма. – *Примеч. пер.*

Книга первая

Глава 1

Сахарный завод

Александр Антуан Дави де ля Пайетри⁵² – отец будущего Алекса Дюма – родился 26 февраля 1714 года в нормандской провинции Ко, регионе, где похожие одна на другую молочные фермы нависают над высокими меловыми скалами северо-западного побережья Франции. В исписанном каракулями обрывке бумаги того времени сказано, что мальчика крестили «по-простому⁵³, дома, из-за угрозы смерти». Родители сочли его слишком хилым и не рискнули принести в местный храм. Антуан был первенцем⁵⁴ в родовитом семействе⁵⁵, которое владело замком, испытывало вечную нужду в деньгах и страдало от переизбытка коварных родственников. Впрочем, мальчику предстояло со временем превзойти их всех.

Антуан выжил, однако в следующем году после 72 лет правления скончался его государь – король Людовик XIV, Король-Солнце. Находясь при смерти, король советовал наследнику – пятилетнему правнуку: «Я слишком любил войну⁵⁶, не подражай мне ни в этом, ни в привычке транжирить деньги». Пятилетний малыш, по всей вероятности, без колебаний кивнул в ответ. Правление этого короля, Людовика XV, превратится в серию столь непомерно дорогих, бессмысленных и бесполезных трат и войн, что покроет позором не только его имя, но и сам институт французской монархии.

Но любовь королей к мотовству и войнам не могла сдержать развитие Франции. «Великая нация» стояла на пороге эпохи философов – Просвещения – и всего, что из этого вытекало. Французы были готовы схватить мир за шкуру, хорошенько встряхнуть и втащить в новейшую историю. Впрочем, для этого им требовалось раздобыть деньги. Много денег.

В Нормандии таких денег не было, и, уж конечно, их не было в замке Пайетри. Герб этого рода⁵⁷ – три золотых орла с золотым кольцом на лазурном фоне – выглядел впечатляюще, но мало что значил. Дави де ля Пайетри были провинциальными аристократами⁵⁸ из региона, изобиловавшего скорее историями о славном прошлом, нежели текущими сбережениями. Их состояния было недостаточно, чтобы наслаждаться знатностью и ничего не делать, – по крайней мере, так сумело бы прожить только одно поколение семьи.

Тем не менее знатность есть знатность, и Антуан, как первенец, со временем мог претендовать на титул маркиза⁵⁹ и родовое поместье Бьельвиль, которое к нему прилагалось.

⁵² Александр Антуан Дави де ля Пайетри родился: свидетельство о крещении, приход Бьельвиль, 8 октября 1714, Registres paroissiaux, AD5M.

⁵³ «по-простому»: там же.

⁵⁴ первенцем: Document about Antoine's property sales and the Count de Maulde, March 16, 1776, ADPC 10J34c.

⁵⁵ в родовитом семействе: Alexandre Mazas, Histoire de l'ordre royal et militaire de Saint-Louis, Vol. 2, с. 58. Маза цитирует письмо от 8 мая 1755 года, посланное министру военно-морского флота, где семья Дави де ля Пайетри характеризуется как «добрый дворянский род ... [его] корни восходят к предку, возведенному в дворянство Людовиком XI, около 300 лет тому назад».

⁵⁶ «Я слишком любил войну»: Voltaire, Histoire du siècle de Louis XIV, с. 81.

⁵⁷ герб этого рода: свидетельство о роде Дави, 1770, BNF NAF 24641 со ссылкой на «French Armories, Volume I, Part I, pg. 183»; François-Alexandre Aubert de La Chesnaye Des Bois, Dictionnaire généalogique, héraldique, chronologique et historique, Vol. 4, с. 546; Gustave Chaix d'EstAnge, Dictionnaire des familles françaises anciennes ou notables à la fin du XIXe siècle, Vol. 15 (1903–29), с. 31; Henri Gourdon de Genouillac, Recueil d'armoiries des maisons nobles de France, с. 171.

⁵⁸ провинциальными аристократами... их состояния было недостаточно: Réginald Hamel, Dumas – insolite, с. 19.

⁵⁹ претендовать на титул «маркиз»: в заявлении в суд граф де Мольде упоминает «мессира Александра Антуана Дави, шеваля маркиза де ля Пайетри», 30 ноября 1778, ADPC 10J35. Решение суда упоминает «Александра Дави маркиза де ля Пайетри», 9 августа 1786, AN Y1787.

Следующими наследниками после Антуана были два его младших брата – Шарль-Анн-Эдуард (Шарль)⁶⁰, родившийся в 1716 году, и Луи-Франсуа-Терез (Луи)⁶¹, 1718 года рождения.

Понимая ограниченность своих перспектив⁶² в Нормандии, все три брата Пайетри решили искать счастья на военной службе⁶³. Тогда дворяне зачислялись в ряды офицеров уже с 12 лет. В шестнадцать Антуан получил звание второго лейтенанта в Королевском корпусе артиллерии – весьма многообещающей армейской части. Братья-подростки вскоре последовали по его стопам и тоже стали младшими офицерами. Братьям Пайетри нашлось занятие в 1734 году, когда Его Величество без колебаний ввязался в Войну за польское наследство – очередной спор в серии династических конфликтов, которые регулярно становились поводами к сражениям по причудливым, но от этого не менее кровавым правилам европейских битв восемнадцатого столетия. Врагами в этой маленькой войне выступили монархии, традиционно соперничавшие за превосходство на европейской суше – Бурбоны и Габсбурги, Франция и Австрия. (Вскоре Англия начнет играть гораздо более важную роль, особенно на море и в Новом Свете, однако это произойдет спустя еще одну-две войны.)

Помимо офицерского звания в артиллерии, Антуан служил на фронте и как придворный⁶⁴ – в свите принца Конти, лихого и баснословно богатого кузена короля⁶⁵. В 1734 году Антуан принял активное участие в осаде Филипсбурга, вошедшей в анналы военной истории благодаря Карлу фон Клаузевицу, автору трактата «О войне». Описывая эту цитадель, фон Клаузевиц назвал ее «великолепным примером того, как не надо строить крепость⁶⁶. Ее расположение можно сравнить с позой какого-нибудь идиота, который уперся носом в стену и не знает, что делать дальше»⁶⁷. Вольтер⁶⁸ тоже был там. Он находился в бегах⁶⁹ (король подписал ордер на его арест) и в дни осады выступал в роли войсковой Службы организации досуга в одном лице, предлагая бренди и свое остроумие в перерывах между схватками⁷⁰ и сочиняя оды в честь воинов.

Впрочем, самое знаменательное событием в дни службы Антуана в Филипсбурге не связано с военными действиями. Он стал очевидцем ночной дуэли между князем Ликсеном и герцогом Ришелье⁷¹ после фронтовой вечеринки в честь дня рождения принца Конти. Гер-

⁶⁰ Дата рождения Шарля: его сертификат о крещении, 13 октября 1716, ADPC 10J26.

⁶¹ Дата рождения Луи: его свидетельство о браке, 18 июня 1753, ADPC 10J26.

⁶² ограниченность перспектив в Нормандии: F e r n a n d Gaudu, «Les Davy de La Pailleterie, seigneurs de Biellevilleen-Saух».

⁶³ искать счастья на военной службе: Луи назван полковником Королевской артиллерии в официальном заявлении графа де Мольде в суд, 30 ноября 1778, ADPC 10J35. Шарль назван «бывшим офицером войск, направленных флотом на Сан-Доминго» («ancien officier des troupes détachées de la marine à St Domingue») в решении суда, датированном 17 октября 1761, ADPC 10J35. Антуан вступил в Corps Royal de l'Artillerie: свидетельство Дюма о браке, 28 ноября 1792, MAD Safe. См. также: Robert Landru, A propos d'Alexandre Dumas, les ai eux, le général, le bailli, premiers amis, сс. 56–7.

⁶⁴ служил на фронте и как придворный: документ, описывающий спор между Александром Дюма (тогда Тома Петорэ) и его мачехой, 22 ноября 1786, AN LX465.

⁶⁵ лихого и баснословно богатого кузена короля: Jacques Levron, Le maréchal de Richelieu: Les trésors des princes de Bourbon Conti; Jacques Roujon, Conti: L'ennemi de Louis XIV; Jonas Boyve, Annales historiques du comté de Neuchatel et Valangin; Jonathan R. Dull, The French Navy and the Seven Years' War, с. 23.

⁶⁶ «великолепным примером того, как не надо»: Karl von Clausewitz, On War, с. 403.

⁶⁷ Как полагал Клаузевиц, если вы не можете поставить крепость прямо на реке, вам следует перенести цитадель подальше от воды. Филипсбург располагался всего лишь возле реки, и поэтому его можно было атаковать всеми возможными способами.

⁶⁸ Вольтер в Филипсбурге: Frank Hall Standish, The Life of Voltaire, с. 141.

⁶⁹ находился в бегах: „Epitre XLV,“ Voltaire, Oeuvres complètes, vol. 2, с. 612.

⁷⁰ предлагая бренди и свое остроумие в перерывах между схватками: «A Monsieur *** / Du camp de Philippsbourg, le 3 juillet 1734», Oeuvres choisies de Voltaire: Poésies, сс. 234–35.

⁷¹ дуэли между князем Ликсеном и герцогом Ришелье: E m i l e Colombey, Histoire anecdotique du duel, с. 82; Levron; Jean Fougeroux de Campigneulles, Histoire des duels anciens et modernes, Vol. 1, с. 200; Augustin Grisier, Les armes et le duel, с. 47; Roger de Beauvoir, Duels et duellistes, сс. 21–22, 23; Andrew Steinmetz, The Romance of Duelling in All Times and Countries,

цог счел оскорбительными насмешки князя над генеалогией Ришелье. Двоюродным прадедушкой герцога был кардинал Ришелье (позже увековеченный как усатый франт и заклятый враг трех мушкетеров). Этот советник Людовика XIII вел финансовые и строительные проекты короля с большой выгодой как для себя, так и для Франции. Но подобные достижения не отвечали высоким стандартам снобизма, характерным для Ликсена. Он считал клан Ришелье выскочками. Ситуацию усугубляло еще и то обстоятельство, что герцог недавно оскорбил князя, женившись на одной из его кузин.

В полночь сводные родственники сошлись на поле чести – между палатками, в которых обычно ужинали офицеры, и траншеями. Соперники обменивались выпадами в темноте, пока их лакеи пытались осветить поединок на шпагах⁷² при помощи тускло мерцавших фонарей. Князь первым сумел приноровиться к полумраку и ранил Ришелье в бедро. Тогда лакеи сменили фонари на обычные факелы, и дуэлянты стали загонять друг друга в траншеи. Клинки полыхали в свете огня. Князь проткнул герцогу плечо. В этот момент поле чести осветил залп вражеских пушек. Один из лакеев был убит прямым попаданием.

Ришелье контратаковал и на глазах Антуана⁷³ вонзил клинок⁷⁴ в грудь неудачливого сводного родственника. Современники сочли такой исход поэтичным и не лишенным справедливости⁷⁵, поскольку сам Ликсен чуть ранее отправил на тот свет одного из своей родни – дядю жены, маркиза де Линевиля, – за столь же пустяковое оскорбление. Смерть на поле боя от руки соратника в восемнадцатом столетии была обычным делом⁷⁶.

Когда в 1738 году война закончилась, Антуан воспользовался шансом покинуть армию⁷⁷, а заодно – и Европу. Пока он квартировал в Филиппсбурге, его младший брат Шарль вступил в колониальный полк и отправился во французскую колонию Сан-Доминго⁷⁸, на вест-индский остров Эспаньола. Это был удачный шаг.

* * *

Колония занималась поставками сахара. Выращивание сахарного тростника было нефтяным бизнесом восемнадцатого века, а Сан-Доминго – Диким Западом Старого порядка, где отпрыски обнищавших дворянских родов могли быстро разбогатеть. Прибыв в колонию простым солдатом, которому едва исполнилось шестнадцать, Шарль Дави де ля Пайетри к двадцати двум годам познакомился с молодой женщиной Мари-Анн Тюффэ⁷⁹ и снискал ее благосклонность. Ее семья владела большой плантацией сахарного тростника на преуспевающем северо-восточном побережье. Антуан решил присоединиться к брату.

Vol. 1, с. 221; Louis François Armand du Plessis de Richelieu, Mémoires historiques et anecdotes du duc de Richelieu, vol. 6, с. 5; ММ, с. 17.

⁷² осветить поединок на шпагах: Hugh Noel Williams, The Fascinating Duc de Richelieu, сс. 124–25.

⁷³ на глазах Антуана: Colombey, с. 82; Steinmetz, с. 221.

⁷⁴ вонзил клинок: Louis-François Faur, Vie privée du Maréchal de Richelieu, сс. 309–11; Fougeroux de Campigneulles, с. 200; Alexandre Dumas (père), «Préface en forme de causerie ou causerie en forme de préface», сс. 46–47; Colombey, с. 82; de Beauvoir, сс. 21–22.

⁷⁵ поэтичным и не лишенным справедливости: Robert Baldick, The Duel: A History of Duelling, с. 79; Martine Debaisieux and Gabrielle Verdier, Violence et fiction jusqu'à la Révolution, с. 381.

⁷⁶ Писатель Александр Дюма будет с успехом рассказывать этот анекдот на протяжении всей жизни. Он упоминает его и в мемуарах, отмечая, что имя Ришелье «так часто появляется [ММ, с. 16.] в... моих романах, что я считаю себя чуть ли не обязанным объяснить читателю, откуда взялось столь сильное пристрастие к этому персонажу».

⁷⁷ Антуан воспользовался шансом покинуть армию: заявление в суд графа де Мольде, 30 ноября 1778, ADPC 10J35.

⁷⁸ Шарль обосновался на Сан-Доминго и Антуан последовал за ним: Ernest d'Hauterive, Un soldat de la Révolution: Le Général Alexandre Dumas, 1762–1806, с. 11.

⁷⁹ Мари-Анн Тюффэ и плантация ее семьи: свидетельство о браке, 17 февраля 1738, ADPC 10J26 («marie anne Tuffé»); решение суда по спору между Шарлем де ля Пайетри и г-ном Пети де Ляндом, 17 октября 1761, ADPC 10J35 («Marie Anne de Tuffé»).

Сегодня мир настолько погряз в сахаре (это едва ли не главный жупел диетологов, неизменный атрибут дешевой и вредной пищи), что трудно поверить: когда-то все обстояло с точностью до наоборот. Вест-Индия стала колониальной частью мира, в котором сахар считался редким, дорогим и исключительно полезным для здоровья веществом. Врачи восемнадцатого века прописывали сахарные пилули⁸⁰ практически при любом заболевании: при проблемах с сердцем, головной боли, чахотке, родовых схватках, сумасшествии, старости и слепоте⁸¹. Отсюда французское выражение «как аптекарь без сахара»⁸² – о человеке, попавшем в совершенно безнадежное положение. Сан-Доминго был крупнейшей фармацевтической фабрикой мира, которая производила чудодейственное лекарство эпохи Просвещения.

Колумб⁸³ привез сахарный тростник на Эспаньолу, первое поселение европейцев в Новом Свете, во время второй экспедиции, в 1493 году. Испанцы и португальцы первыми в Европе стали выращивать сахар, и когда они вступили в эпоху Великих географических открытий, среди первых «открытых» ими мест оказались острова у побережья Северной Африки, практически идеально подходившие для выращивания сахара. Исследователи с Иберийского полуострова продвигались вдоль африканского берега (португальцы обогнули мыс Горн и вышли в Восточную Азию; испанцы повернули на запад к Америке), неизменно преследуя две главные цели: поиск драгоценных металлов и создание плантаций сахарного тростника (ах да, еще и распространение слова Божья).

Испанцы основали колонию в восточной части Эспаньолы и назвали ее Санто-Доминго. Со временем колония заняла примерно две трети острова, примерно в границах современной Доминиканской Республики. (Туземцы называли весь остров по-другому: Гаити.⁸⁴) Испанцы привезли с Канарских островов (возле западноафриканского побережья) ремесленников⁸⁵, чтобы те на месте создали приспособления для производства сахара: прессы, бойлеры, мельницы. Затем испанцы доставили самый важный ингредиент – африканских рабов.

Конечно, рабство существовало с античных времен. Греческие города-государства создали демократию для немногочисленной элиты, поработив почти всех остальных людей⁸⁶, в некоторых случаях до трети населения. Аристотель полагал, что демократия может существовать только благодаря рабству, которое дает гражданам свободное время для устремлений более высокого порядка. (Современные приверженцы подобной аргументации утверждали, что американская демократия порождена рабовладельческим обществом аграрной Вирджинии, поскольку рабство дало людям вроде Вашингтона и Джефферсона время на самосовершенствование и участие в выборном правительстве.) В античных Греции и Риме рабство⁸⁷ становилось участью военнопленных и варваров – любого, кому не повезло родиться греком или римлянином. Если античным рабам удавалось выкупить себя или своих детей на свободу, они смешивались со свободным населением, причем статус раба не отра-

⁸⁰ *сахар как лекарство*: Sidney W. Mintz, *Sweetness and Power*, сс. 96–99.

⁸¹ См. сочинение доктора Фредерика Слейра «В защиту сахара от обвинений со стороны доктора Уиллиса и других медиков, а также от общераспространенных предрассудков: специально для дам» (1715), где в качестве средства для лечения глазных болезней предлагается «две драхмы лучшего рафинада [цит. там же, с. 107.], полдрахмы жемчуга, один гран сусального золота; все тщательно смешать, растереть в мельчайший порошок и высушить; вдуть необходимое количество в глаз».

⁸² «как аптекарь без сахара»: Peter Macinnis, *Bittersweet: The Story of Sugar*, с. 18.

⁸³ *Колумб и сахар*: Mintz, с. 32.

⁸⁴ *Гаити на языке туземцев*: Laurent Dubois, *Avengers of the New World*, с. 299.

⁸⁵ *ремесленников с Канарских островов*: Elizabeth Abbott, *Sugar: A Bittersweet History*, с. 25.

⁸⁶ *поработив почти всех остальных людей*: Thomas R. Martin, *Ancient Greece: From Prehistoric to Hellenistic Times*, с. 68.

⁸⁷ *в античных Греции и Риме рабство*: Thomas S. Burns, *Rome and the Barbarians: 100 B.C.—A.D. 400*, сс. 104–6.

жался на их потомках. Рабство, хотя и повсеместное в античном мире, не основывалось на понятии «расы».

А вот этимология слова «slave» («раб»), которое появляется в восьмом веке, уже имеет этнический подтекст: термин произошел от искаженного «Slav»⁸⁸ («славянин»), поскольку в то время почти все рабы, ввозимые в Европу, были по происхождению славяне. Славяне позже всех приняли христианство, и статус язычников делал их уязвимыми. «Славянские рынки» возникли по всей Европе – от Дублина до Марселя, причем здесь продавались и покупались люди со столь же белой кожей, как у тех, кто их покупал или продавал.

Появление ислама привело к широкому распространению рабства. Победоносные арабские армии обращали любую группу «неверных» в неволю. Арабские работоторговцы захватывали белых с севера во время пиратских нападений на европейские воды и черных с юга во время военных походов или торговли с королевствами, расположенными рядом с Сахарой. Мусульманская работоторговля⁸⁹, подкреплённая религиозными верованиями, превратилась в гигантский транснациональный бизнес. Со временем она все больше фокусировалась на черных африканцах. Впрочем, четкого биологического маркера для невольничьего статуса по-прежнему не существовало.

Европейская торговля сахаром изменила это навсегда. Чернокожих из Африки покупали и продавали тысячами – для сбора сахарного тростника. Впервые в истории группа людей с определенными этническими признаками стала считаться изначально обреченной на невольничий статус, созданной Богом белых землевладельцев специально для жизни в рабском труде.

Португальцы первыми привезли негров на Мадейру⁹⁰ рубить сахарный тростник, потому что этот остров находился у побережья Северной Африки и тамошние мусульманские торговцы не раз продавали африканских рабов. Плававшая вдоль побережья Гвинеи, португальцы обнаружили, что черные африканские королевства готовы напрямую поставлять рабов: африканцы не считали, что продают белым своих братьев по расе. Они вообще не думали о расе, только о принадлежности к различным племенам и королевствам. Ранее они продавали пленников другим чернокожим африканцам или арабам. Теперь продавали белым. (Африканские королевства и империи сами держали миллионы рабов.) Со временем африканцы узнали о том, какие ужасы ожидали чернокожих рабов в американских колониях, не говоря уже о пути туда, и тем не менее они продолжали поставлять bois d'ébène⁹¹ (эбеновое дерево), как называли этот «груз» французы, в еще больших количествах. Сострадание или мораль оставались в стороне. Просто бизнес.

Испания заложила основы этого огромного богатства и зла в обеих Америках, затем быстро отвлеклась на другие цели и забыла о своем начинании. Ввозя растения, технические приспособления и рабов на Санто-Доминго, испанцы отказались от сахарного бизнеса ради охоты за золотом и серебром. В поисках драгоценных металлов они переехали в Мексику и Южную Америку и оставили остров прозябать почти на два столетия – до тех пор, пока французы не начали использовать его истинный потенциал.

⁸⁸ от искаженного «Slav»: Hugh Thomas, *The Slave Trade: The Story of the Atlantic Slave Trade, 1440–1870*, с. 38.

⁸⁹ ислам и рабство: W. G. Clarence-Smith, *Islam and the Abolition of Slavery*. (Иной взгляд на расовый аспект рабства у мусульман – см. Robin Blackburn, *The Making of New World Slavery: From the Baroque to the Modern, 1492–1800*, с. 79: «К десятому веку в арабо-мусульманском мире возникла четкая связь между чернотой кожи и рабским статусом прислуги – слово „абд“, или „черный“ стало синонимом термина „раб“»).

⁹⁰ негров на Мадейру: Thomas, с. 70.

⁹¹ bois d'ébène: Phillipe Haudrère and Françoise Vergès, *De l'Esclave au Citoyen*, с. 10.

* * *

Во второй половине восемнадцатого века колония Сан-Доминго, расположенная на западной оконечности Эспаньолы, там, где сегодня находится Гаити, обеспечивала две трети всей заморской торговли Франции⁹². Она была крупнейшим в мире экспортером сахара и производила больше ценного белого порошка, чем все британские колонии в Вест-Индии⁹³, вместе взятые. Тысячи судов входили и выходили из Порт-о-Пренса и Кэп-Франсэ, направляясь в Нант, Бордо и Нью-Йорк. Когда после победы в Семилетней войне британцы решили отобрать у Франции колонии в Северной Америке, а взамен вернули два крошечных сахаропроизводящих острова – Гваделупу и Мартинику, они невольно оказали услугу своему давнему сопернику.

Сан-Доминго был самой ценной в мире колонией⁹⁴. И ее потрясающее богатство основывалось на потрясающей жестокости. «Жемчужина Вест-Индии» была огромной адской фабрикой, где рабы каждый день работали с раннего утра до позднего вечера – в условиях, которые вполне могут поспорить с концентрационными лагерями и лагерями для политзаключенных двадцатого века. Треть всех французских рабов умирала⁹⁵ после всего нескольких лет работы на плантациях. Насилие и террор помогали поддерживать порядок. Наказание⁹⁶ за слишком медленную работу, кражу кусочка сахара или глотка рома, не говоря уже о попытке побега, ограничивалось лишь силой воображения надсмотрщика. Готический садизм с элементами тропической механизации был распространен повсеместно: надсмотрщики прерывали бичевание только ради того, чтобы вылить горящий воск, или кипящий сахар, или же раскаленные угли с солью на руки, плечи и головы строптивых работников. Жизнь раба стоила дешево, особенно в сравнении с заоблачными ценами на выращиваемый ими урожай. Даже когда целые армии рабов недоедали и умирали от голода, невольников заставляли носить странные жестяные маски на сорокаградусной жаре, чтобы негры не смогли получить ни грамма пищи, пожевав тростник.

Владелец сахарной плантации рассчитывал на то, что невольник в среднем может проработать от десяти до пятнадцати лет, прежде чем умрет от непосильного труда и будет заменен на нового, только что вытасченного из судового трюма. Помимо недоедания, паразиты и болезни со временем также могли прикончить любого человека, работавшего по восемнадцать часов в день⁹⁷. Жестокость американского Ткацкого королевства, которое существовало столетием позже, и сравнивать нельзя с порядками на Сан-Доминго в 1700-х годах. Жестоких надсмотрщиков в Соединенных Штатах хватало с избытком, но североамериканское рабство не основывалось⁹⁸ на бизнес-модели, в соответствии с которой рабов систематически загоняли до смерти, чтобы заменить на только что купленных невольников. Французские сахарные плантации были бойней.

⁹² *две трети всей заморской торговли Франции*: Christopher Miller, *The French Atlantic Triangle: Literature and Culture of the Slave Trade*, с. 26.

⁹³ *больше сахара, чем все британские колонии в Вест-Индии, вместе взятые*: Laurent Dubois and John Garrigus, *Slave Revolution in the Caribbean, 1789–1804*, с. 11.

⁹⁴ *самой ценной в мире колонией*: Robert Louis Stein, *The French Slave Trade in the Eighteenth Century*, с. 23.

⁹⁵ *треть всех рабов умирала*: Dubois and Garrigus, с. 8.

⁹⁶ *наказание*: C. L. R. James, *The Black Jacobins: Toussaint l'Ouverture and the San Domingo Revolution*, сс. 252–53.

⁹⁷ *по восемнадцать часов в день*: Bernard Moitt, *Women and Slavery in the French Antilles, 1635–1848*, с. 39.

⁹⁸ *рабство не основывалось на понятии «расы»*: Edouard Glissant, *Memoires des esclavages: La fondation d'un centre national pour la mémoire des esclavages et de leurs abolitions*, с. 51.

Версаль обожал законы и инструкции, а потому Франция стала первой страной, узаконившей колониальное рабство. Для этого король Людовик XIV в 1685 году издал закон, который изменил историю как рабства, так и межрасовых отношений.

Le Code Noir – Черный кодекс⁹⁹. Уже само его название не оставляет сомнений относительно того, кому предназначено быть рабами. В этом документе, статья за статьей, перечисляются многочисленные способы эксплуатации чернокожих африканцев их белыми хозяевами. Кодекс узаконил самые жестокие наказания – карой за воровство или попытку побега была смерть – и ввел норму, в соответствии с которой рабы без согласия хозяина не могли жениться или передать собственность своим родственникам по наследству.

Впрочем, сам факт существования письменного свода законов – новшество в истории французской колониальной империи – открыл дорогу неожиданным изменениям. Если рабство управлялось законами, тогда рабовладельцы, по крайней мере в некоторых случаях, могли быть пойманы на нарушении этих норм. Устанавливая нормы господства белых, Кодекс – по крайней мере, в теории – устанавливал пределы такой власти и давал чернокожим различные возможности сбежать из-под нее. Он создавал лазейки. Одна из них касалась сексуальных сношений между хозяевами и рабами, а также потомства, появляющегося на свет в результате подобных связей.

* * *

Шарль Дави де ля Пайетри стал признанным владельцем сахарной плантации на Сан-Доминго самым аристократичным образом – женившись на деньгах¹⁰⁰. Брак с Мари-Анн Тюффэ принес ему половину плантации под Кэп-Франсэ¹⁰¹, самом оживленном порте колонии, на плодородных северо-восточных равнинах, где сахарный тростник рос лучше всего. Его теща сохранила за собой другую половину плантации, чтобы посмотреть, как Шарль¹⁰² справится с новыми обязанностями.

В эпоху, когда производство в основном осуществлялось маленькими или надомными мануфактурами, сахарная плантация была гигантским предприятием¹⁰³ – дорогостоящим и сложным: сахарный тростник созревает от девяти до восемнадцати месяцев (срок зависит от различных факторов), и его необходимо собрать точно в нужное время, иначе он засохнет. Срезанный тростник нужно сразу же доставить на мельницу, чтобы измельчить, выжать или растолочь и извлечь сок, прежде чем последний сгниет или забродит. Затем – не позднее чем через двадцать четыре часа – этот сок следует прокипятить, удалить примеси и прокипятить еще раз. Охлаждаясь и кристаллизуясь, смесь превращается в черную патоку. В результате последующей обработки из нее получается более светлый и химически чистый сахар – золотистый сироп, похожий на мед. И только новая стадия обработки дает белые гранулы, столь ценимые европейцами. Плантатору требовалось около сотни рабов на тяжелые полевые работы¹⁰⁴ и еще десяток невольников с навыками ремесленника – для столь же изматывающего труда по кипячению и очистке. Производственный цикл был безостановочным: рубка тростника, измельчение, кипячение, консервирование.

⁹⁹ *Le Code noir (Черный кодекс)*: «Le code noir ou Édit du roy, touchant la Discipline des esclaves nègres des Isles de l'Amérique française. Donné à Versailles au mois de mars 1685», в книге: *Le Code noir et autres textes de lois sur l'esclavage*, сс. 11–37.

¹⁰⁰ *женившись на деньгах*: свидетельство о браке, 17 февраля 1738 и заявление в суд графа де Мольде, 30 ноября 1778, both ADPC 10J35.

¹⁰¹ *Кэп-Франсэ*: Stewart R. King, *Blue Coat or Powdered Wig*, сс. 22–23.

¹⁰² *Шарль получает половину плантации*: свидетельство о браке, 17 февраля 1738, ADPC 10J26, и письмо к графу де Мольде с упоминанием о приобретении второй половины плантации, 17 марта 1789, ADPC 10J35.

¹⁰³ *производство сахара*: Mintz, сс. 19–22; Stein, сс. 60–61.

¹⁰⁴ *рабов на тяжелые полевые работы*: Stein, с. 44.

Выращивание сахарного тростника было прерогативой влиятельных французских родов – богатых аристократов и крупных буржуа, способных вложить в это дело громадные суммы и нанять профессиональных управляющих. На крупнейших сахарных плантациях Сан-Доминго в поле работало по несколько сотен невольников. Кроме того, плантатору нужны были мельницы, помещения для варки сока, его консервирования и дистилляции, а также склады для продукции, готовой к погрузке на суда.

Не будь столь выгодного брака, Шарлю пришлось бы довольствоваться выращиванием табака, кофе или индиго. Ни одна из этих культур не сулила богатства и власти, которую давал сахар. Они требовали меньших затрат труда, а потому лежали в основе хозяйственной деятельности большинства мелких плантаций и ферм. Некоторые из них принадлежали свободным «цветным»¹⁰⁵ (мулатам) или даже рабам, получившим вольную.

Шарль и его юная супруга были женаты всего несколько месяцев, когда на их пороге неожиданно возник брат Шарля Антуан. Последнему для этого пришлось проделать шестимесячное плавание из Гавра и целый день скакать из Порт-о-Пренса. Антуан сказал, что приехал ненадолго. А прожил у брата с женой целое десятилетие.

В среде французских аристократов восемнадцатого века были распространены два прямо противоположных отношения к работе. Старый подход к проблеме гласил, что любая коммерция недостойна благородного дворянина; новая линия поведения вдохновляла французских аристократов богатеть при помощи бизнеса и торговли, хотя, в отличие от представителей их сословия в английских колониях, любой физический труд они по-прежнему даже не обсуждали. Рабовладельческая экономика Сан-Доминго¹⁰⁶ идеально подходила для высокогородного французского предпринимателя, позволяя ему пользоваться принципами политической экономии и накопления капитала, не замазав руки.

На первый взгляд Шарль отвечал любым современным ему представлениям о том, как аристократу надлежит улучшить собственное существование: он женился на деньгах и, как казалось, увеличивал их благодаря внимательному управлению. В отличие от Антуана, он был настолько же энергичен, насколько жаден. Шарль выжимал из рабов все соки, и плантация процветала – до такой степени, что через несколько лет он выкупил долю у вдовы Тюффэ¹⁰⁷. Он разбогател настолько, что его поместья затмили владения его рода в Нормандии и он мог посылать деньги домой родителям – маркизу и маркизе, чтобы те могли провести остаток жизни на широкую ногу. Старый маркиз поклялся¹⁰⁸ перед нотариусом, что после их смерти Шарль получит все свои деньги назад за счет продажи поместья.

Антуан был скроен из иного сорта¹⁰⁹ благородной ткани и придерживался более традиционных взглядов, то есть предпочитал избегать любого производительного труда. Казалось, этот ленивый и беспечный дворянин явился на Сан-Доминго с желанием высосать все соки из предприятия младшего брата.

¹⁰⁵ плантации принадлежат «цветным»: John D. Garrigus, *Before Haiti: Race and Citizenship in French Saint-Domingue*, с. 72.

¹⁰⁶ Антуан с его братом на Сан-Доминго: заявление в суд графа де Мольде, 30 ноября 1778, ADPC 10J35.

¹⁰⁷ он выкупил долю у вдовы Тюффэ: письмо от г-на Тардиви к Марианне де Мольде, 26 июня 1773, ADPC 10J26; письмо к графу де Мольде с упоминанием о приобретении второй половины плантации, 17 марта 1789, ADPC 10J35.

¹⁰⁸ старый маркиз поклялся: Gaudu, с. 46, со ссылкой либо на свидетельство о погребении в Книге записей прихода Бьельвиль (Registre paroissial de Bielleville) или документе о налогах («capitation des privilégiés de l'élection de Caudebec»), в ADSM C 2223.

¹⁰⁹ Антуан был скроен из иного сорта: Gilles Henry, *Les Dumas: Le secret de Monte-Cristo*, с. 18; Dominique Fernandez, *Jérémie! Jérémie!* с. 85.

* * *

«Пребывание на Сан-Доминго¹¹⁰ само по себе не опасно для жизни, там нас убивают наши пороки, наши неутоленные желания», – писал один молодой француз, который провел на острове одиннадцать лет, а затем вернулся во Францию. Повсюду в сахаропроизводящей колонии он сталкивался с рискованными «чрезмерными удовольствиями» и считал, что ему повезло остаться в живых. Климат и постоянная погоня за прибылью, замечал он, превращали как старожиллов, так и новичков в людей, которым свойственно «жестокое и вспыльчивое» поведение. «Отягощенные проблемами и работой, колонисты предаются пороку, и смерть валит их с ног как коса – пшеничные колосья».

Мать одного богатого молодого креола¹¹¹ жаловалась, что ее сын «предавался развлечениям¹¹² и распутной жизни. Он собрал гарем из чернокожих женщин, которые контролировали его и управляли плантацией». Для белых на Сан-Доминго, без сомнения, было совершенно обычным делать из рабынь наложниц. В книге «Voyage à Saint-Domingue» германский путешественник барон де Вимпффен пишет, что межрасовые связи были распространены повсеместно, их никто не скрывал и самые уважаемые члены общества смотрели на это сквозь пальцы. Барон даже обвиняет приходского священника, что он вносит «вклад в рост числа обитателей¹¹³ своего дома», зачиная метисов вместе с чернокожей любовницей. Причина заключается не только в похоти, оправдывал священник, но и в желании увеличить паству.

Французская администрация попыталась воспрепятствовать этому процессу. Один из первых законов в колониальном уголовном кодексе, изданном в 1664 году, запрещал хозяевам «развращать негритянок¹¹⁴ под угрозой двадцати ударов кнутом за первый проступок, сорока ударов – за второй, пятидесяти ударов и клейма на щеке в виде цветка лилии – за третий». Однако стремительный рост числа мулатов за следующие сто лет говорит сам за себя.

Критики межрасовых сексуальных связей на Сан-Доминго опасались главным образом того, что подобные сношения могут подорвать уважение к белым. Барон де Вимпффен сокрушался по поводу «чрезмерной близости¹¹⁵ между хозяином и рабом», «великое зло» которой состоит в искажении «первого принципа подчинения – уважения со стороны подчиненного». Секс, не разбирающий цвета кожи, сделал строгое следование расизму проблематичным. «Колонист, который счел бы за позор работать вместе с негритянкой, – писал Вимпффен, – не постыдится жить с ней в такой близости, что между ними неизбежно устанавливаются отношения равенства. И никакой предрассудок уже не в силах помешать этому».

¹¹⁰ «Пребывание на Сан-Доминго»: Michel-René Hilliard d'Auberteuil, *Considérations sur l'état présent de la colonie française de Saint-Domingue*, vol. 2, с. 24, цит. по: Garraway, сс. 219–26.

¹¹¹ Слово «креол» в восемнадцатом веке имело иное значение [Doris Lorraine Garraway, *The Libertine Colony: Creolization in the Early French Caribbean*, с. 248.], нежели сегодня. Речь шла о белых колонистах, которые родились или по крайней мере выросли в колонии, а не в Европе. Для обозначения тех, кого мы сейчас часто называем креолами, полукровками – частично африканцами и частично европейцами или индейцами или американскими индейцами, – во французском языке восемнадцатого столетия существовал термин «gens de couleur» (буквально «цветные люди»).

¹¹² «предавался развлечениям»: Moitt, с. 99.

¹¹³ «вклад в рост числа обитателей»: Alexandre-Stanislas de Wimpffen, *Haïti au XVIIIe siècle*, с. 281 репринта 1817 г., цит. по: Garraway, с. 229.

¹¹⁴ «развращать негритянок»: «Reglement de M. de Tracy, Lieutenant Général de l'Amérique, touchant les Blasphémateurs et la police des Isles», в книге: Médéric Moreau de Saint-Méry, *Loix et constitution des colonies françaises de l'Amérique sous le vent de 1550 à 1785*, vol. 1 (1784–90), сс. 117–22, цит. по: Garraway, с. 201.

¹¹⁵ «чрезмерной близости» и следующие цитаты: De Wimpffen цит. по Garraway, сс. 207–8, 228.

Вскоре братья Пайетри начали ссориться, порой очень сильно. Старательный, набожный Шарль жалел, что помог старшему брату. Тот воспользовался его гостеприимством, завел череду рабынь-любовниц и обращался с плантацией, как с сан-домингской ветвью родовых поместий Пайетри.

Антуан, со своей стороны, наверняка презирал младшего брата, по крайней мере, столь же сильно. К этому надо добавить неизбежно чувство унижения, поскольку Шарль оплачивал долговые расписки их отца¹¹⁶, маркиза, тогда как Антуан, старший сын, едва мог получить тысячу ливров под собственное имя.

Как-то раз в 1748 году ссора между братьями¹¹⁷ приобрела опасное направление. Как позднее доносил королевский прокурор? Шарль, «преисполненный благородства¹¹⁸ и сочувствия... использовал методы, которые были, по правде говоря, слегка чрезмерными и... могли стоить жизни его старшему брату, если бы подействовали в полную силу». (Поскольку прокурор на тот момент подрабатывал частным детективом на жалованье у одного из членов семьи Шарля, мы вправе предположить, что он о многом не договорил.)

Хотя Антуан был солдатом и мог постоять за себя, на своей плантации Шарль обладал абсолютной властью над его жизнью и смертью. Выпорол ли он своего брата кнутом или подверг одной из пыток, которые применялись для усмирения строптивых рабов? Неужели постоянные связи Антуана с рабынями привели его брата к решению поступить с ним, как с одним из невольников?

Что бы Шарль ни сделал, этот поступок оказался достаточно жестоким и привел братьев к «разрыву» (как написал прокурор в следственном деле), который навсегда положил конец их взаимоотношениям. В ночь инцидента Антуан сбежал с плантации Шарля. Он забрал с собой трех рабов – Родриго, Купидона и Катэн¹¹⁹, свою последнюю любовницу, и скрылся в джунглях. На протяжении почти тридцати лет известий о нем не было¹²⁰.

¹¹⁶ Шарль оплачивал долговые расписки их отца: квитанция, 29 июня 1757, ADPC 10J34.

¹¹⁷ ссора между братьями: письмо от г-на де Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH. (Позже Мольде утверждал, что Антуан исчез таинственным образом и без видимой на то причины, см. его обращение в суд, 30 ноября 1778, ADPC 10J35).

¹¹⁸ «преисполненный благородства»: письмо от г-на де Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH.

¹¹⁹ Катэн, любовница Антуана, и два других раба: документ о долгах и рабах, 1748, CGH; письмо от г-на де Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776 (с описанием, как Антуан берет с собой Катэн, Родриго и Купидона), CGH.

¹²⁰ почти тридцати лет известий об Антуане не было: обращение графа де Мольде в суд-парламент, 30 ноября 1778, ADPC 10J35.

Глава 2

Черный кодекс

Шарль послал конных охотников за беглыми рабами на поиски брата и пропавших чернокожих. Он сам поскакал вместе с отрядом преследователей, а также нанял судно, чтобы прочесать побережье. «Шарль-Эдуард обыскал все французские владения¹²¹ на американском архипелаге, – говорится в официальном отчете. – Безрезультатно». Как часто бывало на Сан-Доминго, если беглым рабам удавалось уйти на некоторое расстояние от плантации, они исчезали, бесследно скрывались в обширных неосвоенных районах острова.

В нашем случае необычным было то, что компанию рабам составил белый, да еще и знатный дворянин. Именно своеобразие ситуации так шокировало общество на Сан-Доминго: подумать только, беспутный братец уважаемого плантатора сбежал в джунгли¹²² с тремя рабами. Власти больше всего опасались, что беглые рабы могут присоединиться к лагерям маронов¹²³ – таких же беглецов и их потомков, живших в горах и пещерах в отдаленных и неподвластных белым районах Сан-Доминго. (Слово «марон» происходит от испанского термина *cimarrón*¹²⁴, «дикий, неприрученный»; первоначально так называли лошадей, сбежавших от людей Колумба вскоре после высадки в Америке и одичавших.) Мароны укрывались в дремучем лесу (Сан-Доминго настолько же густо зарос деревьями, насколько современный Гаити лишен их – очередной невероятный переворот в истории). Поймать их там было почти невозможно. Прячась в труднодоступных лагерях, мароны оттуда могли нападать на города и плантации и грабить их. Королевская конная полиция предпочитала заключать с этими людьми мирные соглашения, а не пытаться арестовать их, поскольку последнее означало потерю большого количества людей и оружия, если вообще было возможно. Белых беглецов мароны тоже принимали.

Шарль мог только предполагать, что именно так и случилось с его братом. Если бы тот жил в каком-нибудь городке или плантации, неужели агенты Шарля или представители властей к этому моменту не отыскали бы его? Или же Антуан сел на корабль и перебрался на Мартинику или Гваделупу – либо, быть может, на Ямайку, чтобы спрятаться среди англичан? В любом случае он пропал бесследно¹²⁵.

В 1757 году умерла мать Шарля и Антуана¹²⁶; в 1758 году, на Рождество, скончался их отец, старый маркиз. Французский налоговый чиновник попытался установить местонахождение старшего сына и наследника, но со временем отступился от этой затеи, написав, что «нам неизвестно, где он живет, что делает, женат или нет. По слухам, он живет где-то за границей, но где именно – тайна». В другом отчете налоговый чиновник сообщил, что, как утверждают некоторые люди, Антуан «женился на богатой женщине¹²⁷ на Мартинике». Впрочем, имелись и сведения о том, что Антуан умер.

¹²¹ «Шарль-Эдуард обыскал все французские владения»: заявление графа де Мольде в суд, 30 ноября 1778, ADPC 10J35.

¹²² Антуан сбежал в джунгли: письмо от г-на де Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH.

¹²³ лагерям маронов: Richard Price, *Maroon Societies: Rebel Slave Communities in the Americas*, 3rd ed., cc. 107–12.

¹²⁴ «марон» происходит от термина *cimarrón*: Carolyn F. Fick, *The Making of Haïti: The Saint-Domingue Revolution from Below*, с. 275.

¹²⁵ Антуан пропал бесследно: заявление графа де Мольде в суд, 30 ноября 1778, ADPC 10J35.

¹²⁶ родители Шарля умирают: документ о налогах («Capitation des privilégiés de l'élection de Caudebec»), ADSM C 2223, цит. в книге: Fernand Gaudu, „Les Davy de La Pailletterie“, с. 46.

¹²⁷ «нам не известно» и «женился на богатой женщине»: отчет г-на Ле Фламанга, 26 сентября 1760 («Capitation des privilégiés de l'élection de Caudebec»), ADSM C 2223 (цит. в книге: Gaudu, с. 60).

* * *

Но Антуан не умер, не переплыл на Мартинику и не поселился с маронами, хотя и пересек их земли. Вместе с Родриго, Купидоном и Катэн он много недель пробирался через заросшие густым лесом горы. Эти хребты высотой более двух тысяч метров отделяли центральную часть Сан-Доминго от вытянутого юго-западного полуострова. Беглецы оказались в гористой местности под названием Гранд-Анс (Большая Пещера)¹²⁸.

Если сравнивать Сан-Доминго с Диким Западом, это были его бесплодные земли. Путешествовать по лесистым холмам, да еще и окруженным горами, было сложно, и люди здесь чаще передвигались по морю¹²⁹, чем по земле. Горы давали идеальное укрытие для всевозможных беглецов; именно из этого района два знаменитых предводителя восставших рабов вели партизанские войны против французов. Местными плантациями часто владели мулаты или вообще освобожденные невольники. Никто не задавал лишних вопросов. Отличное место для того, чтобы спрятаться.

Холмы Большой Пещеры не годились для крупных ферм по производству сахара, но богатый минералами краснозем идеально подходил для выращивания второй по доходности сельскохозяйственной культуры¹³⁰ Сан-Доминго – кофе. (Как и в случае с сахаром, Сан-Доминго к концу 1780-х годов стал крупнейшим мировым производителем кофе¹³¹.) Люди, выращивавшие кофе, по богатству не могли сравниться с владельцами плантаций сахарного тростника, однако им не требовался и настолько большой стартовый капитал¹³². Небольшую кофейную плантацию, расположенную на склоне холма, можно было содержать при помощи всего нескольких рабов. Жизнь здесь текла в абсолютно ином ритме. Тщательно возделывая лишь несколько арпанов¹³³ (французская колониальная единица измерения, около 20 квадратных метров) земли, человек мог прокормить себя.

Антуан поселился в приходе Джереми¹³⁴, который в те время был едва населен. Всего там насчитывалось 2643 человека – 2147 рабов, 109 свободных цветных (чернокожих или полукровок) и 387 белых. Приход получил название в честь библейского пророка Иеремии. Рядом находилась деревенька Тру Бонбон¹³⁵ – пятнадцать домов, включая бильярдную и частное кладбище. Лишь одно из расположенных в приходе поселений было достаточно большим для того, чтобы именоваться городом: одноименный порт, официально основанный в 1756 году. Его значение резко возрастет вслед за стремительным развитием района в 1770–1780-х годах.

Фермеры в этой холмистой местности жили за счет продажи кофе¹³⁶, но также выращивали всего понемногу – сахарный тростник, хлопок, индиго, какао, строевой лес. Климат

¹²⁸ Гранд-Анс («Большая пещера»): Médéric Moreau de SaintMéry, Description topographique, physique, civile, politique et historique de la partie française de l'isle Saint-Domingue, vol. 2.

¹²⁹ люди здесь передвигались по морю: Keith Anthony Manuel, Slavery, Coffee, and Family in a Frontier Society: Jérémie and Its Hinterland, 1780–1789, с. 10.

¹³⁰ второй по доходности сельскохозяйственной культуры: Ira Berlin, Cultivation and Culture: Labor and the Shaping of Slave Life in the Americas, с. 124.

¹³¹ крупнейшим производителем кофе: James E. McClellan III, Colonialism and Science: Saint Domingue and the Old Regime, с. 66.

¹³² стартовый капитал для плантации кофе: Stewart R. King, Blue Coat or Powdered Wig: Free People of Color in Pre-Revolutionary Saint Domingue, с. 124.

¹³³ арпан: Robert Leslie Ellis, The Mathematical and Other Writings of R. L. Ellis, ed. William Walton (1863), с. 389.

¹³⁴ поселился в приходе Джереми: Manuel, сс. 9–16.

¹³⁵ Тру Бонбон: там же.

¹³⁶ Фермеры в этой холмистой местности жили за счет продажи кофе: там же.

был мягким, и, хотя сезон дождей продолжался с апреля по октябрь, горы по большей части защищали район от ураганов, опустошавших остальной остров. Бананы, плантайн, дыня и батат росли в изобилии, а скорпионы, тарантулы и ядовитые насекомые попадались редко. Вараны длиной до метра водились во множестве, но опасности не представляли. Зато местным жителям чрезвычайно досаждали москиты, мухи, муравьи, тля и «липкие черви», чье прикосновение к коже вызывало ожоги. Не говоря уже о хомяковидных крысах, хотя некоторые плантаторы держали их как домашних питомцев. По холмам бродили буйволыбыки – помесь двух видов животных, а люди делили землю со всевозможными одичавшими зверями – свиньями, коровами, собаками, кошками, обезьянами¹³⁷. Были даже сообщения о том, что верблюды, привезенные каким-то колонистом из Северной Африки в качестве сувениров, пугают животных. Кстати, эти сообщения датируются примерно тем временем, когда Антуан появился в Джереми.

Потомки скотины и домашних питомцев, сбежавших от испанских колонистов, теперь представляли собой готовые припасы для местных охотников-буканьеров¹³⁸. Они ходили по холмам, продавая свободное от налогов мясо. Когда они присоединились к пиратам, то стали создавать постоянные проблемы для испанцев и тем самым помогли очистить эту часть острова для французской колонизации. Испанцы же просто не хотели связываться с буканьерами. Французы попытались истребить их, но даже во времена Антуана некоторые буканьеры все еще укрывались среди холмов. Если они не торговали мясом или ромом, то работали на соляных шахтах или водили небольшие суденышки вдоль побережья. Жители гористой части Сан-Доминго, наряду с недавно прибывшими белыми иммигрантами, также выходцами из средних и низших классов¹³⁹, были столь же далеки от сахарных королей, бизнесменов и королевских чиновников с центральных равнин, как могут быть далеки друг от друга обитатели разных миров. Вот что можно сказать о новых соседях Антуана – людях, живших вниз по дороге от кофейной плантации, основанной им в Ля Гинодэ¹⁴⁰ в 1749 году.

* * *

Скрываясь от семьи и всего мира, он похоронил имя Александр Антуан Дави де ля Пайетри. В новой жизни, где он выращивал кофе и какао, он назвался Антуаном де л'Илем¹⁴¹ – Антуаном Островным. Много лет спустя следователь, нанятый во Франции зятем Шарля, проследит путь Антуана и раскроет его фальшивую личину, хотя к тому моменту Антуан уже давным-давно покинет остров. «На первых порах господину Делилю¹⁴² везло в этих местах, – сообщал детектив, – однако, занявшись фермерством, которое приносило ему скудный доход, да еще и сделал это в плохой компании, он не мог долго рассчитывать на удачу. Мы не знаем, были ли у него дети от негритьянки Катэн, но он счел ее слишком старой для него и отпустил на свободу, не озаботившись оформлением вольной в соответствии с действующими законами. Она все еще живет с сэром Грэнфонтон, бывшим прокурором.

¹³⁷ *животные*: McClellan, сс. 31–33.

¹³⁸ Слово «буканьер» происходит от индейского названия копильни, которое французы произносили как boucan. Первые буканьеры не плавали на кораблях и не грабили сокровища; они контролировали торговлю вяленным мясом в Западном полушарии.

¹³⁹ *белыми иммигрантами из низших классов*: King, с. 123.

¹⁴⁰ *Антуан в Ля Гинодэ*: брачный контракт Алекса Дюма и свидетельство о браке с упоминанием, что его мать умерла в Ля Гинодэ в 1772 г. На этом основании мы можем предположить, что именно там и поселился Антуан. 28 ноября 1792, MAD Safe.

¹⁴¹ *Антуаном де л'Илем*: письмо от г-на де Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH (с написанием „de Lille“); заявление графа де Мольде в суд, 30 ноября 1778, ADPC 10J35.

¹⁴² *«На первых порах господину Делилю»*: письмо от г-на де Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH.

Это уже очень пожилой человек, который переехал на побережье в трех четвертях лиги от Джереми».

Детектив утверждал, что у Антуана «совершенно точно были четверо детей – мулатов и мулаток». Но не от Катэн, а скорее от другой негритянки или мулатки (в колониальных документах можно найти оба утверждения¹⁴³), которую Антуан купил «по непомерной цене»¹⁴⁴.

Ее звали Мари-Сессетта. 25 марта 1762 года она родила Антуану сына¹⁴⁵, которого они назвали Тома-Александр.

* * *

«Мой отец впервые увидел мир¹⁴⁶ в прекраснейшей части этого чудесного острова, который лежит в лучшем из заливов, где воздух так чист, что, как говорят, там не может жить ни одна ядовитая змея». Александр Дюма дал идеализированное описание места, где родился его отец. Сколь бы маловероятным это ни казалось (если вспомнить, что колония заслуженно славилась своей жестокостью), сын белого человека и рабыни, родившийся в 1762 году, имел на Сан-Доминго больше перспектив, чем почти где бы то ни было еще в мире. Черный кодекс французской колониальной империи не мог эффективно защитить черных рабов от плохого обращения, но был в состоянии предоставить определенные гарантии (наряду с возможностями) детям от межрасовых браков.

Статья 9 Кодекса начинается со вполне ожидаемого драконовского вступления:

Свободных людей, которые имеют одного¹⁴⁷ или более людей от сожительства с их рабынями, равно как и хозяев, которые позволили такое сожительство, следует приговорить к штрафу в две тысячи фунтов сахара; если же сами хозяева имеют указанных детей от своих рабынь, тогда, помимо штрафа, следует конфисковать у них этих рабынь и детей в пользу больницы и без возможности освобождения.

Впрочем, затем в законе появляется следующая спасительная оговорка:

Настоящая статья не может быть применена, если владелец (при условии, что на момент сожительства он не состоял в браке) возьмет рабыню в жены в соответствии с законами Церкви; в этом случае рабыня получит свободу, а дети рабыни станут свободными и законнорожденными.

Статья 9 была написана, по крайней мере, частично в ответ на широко распространенное беспокойство по поводу незаконных браков в среде, которую сами колонисты часто называли пронизанной сладострастием, соблазнами и запретными сношениями «империей,

¹⁴³ в колониальных документах можно найти оба утверждения: соглашение между Дюма и вдовой его отца Мари Рету, 22 ноября 1786, AN LX465. Сессетта описана как негритянка.

¹⁴⁴ «по непомерной цене»: письмо от г-на де Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH.

¹⁴⁵ рождение Дюма: письмо от военного министра к Директории, 28 ноября 1795, SHD 7YD91 («Dumas Alexandre ne à jeremie en amerique le 25 mars 1762»). Это первое упоминание даты рождения Дюма в документах. В свидетельстве о браке Дюма говорится, что 28 ноября 1792 г. ему было 30 лет и восемь месяцев (выписка из книги учета со свидетельством о браке Александра Дюма и Мари-Луизы, 28 ноября 1792, MAD Safe). В свидетельстве о зачислении его в драгуны говорится, что в июне 1786 г. ему было двадцать четыре года (книга учета драгун в Полку королевы, запись о Дюма, 2 июня 1786, CGH). Точная дата приводится в военных справках о продвижении Дюма по службе (6 ноября 1848, SHD 7YD91; 2 марта 1962, SHD 7YD91; 19 марта 1962, SHD 7YD91).

¹⁴⁶ «Мой отец впервые увидел мир»: ММ, с. 14.

¹⁴⁷ «Свободных людей, которые имеют одного»: Code noir (1685), статья 9, в книге: Le Code noir et autres textes de lois sur l'esclavage, cc. 15–16.

основанной на распутстве»¹⁴⁸. Однако последствия от легализации подобных браков (и возникшей в результате группы свободных мулатов и мулаток) были огромными и непредсказуемыми. Уникальность ситуации состояла не в создании класса свободных цветных (ведь аналогичный класс уже существовал в Тринадцати колониях, хотя и был там значительно меньше). Дело было в социальной мобильности и быстро увеличивающемся благосостоянии этой группы людей. В мире, где невольничий статус диктовался расовой принадлежностью, а рабство принимало самые дикие формы, эти цветные люди получили удивительные права¹⁴⁹: право на справедливое рассмотрение их дел в соответствии с законом, право на обращение к властям, право на наследование и передачу собственности потомкам¹⁵⁰. Особенно ошеломительными выглядят выгоды, которые получили от этого закона свободные негритянки и мулатки¹⁵¹: они владеют магазинами, предприятиями и плантациями, ходят в оперу, одеваются по последней парижской моде в ее креольской версии. Между тем в это же самое время вокруг них рабыни¹⁵² – чернокожие и мулатки – гибли от непосильной работы, которая часто оказывалась даже тяжелее, чем у мужчин (ведь женщины не имели шанса научиться высококвалифицированному ремеслу). Благодаря Кодексу положение любого человека могло в одночасье коренным образом поменяться, и грань между жизнью в роскоши и жизнью в путах стала невероятно размытой, особенно у женщин.

Людовик XIV издал Кодекс в 1685 году. К тому моменту, когда братья Пайетри прибыли на остров, уже не было ничего невозможного в том, что Шарль женился на богатой мулатке, чтобы получить плантацию. В 1730-х годах многие свободные цветные женщины острова обладали значительными сбережениями и земельными участками; спустя поколение свободные цветные женщины острова были в среднем более независимы в финансовом плане, чем белые женщины. Колониальные чиновники с беспокойством отмечали, что белые иммигранты, прибывшие на остров недавно в поисках богатства, все чаще предпочитали жениться на состоятельных цветных женщинах, а не на белых креолках, которых было меньше и которые, как правило, были беднее.

Последующие законы против «сожителства с рабынями»¹⁵³ старались ограничить легальные межрасовые связи и уменьшить количество детей-мулатов, которые получались в результате таких сношений. Преамбула к указу от 1713 года содержит порицание в адрес хозяев, которые «вместо того чтобы скрывать свой разврат, похваляются им... Они берут в свои дома наложниц и прижитых с ними детей и демонстрируют их всем окружающим с такой самоуверенностью, как будто речь идет об отпрысках от законного брака».

Для цветных это тоже был способ изменить социальный статус. Однако в отличие от официального брака, такие взаимоотношения оставляли белому гражданскому супругу больше возможностей: он был вправе в любой момент бросить «жену» или не давал воль-

¹⁴⁸ *«империей, основанной на распутстве»*: Michel-René Hilliard d'Auberteuil, *Considérations sur l'état présent de la colonie française de Saint-Domingue*, Vol. 2 (цит. по: Victor Emmanuel Roberto Wilson, *Le Général Alexandre Dumas: Soldat de la liberté*, с. 29).

¹⁴⁹ *«цветные» люди получили права*: Jeremy D. Popkin, *You Are All Free: The Haitian Revolution and the Abolition of Slavery*, с. 64; Doris Garraway, *The Libertine Colony: Creolization in the Early French Caribbean*, сс. 205, 235.

¹⁵⁰ Еще один парадокс: изданный в тот самый год, когда Людовик XIV отменил Нантский эдикт и изгнал протестантов из Франции, Черный кодекс стал документом, в котором тесно переплелись нормы, связанные с религией и межрасовыми отношениями. В нем говорится, что всех французских рабов следует крестить в римско-католическую веру. Вводятся анти-семитские меры, в частности колониальным чиновникам велено «высылать с наших островов всех евреев [Code noir (1685), статья 1, в книге: *Le Code noir et autres textes de lois sur l'esclavage*, с. 12.], которые там обосновались». И появляется запрет на публичное отправление любой религии, кроме католицизма, как хозяевами, так и рабами.

¹⁵¹ *свободные негритянки и мулатки*: Laurent Dubois and John Garrigus, *Slave Revolution in the Caribbean, 1789–1804*, сс. 13–14; Garraway, сс. 230–35; Moreau de Saint-Méry, Vol. 1, с. 105.

¹⁵² *рабский труд женщин*: Bernard Moitt, *Women and Slavery in the French Antilles, 1635–1848*, сс. XIV, 35–36, 45–46.

¹⁵³ *«сожителства с рабынями»*: «Ordonnance des Administrateurs, concernant le concubinage avec les esclaves, du 18 Décembre, 1713», Moreau de Saint-Méry, Vol. 2, с. 406.

ную, чтобы пользоваться ее бесплатным трудом, либо же освобождал только некоторых детей – на выбор. Именно так произошло в случае с Антуаном и его любимым сыном.

Положения Черного кодекса о браке, так же как и его детально прописанные законы об обращении с рабами, не имели безусловной силы. Высшим законом на любой плантации Сан-Доминго была воля ее хозяина, и с учетом общего характера взаимоотношений между владельцем и рабыней всякий секс между ними оказывался разновидностью изнасилования. Но хозяева все чаще освобождали своих любовниц-рабынь и детей-полукровок, причем делали это неофициально, не оформляя вольную в законном порядке и создавая тем самым группу людей «libre de fait» (в буквальном переводе: «свободных фактически» или на деле). Бессердечный плантатор мог признать часть своих детей-полукровок – тех, что побелее кожей, – а остальных оставить в рабстве, хотя подобные действия часто приводили к проблемам с законом. Он легко мог воспитывать ребенка как своего, продолжая владеть его матерью до самой ее смерти, ведь, чтобы дать женщине свободу, плантатор должен был выплатить немалую пошлину за оформление вольной¹⁵⁴.

Вопреки утверждениям внука Антуана – Александра Дюма, нет никаких доказательств, что Антуан и Мари-Сессетта официально поженились. Вероятность того, что Антуан Островной, человек, который делал все возможное, чтобы остаться незамеченным властями, обратит на себя их внимание, оформив законный брак с бывшей рабыней, кажется крайне малой. Нет ни единой записи о таком браке¹⁵⁵, и, в отличие от других бумаг, связанных с этой историей, подобный документ, существуй он на самом деле, наверняка получил бы известность: писатель Дюма вложил огромные деньги в поиск официальных сведений, подтверждающих его законнорожденность.

* * *

Знакомство Тома-Александра с миром, с его вопиющей несправедливостью и прогрессом, в первые двенадцать лет жизни мальчика происходило на улицах неофициальной мулатской столицы западного мира – порта Джереми¹⁵⁶.

Старше мальчика менее чем на десять лет, Джереми был беспорядочным, незавершенным поселением – с тавернами и бильярдными, но без отдельной церкви или настоящего правительственного здания. Колониальный управляющий, прокурор и морской суд располагались в частном жилом доме. Католический приход также снимал частный дом для богослужений, а пастор делил свое здание с королевским пороховым погребом.

Дуэли были важной частью в мужском миропорядке того времени, однако Тома-Александр, вероятнее всего, впервые соприкоснулся с насилием во время всеобщих потасовок, которые ежедневно выплескивались на улицы из многочисленных бильярдных, питейных заведений и «огороженных домов» – борделей. Проституция, петушинные бои, алкоголь и опиаты – всего этого вокруг хватало с избытком, и никакая городская администрация не могла или не осмеливалась ограничить эти сферы. В городе не было чистой питьевой воды (настоящий подарок для держателей таверн), а воспользоваться любым из окрестных колодцев значило, как замечал великий хронист островной жизни Моро де Сен-Мери, совершить «мужественный акт»¹⁵⁷. В 1760-х годах власти пообещали построить в верхнем городе обще-

¹⁵⁴ *пошлину за оформление вольной*: John D. Garrigus, Before Haiti: Race and Citizenship in French Saint-Domingue, с. 197.

¹⁵⁵ *нет ни единой записи об официальном браке*: в свидетельстве о браке Дюма «Мари-Сессетта» названа мать Дюма, а Антуан – его отцом, но нигде нет упоминаний о том, что они состоят в браке: Выписка из книги учета со свидетельством о браке Александра Дюма и Мари-Луизы, 28 ноября 1792, MAD Safe.

¹⁵⁶ *жизнь в Джереми*: Manuel, сс. 13, 23, 25.

¹⁵⁷ «*мужественный акт*»: Moreau de Saint-Méry.

ственный фонтан, но даже примерно тридцать лет спустя трубы для него все еще находились в пути из Порт-о-Пренса.

Джереми хотя бы не нужно было бояться вражеской атаки. Город занимал исключительно удобную позицию для обороны¹⁵⁸, оседлав холм над естественным полукружием бухты. Такое расположение делало штурм со стороны суши почти невозможным, а противнику, попытавшемуся напасть на город с моря, пришлось бы преодолевать очень крутой подъем.

С высоты городского вала мальчик мог видеть, как море меняет цвет, как волны цвета серый металлик постепенно становятся сине-зелеными, а шхуны с грузом кофе уходят за горизонт. Или он мог без дела слоняться по *la haute ville*, верхнему городу. С трех его сторон росли вязы, а четвертая сторона, выходящая на море, использовалась как рынок, где торговцы и мелкие фермеры, включая рабов, могли установить ларьки для своих товаров. По улицам города сновали повозки с впряженными в них мулами, осликами и козами. В сухую погоду над немощеными улицами клубилась пыль, а во время сезона дождей по ним текли реки грязи. Джентльмены спрыгивали с лошадей и на руках выносили разодетых дам из экипажей, тогда как рабы брели по улице по колено в грязи. *La basse ville*, или нижний город, представлял собой одну длинную улицу с маленькими лавками, в которых свободные цветные работали бок о бок с белыми. Это были кожевники, винокуры, гончары, шорники, колесные мастера, краснодеревщики и кузнецы. Среди товарных складов на улице также располагались «загоны для рабов»¹⁵⁹.

Джереми, как одному из наименее экономически развитых приходов колонии, некуда было двигаться, кроме как вперед, и со времени появления на свет Тома-Александра район это и делал. К началу 1780-х годов экономика здесь развивалась быстрее, чем в любой другой части Сан-Доминго, обгоняя даже богатые сахаром равнины севера. Причина заключалась в росте мировых цен на кофе (что позволило бы Антуану получить даже большие прибыли, если бы он обладал хотя бы толикой предпринимательского чутья). Суда в гавани выстраивались в очередь, чтобы взять все более ценящийся на европейских рынках груз. Цены на сахар как раз падали, в отличие от цен на кофе, так что ряды плантаторов из гористой местности пополнялись честолюбивыми новичками как из Франции, так и из Сан-Доминго.

Мало того что Антуан оказался не в состоянии воспользоваться кофейным бумом, ему наверняка пришлось не по душе увеличение числа полицейских: королевская конная полиция организовала в районе новый гарнизон со штаб-квартирой в Джереми – по официальной версии, чтобы бороться с маронами и бучаньерами, но также, очевидно, чтобы установить власть правительства на этой дикой и слабо населенной окраине. На юного Тома-Александра наверняка произвел впечатление следующий факт, связанный с новыми вооруженными всадниками в причудливой белой форме, расшитой золотой парчой и геральдическими лилиями: лица этих мужчин были столь же или даже более черны, чем его собственное.

Конной полицией Джереми командовал старший офицер – белый, но его заместителем был мулат. А сам отряд состоял из четырех вольных черных лучников, как называли полицейских. Теперь, когда место луков со стрелами заняли мушкеты и ружья, этим людям было доверено ходить среди белых с любым оружием в руках, поддерживать порядок и представлять государство¹⁶⁰. Однако еще более важной для сына рабыни и аристократа была увеличи-

¹⁵⁸ удобную позицию для обороны: Ghislaine Rey Charlier and Carrol F. Coates, „Memories of a Freedwoman,“ с. 342; Moreau de Saint-Méry, vol. 2, с. 788.

¹⁵⁹ «загоны для рабов»: Manuel, сс. 2–20.

¹⁶⁰ Со временем увеличивающаяся роль свободных цветных в борьбе с беглыми рабами приведет к постоянному ухудшению отношений между мулатами и неграми. Портовый город Джереми до сих пор остается окраиной, изолированной от остальной страны, и не только из-за географического положения, но также из-за мощного наследия, оставленного мулатами и полукровками. Оно не очень-то вписывается в национальные особенности и мифологию современного Гаити.

вающая роль Джереми как культурной мекки мулатов. Стараясь как можно сильнее дистанцироваться от поработанных негров и бедных белых, свободные цветные люди научились танцевать, ездить верхом и фехтовать, как белые колонисты, которых они часто превосходили в утонченности и снобизме. Кофейный город переживал расцвет, и модницы из числа *femmes de couleur* и *filles de couleur* копировали парижские образцы (пусть даже господствующие тренды этой *mode* прибывали с опозданием в несколько месяцев) и меняли платья по многу раз за один вечер. Устраивая ночные приемы, их хозяйки отчаянно пытались превзойти друг друга в полете фантазии и величине расходов. Изысканная мулатка перемещалась с одного бала на другой, и для каждого выхода ей требовался новый стиль. «На первый бал, – сообщал Моро де Сен-Мери, – вас пустят, только если вы¹⁶¹ облачены в тафту; на второй – только если одеты в муслин; на третий – только если на вас льняное платье».

Рождения, свадьбы и дни рождения короля Людовика и Марии-Антуанетты – все это были поводы для шикарных «цветных» балов. Их устроительницы накручивали на головы дорогие индийские шелка и щеголяли ювелирными украшениями тонкой работы. Войны моды разворачивались между белыми и черными дамами: кто из них сможет дать более впечатляющие балы. Почти всегда побеждали *femmes de couleur*, отмечал Моро. Они изо всех сил старались получить как можно лучшее образование, становились ценительницами оперы и театра.

Во многом благодаря подобным устремлениям цветного общества Сан-Доминго¹⁶² и другие французские колонии превратились в культурные столицы Нового Света, демонстрируя выдающиеся успехи в сценическом искусстве. С 1764 по 1791 год на сценах Сан-Доминго прошли около трех тысяч театральных постановок¹⁶³. Помимо оперы, популярностью пользовались *commedia dell'arte* и креольские интерпретации пьес Мольера. В то время как в британской Северной Америке театральные труппы выступали в переделанных залах суда и пакгаузах, французские сахаропроизводящие колонии строили роскошные театры и оперные дома. На первых порах спрос на сценическое искусство удовлетворяли в основном французские, итальянские, британские и русские артисты, однако, по мере того как местные негры и мулаты обоих полов осваивали балет, театр и оперу, они начали выступать в важнейших постановках бок о бок с белыми. К концу 1700-х годов Сан-Доминго стал домом для первых в мире чернокожих звезд сцены, таких как Минетта и Лиза, которые затмевали приезжих белых див из Парижа и Неаполя.

Белые колонисты негодовали, однако французская колониальная администрация поощряла подобные культурные устремления свободных чернокожих. В 1780 году один колониальный чиновник, отстаивая в официальном документе необходимость строительства театра, писал о благотворном воздействии искусства на людей с африканскими корнями. Приобщившись к французскому театру, утверждал автор документа, свободные цветные люди избавились «от варварства, присущего им по происхождению»¹⁶⁴, и стали носителями цивилизованных манер и обычаев¹⁶⁵.

¹⁶¹ «вас пустят только если вы»: Moreau de Saint-Méry, цит. по: Jean Fouchard, *Le Théâtre à Saint-Domingue*, с. 96.

¹⁶² *мода Сан-Доминго*: Charlier and Coates, с. 343; Fouchard, с. 96; David M. Powers, „The French Musical Theater: Maintaining Control in Caribbean Colonies in the Eighteenth Century,“ с. 230.

¹⁶³ *опера и театр*: Fouchard, сс. 95–96; Powers, с. 230. С. 68: *Минетта и Лиза*: Powers, с. 238.

¹⁶⁴ «от варварства, присущего им по происхождению»: «Mémoire concernant l'établissement d'un spectacle à Saint-Pierre de la Martinique», 1780, AN, цит. По: David M. Powers, «The French Musical Theater», с. 232.

¹⁶⁵ В 1970-х годах социологи во время исследований на Гаити [Marlyn Walton Wilmeth and J. Richard Wilmeth, «Theatrical Elements in Voodoo».] неожиданно обнаружили остатки театральной культуры восемнадцатого века: хотя прошло почти две сотни лет, некоторые местные обряды вуду носили несомненные следы влияния стиля *commedia dell'arte*. Ученые зафиксировали подобные следы в импровизации, использовании акцентов, костюмах и участии зрителей в ритуале. Когда социологи обратились к обрядам вуду в регионах, где в восемнадцатом веке не было европейских театров, сравнение показало, что эта контрольная группа строго следовала традиционным стилям вуду, все еще существующим в Африке. Социологи

Колония, печально знаменитая жестоким обращением с чернокожими рабами, породила мулатскую культурную элиту. Помимо артистов и певцов, на Сан-Доминго появились «цветные» бизнесмены, владельцы плантаций, адвокаты, философы и ораторы. В 1780-х годах один из таких людей – Жюльен Раймон – переехал в Париж и стал главным в эту эпоху борцом за права свободных чернокожих, хотя сам владел сотнями рабов.

Однако едва новое общество, основанное на сложных расовых взаимоотношениях, возникло и расцвело, как белые колонисты поспешили нанести ответный удар – до странного современным способом. В то время как расизм в отношении рабов в колониях подогревался презрением и боязнью восстания, выступление против свободных цветных Сан-Доминго было вызвано иным мотивом – завистью.

Стоило цветным людям захватить первенство в моде, культуре и торговле, как расисты попытались провести законы, принуждающие мулатов к скромности. К числу подобных документов относилось следующее распоряжение (от 1779 года) о моде: «Мы категорически запрещаем¹⁶⁶ [свободным цветным] при помощи одежды, причесок, платьев или нарядов добиваться предосудительного сходства с тем, как принято одеваться у белых мужчин и женщин... Также мы запрещаем им надевать любые украшения и предметы роскоши, несовместимые со скромностью их положения и происхождения, в противном случае эти украшения будут сорваны с них прямо на месте».

В 1773 году колониальный суд запретил небелым использовать имена¹⁶⁷ белых людей. С этого момента полукровки стали носить африканские имена. Суд следующим образом объяснил необходимость нового закона: «Присвоенное имя представителя белой расы может поставить статус лиц под сомнение, нарушить порядок наследования и полностью уничтожить непреодолимый барьер между белыми и цветными, воздвигнутый общественным мнением и хранимый мудростью правительства».

Наряду с этой гнусной реакцией белых расистов и использованием мулатских полиции и солдат против беглых рабов, увеличение числа мулатов-рабовладельцев также вбивало мощный клин между сообществами чернокожих и полукровок. После краткого расцвета и вопреки утопическим предсказаниям философов вроде Раймона, в мультикультурном обществе Сан-Доминго появились первые проблески совсем недалеких перемен – трансформаций самого мрачного свойства.

* * *

Между тем Тома-Александр провел первое десятилетие своей жизни на ферме, расположенной на склоне горы среди тропической природы. Вместе с ним были его черная мать-рабыня, таинственный отец из Нормандии, брат и две сестры-мулатки¹⁶⁸. Мальчик играл в зарослях бамбука и лиан, охотился на одичавших животных как буканьер. Однажды – совсем в другом мире – он расскажет своему сыну об этой жизни в тропиках, причем опишет их как страну чудес, или, по крайней мере, так его рассказ будет выглядеть много лет спустя – в воспоминаниях:

описали свои находки, проанализировав параллели между типовыми персонажами *commedia* и местными богами вуду, представленными в ритуалах: Скарамуш и Огу; примадонна и Эзили; Арлекин и Гуэде; Панталоне и Папа Легба.

¹⁶⁶ «Мы категорически запрещаем»: «Règlement provisoire des Administrateurs, concernant le Luxe des Gens de Couleur» (February 2, 1779), Moreau de Saint-Méry, сс. 855–56.

¹⁶⁷ запрет на «белые» имена: «Règlement des Administrateurs concernant les Gens de couleur libres» (June 24 and July 16, 1779), Moreau de Saint-Méry, сс. 448–50.

¹⁶⁸ брат и две сестры-мулатки: письмо от г-на де Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH; соглашение между Дюма и вдовой его отца Мари Рет, 22 ноября 1786, AN LX465. Упомянуты дочери Цесетты – Жанетт и Мари-Роз.

Помню, отец рассказывал мне¹⁶⁹, что как-то раз, вернувшись домой из города, он – тогда десятилетний мальчик – с огромным удивлением обнаружил на берегу моря что-то вроде древесного ствола. Когда он проходил здесь два часа назад, то ничего подобного не заметил, а потому развлечения ради стал подбирать гальку и бросать ее в бревно. После точного попадания бревно внезапно проснулось. Ведь на самом деле это был не кто иной, как кайман [близкий родственник аллигатора], спавший на солнышке.

Кайманы, судя по всему, просыпаются в дурном расположении духа; герой нашего рассказа мельком увидел моего отца и поставил перед собой задачу догнать его.

Отец – настоящее дитя колоний, сын морских пляжей и саванн – бегал хорошо; однако очень скоро выяснилось, что кайман бегал или, скорее, прыгал еще лучше, и это приключение вполне могло навсегда оставить меня в небытии, если бы один негр, который в тот самый момент поедал сладкий батат, сидя на стене, не увидел погоню и не закричал моему отцу, уже вконец выдохнувшемуся:

«Змейка, маленький сэр! Беги змейкой!» – стиль передвижения, прямо противоположный схеме перемещения каймана, который может бежать или прыгать, как ящерица, только по прямой.

Благодаря этому совету, отец добрался до дома целым и невредимым, но он прибежал, подобно греку из Марафона, запыхавшись и был близок к тому, что, как и упомянутый исторический персонаж, никогда больше не сумеет восстановить дыхание вообще.

Погоня, в которой зверь был охотником, а человек – добычей, произвела глубокое впечатление на моего отца.

Островная жизнь, без сомнения, отточила природные навыки Тома-Александра¹⁷⁰. Один военный биограф девятнадцатого столетия объяснял его легендарное искусство наездника, которое позволяло сражаться верхом на самых крутых валах и самых узких мостах, тем, каким образом мальчик учился верховой езде: «Подобно всякому жителю этих новых стран¹⁷¹, где человеку приходится приручать животное, которое он будет использовать, где сила и ловкость заменяют знание, приобретаемое позже в школе верховой езды».

Помимо природы и диких животных, у Тома-Александра был отец. Антуан был негодяем, но негодяем образованным. К числу великих ученых он не относился, но знал произведения и историю римлян и греков, а подготовка в качестве офицера артиллерии дала ему достаточно глубокие познания в естественных науках и математике. Возможно, Антуан брал своего высокого и красивого сына в театр и оперу в соседнем Джереми. Всего через несколько коротких лет Тома-Александр легко впишется в парижское общество, восхищенное его учтивостью и изысканными манерами. Бывший солдат конечно же мог преподавать сыну основы верховой езды и стрельбы, а также самозащиты при помощи клинка, что было самым важным для мужчины восемнадцатого столетия.

Держа в руках свою старую армейскую саблю, Антуан мог рассказывать мальчику о своих нормандских предках, о своем участии в войнах и о том, как герцог Ришелье на его

¹⁶⁹ «Помню, отец рассказывал мне»: ММ, сс. 14–15.

¹⁷⁰ *умения Дюма*: сам Дюма говорит, что представителям его «класса» (т. е. социального класса) не так-то легко научиться писать или найти того, кто охотно обучит этому умению (письмо от Дюма к Комитету общественной безопасности, 4 января 1794, SHD 3В9).

¹⁷¹ «подобно всякому жителю этих новых стран»: Ernest d'Hauterive, *Un soldat de la Révolution*, с. 12.

глазах насмерть заколол князя Ликсена. Но что должен был чувствовать белый мужчина, когда он учил своего сына-мулата сражаться на дуэли подобно юному мушкетеру, нападать и отступать среди мангровых деревьев и когда подмечал в ученике талант бойца, доселе невиданный среди его предков, по крайней мере, за последние несколько поколений? Этому таланту предстояло стать ярче, чем кто-либо из них мог представить.

Глава 3

Нормандское завоевание

В начале 1750-х годов, в тот самый момент, когда стремительно растущее состояние позволило ему выкупить всю плантацию¹⁷², Шарль Дави де ля Пайетри столкнулся с главным бедствием преуспевающих людей восемнадцатого века – подагрой¹⁷³. Доктора сказали, что карибский климат пагубно влияет на состояние его здоровья и что ему станет гораздо лучше после возвращения во Францию. Тогда, оставив плантацию и более двухсот рабов под надзором управляющих¹⁷⁴, Шарль с женой и дочерью-подростком, Мари-Анн, отплыл в Нормандию¹⁷⁵.

Они временно поселились в замке Пайетри¹⁷⁶ в Бьельвиле вместе с родителями Шарля. Маркиз и маркиза обрадовались возвращению преуспевающего сына, который, как-никак, присылал им деньги¹⁷⁷. Во Франции восемнадцатого века не было ничего лучше как иметь в семье *плантатора*.

Отец рассказал Шарлю о недавней денежной ссоре. В замке нашли набитую монетами металлическую шкатулку. Она была спрятана внутри набитого соломой тюфяка. Вдовствующая сестра маркиза заявила, что это она спрятала шкатулку и что деньги принадлежат ей. Маркиз оспорил это утверждение. Чтобы разрешить спор, вызвали нотариуса. Когда он спросил тетю Шарля, прятала ли она монеты собственноручно, та признала, что нет. Но затем почтенная дама внезапно бросилась вперед, прикрыла шкатулку собственным телом и стала кричать и пинаться. Нотариусу пришлось бороться с ней, чтобы вновь завладеть шкатулкой. Во время потасовки вдова, как сказано в отчете, «ударилась и укусила свидетеля»¹⁷⁸. Яркая иллюстрация того, до чего могла дойти семья Пайетри в спорах о наследстве.

Когда маркиз, а спустя короткое время и маркиза умерли, Шарль поторопился заявить о своих правах, как старший из живущих братьев Пайетри (хотя первенцем и наследником был Антуан). В более позднем судебном документе сказано:

...не зная, жив ли их старший брат¹⁷⁹, а если да, то в какой из стран мира он находится, и считая его мертвым, поскольку он [многие] годы не подавал о себе вестей, [два младших брата] поделили доходы от поместья в соответствии с принятыми в регионе обычаями. Шарль-Эдуард присвоил себе все преимущества, которые закон дает старшему из сыновей.

¹⁷² Шарль выкупает плантацию: запись о приобретении недвижимости Шарлем де ля Пайетри, 3 марта 1755, ADPC 10J26.

¹⁷³ подагра Шарля: письмо от г-на Тардивы к Мари-Анн де Мольде, 26 июня 1773, ADPC 10J26; письмо от г-на Леру к Мари-Анн де Мольде, 8 июля 1773, ADPC 10J26.

¹⁷⁴ управляющие Шарля: г-да Монжаль и Папийон упомянуты в статьях соглашения о партнерстве для компании, где Шарль выступает в роли одного из партнеров, 16 января 1760 ADPC 10J26; см. также письмо от Шарля де ля Пайетри к г-ну Монжалю, 4 июня 1761, ADPC 10J26.

¹⁷⁵ Шарль с женой и дочерью покидают Сан-Доминго: нам известно, что в июле 1753 г. Шарль был на Сан-Доминго, где он составил завещание (3 июня 1753, ADPC 10J26). В марте 1755 г. Шарль был во Франции (см. запись о приобретении недвижимости, ADPC 10J26).

¹⁷⁶ Шарль в замке Пайетри в начале 1750-х: Robert Landru, À propos d'Alexandre Dumas, с. 35; Gilles Henry, Les Dumas, сс. 23–24; Réginald Hamel, Dumas— insolite, с. 19.

¹⁷⁷ Шарль присылал деньги родителям: квитанция на 7000 ливров, полученных Жанной и Александром де ля Пайетри от Шарля де ля Пайетри, 29 июня 1757, ADPC 10J34.

¹⁷⁸ «ударилась и укусила свидетеля»: Henry, сс. 19–20.

¹⁷⁹ «не зная, жив ли их старший брат»: заявление графа де Мольде в суд, 30 ноября 1778, ADPC 10J35.

Шарль, как новый маркиз Дави де ля Пайетри¹⁸⁰, поселился в родовом замке и унаследовал все находившееся там имущество, тогда как примерно четверть ренты и собственности досталось младшему брату – Луи¹⁸¹. Шарль немедленно ухитрился попасть в Версаль¹⁸² и заручился благосклонностью влиятельных аристократов, таких как маркиз де Мирабо¹⁸³ (отец оратора-революционера). Он использовал сахаропроизводящую плантацию как залог под обеспечение займов¹⁸⁴, на которые начал скупать недвижимость во Франции, и занимал еще большие суммы, чтобы жить, ни в чем себе не отказывая.

Однако хотя его состояние продолжало расти, Шарль знал, что дела на плантации обстоят плохо. Начало Семилетней войны и английское эмбарго нанесли сокрушительный удар по торговому судоходству между колониями и метрополией¹⁸⁵. Объемы экспортных перевозок упали катастрофически, сахарный тростник гнил на корню, а Шарль терял десятки тысяч ливров. Огромные партии очищенного сахара валялись вокруг его склада, судов, готовых взять этот груз на борт, не было. Бизнес столкнулся с серьезными трудностями. Впрочем, Шарль, кажется, полагал, что благодаря новым могущественным друзьям и новому титулу он вполне готов затеять рискованное предприятие, которое сулило ему решение всех финансовых проблем.

Возможно, каких-то качеств мужчинам из рода Пайетри – а позднее и Дюма – не хватало, но чего в этой семье всегда было в избытке, так это дерзкой отваги. Война могла перерезать официальное сообщение между французскими и британскими колониями, но она не уменьшила европейский спрос на сахар или потребность колоний в рабах¹⁸⁶. Шарль разработал схему контрабандных поставок «белого сахара высочайшего качества»¹⁸⁷ с плантациями на Сан-Доминго в Нью-Йорк. Суда поплывут вдоль Атлантического побережья под британскими флагами, но в воды Сан-Доминго войдут с незаполненными бланками охранных грамот из Версаля, полученными благодаря связям Шарля при дворе. Шарль нашел партнеров¹⁸⁸ в лице французского судового магната и пары братьев-голландцев, чьи предприятия находились в Амстердаме и Нью-Йорке.

Контрабандистский план Шарля предусматривал использование верфи, которая располагалась на участке береговой линии чуть севернее его плантаций на Сан-Доминго. Через этот участок проходила граница между французской и испанской колониями, а потому он считался нейтральной территорией. Место называлось Монте-Кристо¹⁸⁹.

¹⁸⁰ *Шарль в замке ля Пайетри*: письмо от Шарля де ля Пайетри к г-ну Монжалю, 4 июня 1761, ADPC 10J26 (с упоминанием, что Шарль живет в замке Пайетри).

¹⁸¹ *наследство Луи*: заявление графа де Мольде в суд, 30 ноября 1778, ADPC 10J35.

¹⁸² *связи Шарля в Версале*: без этих связей основанная им в 1760 г. компания не смогла бы существовать; см. статьи партнерского соглашения, 16 января 1760, ADPC 10J26 и письмо от г-на Бюлянда к г-ну Папийону, 7 марта 1760, ADPC 10J26b.

¹⁸³ *маркиз де Мирабо*: Мирабо предоставил гарантии при покупке Шарлем недвижимости. См. решение суда по спору между Шарлем де ля Пайетри и г-ном Пети де Ляндом, 17 октября 1761, ADPC 10J35.

¹⁸⁴ *займы Шарля*: Мирабо предоставил гарантии при покупке Шарлем недвижимости. См. решение суда по спору между Шарлем де ля Пайетри и г-ном Пети де Ляндом, 17 октября 1761, ADPC 10J35.

¹⁸⁵ *удар по торговому судоходству между колониями и метрополией*: Benjamin Rand, *Selections Illustrating Economic History Since the Seven Years' War*, с. 98; Lucien Guillou, André Vanderheyde, *courtier lorientais, et ses opérations (1756–1765)*, сс. 13–38.

¹⁸⁶ *потребность колоний в рабах во время войны*: Edouard Delobette, *Ces Messieurs du Havre: Négociants, commissionnaires et armateurs de 1680 à 1830*, с. 1607.

¹⁸⁷ *«белого сахара высочайшего качества»*: письмо от г-на Бюлянда к г-ну Папийону, 7 марта 1760, ADPC 10J26b.

¹⁸⁸ *Шарль нашел партнеров*: статьи соглашения о партнерстве для компании, где Шарль был одним из партнеров, 16 января 1760, ADPC 10J26.

¹⁸⁹ Район Монте-Кристо (встречается и вариант названия – Монте-Христо) включал в себя небольшой порт, береговую линию, гору и реку. Он до сих пор существует на географических картах. Остров Монте-Кристо, который Шарль, судя по всему, тоже использовал в своей контрабандистской схеме, лежит у самого побережья и, что было очень удобно, в водах испанской колонии.

Первое время план работал хорошо, и Шарль отправил как минимум одну партию чистого белого сахара из Монте-Кристо в Амстердам. Но воды кишели английскими кораблями, и путешествие становилось все более рискованным. Постепенно партнеры начали терять терпение и высказывать недовольство схемой, которая не обогатила их настолько, насколько они надеялись, да еще и требовала доверять друг другу крупные суммы денег, несмотря на большие расстояния.

В мае 1760 года Шарль приехал в Лондон¹⁹⁰ – инкогнито, через Амстердам, поскольку Франция и Англия до сих пор воевали друг с другом, – и встретился с британским банкиром, у которого просил капитал на расширение своего контрабандистского бизнеса. Однако затем кто-то подсказал Шарлю, что новое предприятие способно принести даже большие прибыли, нежели контрабанда сахара. Речь шла о работоторговле¹⁹¹.

Шарль приказал своему управляющему справиться о ценах и выгодах от покупки «кусочков Индии»¹⁹², как называли рабов (профессиональный термин торговцев) «с Золотого Берега или Анголы», и продажи их в Сан-Доминго. Отчет, по всей вероятности, был хорош, потому что вскоре Шарль организовал партнерство с капитаном, работавшим на братьев Станисласа и Мартина Фоаш. Это были крупнейшие судовладельцы Нормандии, причем девятнадцать из девятидесяти одного принадлежащего им судна¹⁹³ перевозили невольников. Братья Фоаш представляли собой высший идеал преуспевания, основанного на столь выгодной в восемнадцатом веке продаже сахара и рабов. Однажды они одолжили королю¹⁹⁴ один миллион ливров на содержание администрации Сан-Доминго. Шарль страстно желал объединиться с ними.

Шарль купил судно¹⁹⁵ и в знак того, что у него нет абсолютно никаких сомнений в успехе предприятия, дал кораблю новое название – в честь собственной дочери. «Douce Marianne»¹⁹⁶¹⁹⁷ отплыла в британское Сьерра-Леоне¹⁹⁸, неся на борту, помимо прочего груза, 225 бутылок шампанского и 300 бутылок крепкого сидра, а затем подобрала «300 невольников»¹⁹⁹ в фактории Майлза Барбера из Ланкастера («фактории» – посты по оптовой торговле рабами – часто располагались на островах возле побережья Западной Африки).

Работоторговля могла быстро принести большие барыши, но и оборачивалась огромными убытками, если что-то шло не так. И, как случилось со всеми начинаниями Шарля с тех пор, как он начал вести жизнь высокопоставленного аристократа, что-то опять пошло очень сильно не так. Суперкарго, которого Шарль нанял на время путешествия в Сьерра-Леоне и которому поручил купить рабов, оказался человеком переменчивого нрава. Возле африканского побережья он до драки рассорился с капитаном «Douce Marianne» и помог команде поднять мятеж²⁰⁰. Капитан оказался под замком в своей каюте. (Через несколько недель мятежники перевели его в маленькую каморку на палубе, где он провел взаперти

¹⁹⁰ Шарль в Лондоне: ADPC, 10J34, dossier A, цит. по: Delobette, с. 1608.

¹⁹¹ Шарль в работоторговле: Landru, с. 37; Henry, с. 30; Delobette, с. 1608.

¹⁹² «кусочков Индии»: Henry, с. 30.

¹⁹³ суда Фоашей для работоторговли: Réginald Hamel, Dumas— insolite, с. 172, цит. по: Delobette, с. 1370.

¹⁹⁴ братья Фоаши одолжили денег королю: Christiane Maubant, „Le ‘traité’ de traite de Stanislas Foäche, du Havre.“

¹⁹⁵ Шарль купил судно: ADPC 10Jc, Chartrier de la Buissière, 26 с: „Achats de nègres: armement de la Douce Marianne, 1763“ and 34 а: „Affaire du navire négrier la Douce Marianne, 1763–1764.“

¹⁹⁶ Фр.: Милая Мари-Анн. – Примеч. пер.

¹⁹⁷ судно Шарля «Douce Marianne»: ADPC 10J26c and 10J34a.

¹⁹⁸ «Douce Marianne» отплыла в Сьерра-Леоне: Delobette, сс. 695–96, цитирует ADPC, 10J34, dossier A.

¹⁹⁹ «300 невольников»: соглашение между Шарлем и лондонским банкиром Пьером Симондом, см. Delobette, сс. 695–96, который цитирует ADPC 10J34, dossier A.

²⁰⁰ мятеж на судне: ADPC 10J26 and 10J81, процитированный в книге: Delobette, с. 590; Landru, сс. 40–42, and Henry, сс. 38–40.

около трех месяцев.) Тем временем команда превратила судно в притон, моряки выпили и съели большую часть припасов и изнасиловали рабынь. Вопреки четким приказам Шарля, они приплыли на Мартинику, где продали часть рабов, а деньги забрали себе. Как показывают отчеты, мятежники в конце концов доставили в пункт назначения на Сан-Доминго менее чем половину от первоначального груза. Первый опыт Шарля в сфере работоторговли завершился провалом.

Можно только представить, как страдали люди, связанные с судьбой этого рейса. Но для Шарля неудача «Douce Marianne» означала лишь, что очередное торговое предприятие увеличило его долги²⁰¹, а не его состояние. Он сделал еще одну попытку, но второй рейс «Douce Marianne», хоть и обошелся без мятежа, оказался столь же нерентабельным. Итоги торговой операции Шарля оказались ничтожными даже по низким бизнес-стандартам самих работоторговцев: Станислас Фоаш описывал Шарля и его подчиненных как «склочных, несправедливых²⁰² и ничего не понимающих в деле, которым занялись». Магнат прибавлял: «Его плантации могли производить²⁰³ 600 метрических тонн белого сахара, [но] он нашел секрет, как делать только 200. Его мастерские находятся в ужасном состоянии». Фоаш резюмировал, в чем состоит проблема сотрудничества с Шарлем: «Мы потеряем много чернокожих».

С извращенной точки зрения, Шарль поступил правильно, когда назвал невольничье судно в честь дочери. Ведь деньги срочно нужны были ему в первую очередь для того, чтобы вернуть абсурдные суммы, взятые в долг с целью произвести сильное впечатление на общество и сделать рекламу готовящейся свадьбе Мари-Анн²⁰⁴. Ее жених – молодой граф Леон де Мольде – происходил из более знатного рода, нежели Пайетри, а потому полагал, что женится на новых деньгах, которые помогут ему оплатить семейные долги.

Мари-Анн де ля Пайетри обвенчалась с графом Леоном де Мольде в часовне Сен-Сулпис 4 мая 1764 года. Как видно из заметок «Gazette de France», эта свадьба стала главным событием придворной жизни, на котором присутствовали сливки французского общества²⁰⁵. В приданое²⁰⁶ невесты входили бриллианты, шикарные платья, здания и сотни тысяч ливров, обещанные на слово. Брачный контракт с соблюдением необходимых формальностей подписали король и все члены королевской семьи.

Однако долги Шарля были значительно больше его активов, и некоторые из великих людей, присутствовавших на свадьбе (особенно его покровитель, Мирабо²⁰⁷), вскоре превратятся в злейших его кредиторов. Шарль вернулся к работоторговле²⁰⁸ в надежде сорвать большой куш. Он поставил на кон будущее дочери, а заодно и свое собственное, и доверил разыграть эту ставку невольничьему судну, носившему ее имя.

«Все ваши кредиторы²⁰⁹ готовы к атаке», – весной 1773 года писал зять Шарля граф де Мольде из Парижа. К тому моменту Шарль вернулся на Сан-Доминго²¹⁰, надеясь лично наве-

²⁰¹ увеличило его долги: Delobette, сс. 1201, 1239–40, 1607–8, цитирует ADM E 2373.

²⁰² «склочных, несправедливых»: Foäche & Cie in Cap Français to Veuve Foäche & Fils in Le Havre, June 25, 1774, ADSM 4055, 1 Mi 664 R-2, процитирован в книге: Delobette, с. 1370.

²⁰³ «Его плантации могли производить»: Delobette, с. 4783, цитирует M. Bégouën Demeaux, с. 48.

²⁰⁴ свадьба дочери Шарля: Gazette de France, April 18, 1764, с. 128, и May 4, 1764, с. 144.

²⁰⁵ сливки французского общества: Landru, с. 46; Henry, с. 37.

²⁰⁶ приданое Мари-Анн: брачный контракт между Мари-Анн де ля Пайетри и Леоном де Мольде, 2 апреля 1800, ADPC 10J35.

²⁰⁷ Мирабо как нетерпеливый кредитор: решение суда по спору между Шарлем де ля Пайетри и г-ном Пети де Ляндом, 17 октября 1761, ADPC 10J35.

²⁰⁸ работоторговля Шарля: ADPC 10J26с и 10J34а.

²⁰⁹ «Все ваши кредиторы»: письмо Мольде к Шарлю, цит. по: Henry, с. 44.

²¹⁰ Шарль вернулся на Сан-Доминго: письмо г-на Леру к графу де Мольде, 8 июля 1773, ADPC 10J26.

сти порядок в своих владениях²¹¹. Но состояние плантации было жутким, «дома, конюшни²¹² и перерабатывающее оборудование» просто разваливались, как писал один из управляющих. «Сорок пять негров больны, а остальные измотаны до предела, потому что их почти не кормят и все равно заставляют работать. В силу этих двух причин многие чернокожие умерли».

Как будто покоровшись злой судьбе, Шарль слег сам – в доме, купленном в Лё Кап, чтобы быть ближе к плантации, – и умер от осложнений, вызванных подагрой. Станислас Фоаш, кстати, посвятил кончине Шарля²¹³ следующее замечание: «Г-н де Пайетри только что умер²¹⁴. Большая удача для его семьи, ведь он привел свои дела в величайший беспорядок».

Через три месяца после смерти Шарля Луи де ля Пайетри, все еще солдат, оказался замешанным в скандал²¹⁵ с продажей во французскую армию неисправного оружия. Луи погубил свою репутацию, провел две недели в военной тюрьме и спустя месяц скоропостижно скончался²¹⁶.

Писатель Дюма позаимствует черты обоих дядей, не говоря уже о деде – признанном мерзавце, – при создании образов главных злодеев в романе «Граф Монте-Кристо». Читая судебные документы²¹⁷, описывающие позорный процесс разбирательства с фальшивым богатством Шарля (что имело печальные последствия для его дочери и ее доверчивого мужа), я не мог избавиться от мысли о том, что для отрицательных персонажей в произведениях Дюма характерна одна интересная деталь: при всей своей алчности и беспринципности они производят на свет детей, которые могут вырасти невинными и славными. Писатель видел это на примере собственной семьи.

Поскольку два брата Пайетри умерли, а Антуан пропал без вести и считался мертвым, титул и собственность – вместе с кучей долгов – перешли к Мари-Анн и ее мужу. Все знаменитости, которые были гостями на их свадьбе, теперь явились в роли кредиторов, требуя, чтобы новые владельцы имения заплатили по счетам. Маркиз де Мирабо утверждал, что Шарль подписал какие-то документы, которые делали его «первым в очереди» кредиторов Пайетри²¹⁸. Как подсчитал граф де Мольде, жена унаследовала такое количество долгов, что их можно было погасить только путем продажи всего имущества. Он обратился к одному из бывших агентов Шарля в Сан-Доминго с просьбой оценить плантацию и получил обезкураживающий отчет: «Недвижимость разрушается²¹⁹, дома рабов лежат в руинах, поля с тростником почти заброшены, рабы непригодны к работе. Ужасающая картина».

Впрочем, за два года, благодаря внимательному, хотя и заочному, управлению Мольде, плантация вновь начала приносить доход. Граф также расплатился с некоторыми из кредиторов Шарля и начал планировать продажу замка Бьельвиль²²⁰, чтобы погасить остальные долги. Братья Пайетри оставили после себя разруху, но с приходом нового и явно необычного поколения, с появлением более приличных наследников дела, похоже, наконец пошли на лад.

²¹¹ Шарль управляет своими владениями: Landru, с. 49; Henry, с. 44.

²¹² «дома, конюшни»: письмо г-на Тардивы к Мари-Анн де Мольде, 26 июня 1773, ADPC 10J26.

²¹³ Шарль умер: многочисленные письма к чете Мольде, в том числе: от г-на Кабейля к графу де Мольде, 16 июня 1773, ADPC 10J26; от г-на Леру к графу де Мольде, 8 июля 1773, ADPC 10J26.

²¹⁴ «Г-н де Пайетри только что умер»: Végouën Demeaux, с. 48 (цит. в книге: Delobette, с. 4783).

²¹⁵ Луи замешан в скандале: Henry, с. 47.

²¹⁶ Луи умирает: Fernand Gaudu, «Les Davy de la Pailleterie, seigneurs de Bielleville-en-Caux», с. 48, цитирует свидетельство о погребении Луи, Книга записей церковного прихода в Сен-Лежер-де-Фекам (Registres paroissiaux, Saint-Léger de Fécamp), ASM.

²¹⁷ Читая судебные документы: заявление графа де Мольде в суд, 30 ноября 1778, ADPC 10J35.

²¹⁸ кредиторы семьи Пайетри: Landru, с. 55; Henry, с. 49.

²¹⁹ «недвижимость разрушается»: письмо от г-на Кабейля к графу де Мольде, 16 июля 1773, ADPC 10J26.

²²⁰ Мольде планирует продажу замка: официальный документ о наследстве мадам де Мольде, полученном от мужа, 2 апреля 1800, ADPC 10J35.

* * *

Французский военный корабль «Trésorier»²²¹ бросил якорь в Гавре, Нормандия, на первой неделе декабря 1775 года²²². Судно пришло из Порт-о-Пренса, Сан-Доминго, и лишь один пассажир сошел на берег. Это был суровый мужчина примерно шестидесяти лет на вид, стройный, но крепкий, с красноватым загаром привыкшего к солнцу викинга. В доке он назвался таможенному чиновнику, который прилежно записал услышанное имя в книгу: «Антуан Делиль»²²³.

Владелец гостиницы, в которой Антуан Делиль²²⁴ остановился в ту ночь, вспомнил, что постоялец, похоже, знал город великолепно для чужестранца. Из отеля Делиль разослал множество писем, в том числе на адрес аббата Буржуа, священника в поместье Бьельвиль. На следующей неделе он встретился с аббатом и представился ему так: «Я – Александр-Антуан²²⁵ Дави де ля Пайетри, отче. Я вернулся из Сан-Доминго». В качестве доказательства²²⁶ он показал священнику свое свидетельство о крещении, написанное в маленькой церкви Бьельвиля 26 февраля 1714 года. «Расскажите мне о том, что здесь случилось за эти годы, и я дам вам необходимые указания. Я – старший сын и нахожусь в своем праве».

Аббат подумал, что мужчина очень похож на братьев Пайетри, но уверен он не был. В конце концов, внешнее сходство ничего не доказывает. Этот человек мог украсть свидетельство о крещении Александра-Антуана или получить его каким-нибудь другим способом. Однако чужестранец рассказал аббату такие вещи о ранних годах жизни Александра-Антуана, которые, по мнению священника, вряд ли мог знать кто-нибудь еще.

Убедившись, что чужестранец в самом деле законный наследник, аббат той же ночью написал графу де Мольде – человеку, который больше всего пострадает от возвращения транжира. Граф находился в родовом поместье, в регионе Шампань. Аббат предложил ему немедленно приехать в Ко.

Граф де Мольде скрупулезно зафиксировал в семейном дневнике факт получения письма от аббата, как делал это всегда:

11 декабря 1775 года²²⁷. Письмо от священника из ля Пайетри, г-на Буржуа, который сообщает о возвращении г-на де ля Пайетри, старшего из братьев.

Он зачеркнул «возвращение» и надписал над ним слово «явление» – apparition, которое и во французском, и в английском используется также для описания призраков, видений и сверхъестественных существей. Мольде сразу ответил: он готов признать возвращение старшего брата Пайетри, как только встретится с ним и увидит доказательства. Пока же он не будет препятствовать переезду Антуана в замок Бьельвиль.

²²¹ Фр.: казначей – *Примеч. пер.*

²²² *декабря 1775 года*: точная дата неизвестна. Заявление графа де Мольде в суд, 30 ноября 1778, ADPC 10J35; письмо от аббата Буржуа к графу де Мольде, 11 декабря 1775, CGH (с упоминанием возвращения г-на де ля Пайетри).

²²³ «Антуан Делиль»: письмо от г-на де Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH; заявление графа де Мольде в суд, 30 ноября 1778, Archives ADPC 10J35.

²²⁴ *Антуан в гостинице*: Landru, с. 61; Henry, с. 50.

²²⁵ «Я – Александр-Антуан»: там же.

²²⁶ *Антуан показывает аббату доказательства*: Henry, сс. 50–51.

²²⁷ «11 декабря 1775 года»: там же, с. 51.

* * *

Антуан съехал из гостиницы и поселился в родовом замке во вторую неделю декабря 1775 года. Холодное каменное здание, многочисленные этажи которого соединялись друг с другом при помощи винтовых лестниц и скатных крыш, должно было вызвать у Антуана шок после стольких лет в тропиках. Замок сильно нуждался в ремонте, но был тем же самым, что он когда-то оставил. Парусники, которые они с Шарлем неумело нацарапали на стене спальни, мечтая о морских приключениях, никуда не делись. Число слуг было минимальным, но экономка, мадемуазель Мари Рету²²⁸, старая дева тридцати с лишним лет, похоже, страстно желала угодить новому хозяину поместья. Она позаботится об Антуане в дни его первого за более чем тридцать лет Рождества во Франции.

Первыми официальными гостями Антуана стали Мари-Анн и Леон де Мольде. Церемониться с ними он не стал. Чета Мольде сделала все возможное, пытаясь урезонить «дядюшку Антуана». Ведь они многим пожертвовали, чтобы привести в порядок дела его покойного брата. Богатство, которое было им обещано, оказалось обманом, тем не менее они поправили состояние унаследованного имущества. Впрочем, практичный граф быстро понял безнадежность борьбы с претензиями воскресшего старшего сына. Он предложил, что они с женой откажутся от всех прежних прав на имущество в обмен на ежегодную ренту, которая помогала бы им оплачивать свои расходы. Они составили черновик соглашения с Антуаном, а в марте 1776 года подписали этот документ²²⁹.

Желая усилить свои позиции в случае любых судебных баталий, а заодно, возможно, и удовлетворить любопытство, граф де Мольде решил расследовать таинственную островную интерлюдия Антуана. Воспользовавшись связями, которые он завел на Сан-Доминго во время оценки имущества Шарля, Мольде нашел отставного королевского прокурора, некоего господина де Шовиноля, жившего в Джереми, и нанял его провести дознание.

Шовинополь сообщил²³⁰, что, несмотря на многообещающее начало, имущество Антуана в гористой местности к моменту его отъезда стоило немного. Более того, детектив выяснил, что неоплаченные долги Антуана на острове в десять раз превышали стоимость всей его собственности в Большой Пещере. Бедняга Мольде, должно быть, изумился сходству некоторых обстоятельств в биографии братьев Пайетри и в очередной раз задался вопросом, как же его угораздило породниться с семьей таких отъявленных негодяев.

Впрочем, в отличие от дел братьев, сфера интересов Антуана не была связана исключительно с финансами. Так что Шовинополь сосредоточился на обнаружении и раскрытии сексуальных связей этого мота, а также поиске его возможных потомков. Сначала он сообщил о взаимоотношениях Антуана с Катэн – девушкой-рабыней, которая вместе с ним сбежала с плантации Шарля. В конце концов, Антуан считал ее слишком старой для себя, однако, отмечал Шовинополь, позволил жить своей жизнью как свободной женщине.

Затем Шовинополь написал о покупке Антуаном в конце 1750-х годов чернокожей красавицы по имени Мари-Сессетта²³¹. «Невероятная цена», которую Антуан заплатил за рабыню, свидетельствовала о его необычном интересе к девушке. И действительно, с того самого момента «он всегда жил с ней [и прижил] четырех детей-мулатов». Перед возвращением

²²⁸ мадемуазель Мари Рету: вердикт суда по спору между Мари Рету и Тома Реторэ, 22 ноября 1786, AN LX465.

²²⁹ соглашение 1776 года между Антуаном и Мольде: заявление графа де Мольде в суд, 30 ноября 1778, ADPC 10J35.

²³⁰ Шовинополь об Антуане (включая цитаты): письмо от г-на Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH.

²³¹ жена Антуана: MM, с. 15.

во Францию, сообщал Шовиноль, Антуан продал трех детей, а также саму Мари-Сессетту некоему г-ну Каррону из Нанта²³².

Детектив также сообщил интересную новость: четвертый ребенок Антуана, мальчик, считавшийся его любимцем, *не* был продан вместе с остальными детьми. Этот мальчик, «юный мулат, по слухам, был продан в Порт-о-Пренсе капитану Ланглуа, – писал Шовиноль, – условно, с правом последующего выкупа. Вырученными деньгами – 800 ливрами – сэр Делиль оплатил дорогу во Францию».

Прибыв в док Порт-о-Пренса, Антуан мог попросту обнаружить, что ему нужны дополнительные деньги на проезд, и ради этого без всякой задней мысли продал оставшегося сына. Это можно было бы считать последним эгоистичным поступком человека, который всегда ценил только собственные удовольствия. Распродав своих любовниц и детей одного за другим, Антуан будто бы придержал любимого сына-мулата, как из предосторожности придерживают ценное кольцо, чтобы продать его в случае крайней необходимости. Однако такое объяснение опровергается следующей принципиальной деталью из описания Шовиноля: продажа мальчика была «*условной, с правом последующего выкупа*».

Антуан мог полностью распродать остальную семью, но своего сына Тома-Александра²³³ он отдал только как гарантию погашения долга. Вернув себе титул и собственность во Франции, он теперь мог выкупить залог.

* * *

Тома-Александр Дюма Дави де ля Пайетри²³⁴, четырнадцати лет от роду, ступил на пристань в Гавре 30 августа 1776 года. В декларации судового груза он значился под именем «раба Александра»²³⁵, принадлежащего «лейтенанту Жаку-Луи Русселю». Неизбежная уловка, потому что юный мулат просто не мог по своей воле сойти с судна во Франции. Антуан выкупил своего сына²³⁶ у капитана Ланглуа и оплатил его безопасный переезд в Нормандию в компании «владельца».

Жизнь в нормандском замке наверняка показалась удивительной молодому человеку, который совсем недавно был рабом в Порт-о-Пренсе. А темнокожий сын нового маркиза наверняка стал таким же сюрпризом для большинства белых и голубоглазых жителей Бьельвиля. Однако первое упоминание о Тома-Александре во Франции – я нашел его в рассыпающемся на клочки письме от ноября 1776 года, от аббата Буржуа²³⁷ графу де Мольде, – касалось юноши мельком. Аббат стремился в первую очередь сообщить Мольде о явном романе Антуана с экономкой, мадемуазель Рету. Эта связь грозила имению браком. Аббат, обращаясь к «дорогому лорду»²³⁸, писал:

²³² Последующие официальные документы [свидетельство о браке, 28 ноября 1792, MAD Safe; брачный контракт, также 28 ноября 1792, ADA 304E268.], особенно свидетельство о браке Тома-Александра, противоречат выводам следователя относительно Мари-Сессетты. В этих бумагах сказано, что она умерла «в Ля Гинодэ, под Джереми» в 1772 году. Причина смерти не указана, однако в 1772 году много людей погибли под ударами катастрофических ураганов, которые уничтожили бесчисленное количество плантаций на Сан-Доминго, Ямайке и Кубе. Писатель Дюма в мемуарах пишет только, что жена Антуана, «к которой он был нежно привязан, умерла в 1772 году, и, поскольку она управляла имением, сразу же после ее смерти оно резко упало в цене». Дюма намекает, что кончина Мари-Сессетты стала причиной возвращения Антуана во Францию. Я тщательно просмотрел все записи и не нашел никаких четких сведений о судьбе Мари. Поразительно, что сам Тома-Александр никогда не упоминал о матери, по крайней мере, ни в одном из документов или писем, какие я смог найти.

²³³ *Тома продан в Порт-о-Пренсе*: письмо от г-на Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH.

²³⁴ *прибытие Тома-Александра*: письмо от аббата Буржуа к графу де Мольде, 3 июня 1776, ADPC 10J34d.

²³⁵ «раба Александра»: Landgu, с. 65.

²³⁶ *Антуан выкупил своего сына*: там же.

²³⁷ *аббат Буржуа о Тома*: письмо от аббата Буржуа к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH.

²³⁸ «*Мой господин и дорогой лорд*»: там же.

Хочу первым сообщить вам, что господин ваш дядя намерен увеличить количество домочадцев за счет живущей в доме работницы. К компромиссам он, как мне кажется, не склонен, заявляя, что волен поступать так, как ему заблагорассудится. Все его [действия] продиктованы наихудшим вкусом. Господин маркиз, похоже, решительно настроен жениться на девице и больше не позволит никому шутить на эту тему. (На днях [один человек] слегка пошутил по поводу той девицы... [маркиз] де ля Пайетри помрачнел как туча и не промолвил ни слова)... Говорят, в Гавр приплыл юный Тома – новый обитатель Бьельвиля... (Я пишу все это вам исключительно по вашей просьбе, но надеюсь, вы воспользуетесь этими сведениями, только если того потребуют обстоятельства, потому что, как я слышал, он сильно зол на меня.) Пожалуйста, сожгите письмо.

Выкупив Тома-Александра, Антуан решил заложить родовое поместье.

Он отказался выполнять различные обязательства, данные супругам Мольде, и тогда вдова Луи де ля Пайетри вызвала все заинтересованные стороны в суд, чтобы урвать свой кусок пирога, прежде чем Антуан успеет проглотить его. Племянница Антуана и ее муж оказались в самой гуще жестокой судебной битвы²³⁹ с представителями предыдущего поколения.

В свою очередь, Антуан, вернувшись из джунглей, ощутил явную склонность к сутяжничеству²⁴⁰. Кажется, он наслаждался каждой битвой с различными представителями своего рода. Он добился права именоваться маркизом де ля Пайетри плюс права на замок и окрестные земли, весьма предусмотрительно держась на почтительном расстоянии от связанных с ними долгов. В феврале 1777 года при помощи замысловатой сделки Антуан обменял господский дом в имении на 10 тысяч ливров годовой ренты, которую ему предстояло получать от теперь уже взбешенного мужа племянницы. А остальное – земли, фьеф, сеньорию, фермы и замок – продал господину Бэйелю, соседу-землевладельцу, аж за 67 тысяч ливров. (Молодой граф де Мольде оплакивал свое финансовое состояние на каждом углу, жалуясь в одном из писем: «Никого доселе судьба²⁴¹ не преследовала так жестоко, как меня».)

Тем временем Антуан купил себе и сыну новые костюмы из шелка, атласа и парчи и отправился домой – охотиться. Он также привел Тома-Александра в церковь – креститься. Здесь юноша расписался в приходской книге – это первый существующий образец его почерка – как «Тома Реторэ²⁴², побочный сын господина маркиза де ля Пайетри, ранее живший на Сан-Доминго». Можно считать, что он растерялся, поскольку использовал фамилию Реторэ²⁴³, вероятно позаимствованную у какого-нибудь соседа по Джереми (там эта фамилия встречается в официальных записях того времени).

Осенью 1778 года, забрав наличные, Антуан с сыном переехали в Сен-Жермен-ан-Лай²⁴⁴, городок на западе от Парижа. Шикарный пригород, Сен-Жермен-ан-Лай в эпоху Короля-Солнца был, в отличие от города-сателлита Версаля, аристократическим анклавом со своим королевским дворцом. Однако в середине 1700-х годов он превратился в один из

²³⁹ *судебной битвы*: заявление графа де Мольде в суд, 30 ноября 1778, ADPC 10J35.

²⁴⁰ *Антуан распродает имущество*: документ, фиксирующий продажу недвижимости Антуаном де ля Пайетри, которую выкупает граф де Мольде, ADPC 10J35.

²⁴¹ «Никого доселе судьба»: Landru, с. 64.

²⁴² «Тома Реторэ»: свидетельство о крещении, Лизье, 5 сентября 1777, CGH.

²⁴³ *другие люди в Сан-Доминго с именем Реторэ*: Ministère des finances, État détaillé des liquidations opérées à l'époque du 1er janvier 1829 par la Commission chargée de répartir l'indemnité attribuée aux anciens colons de Saint-Domingue, vol. 4 (Paris, 1829), с. 498–99.

²⁴⁴ *Сен-Жермен-ан-Лай*: François Boulet, Leçon d'histoire de France, сс. 95, 110–12.

самых богатых и быстро развивающихся городков благодаря притоку преуспевающих торговцев и образованных лиц свободных профессий наряду с чернорабочими и ремесленниками, которые их обслуживали. Едва ли можно было найти более приятное место для проживания: чистый деревенский воздух, возможность быстро добраться до Парижа на экипаже и совершать чудесные прогулки по королевским садам, которые ярусами спускались по склонам холмов.

Вместе с сыном Антуан привез из Нормандии в новую роскошную жизнь еще одного человека – экономку мадемуазель Рету. Невероятная тройца сняла комнаты в частном доме на рю Л'Эгль д'Ор²⁴⁵ – улице Золотого Орла, – весьма подходящее название, если вспомнить о золотых орлах в фамильном гербе Дави де ля Пайетри²⁴⁶. Эта улица представляла собой извилистый, узкий проход от домов и лавок, расположенных возле дворца и садов Сен-Жермен-ан-Лай.

В нескольких шагах от улицы находилась академия королевского учителя фехтования Николя Тексье де ля Боэссьера²⁴⁷, куда Антуан записал сына и где у Дави-Александра состоялись первые в жизни официальные уроки. Помимо искусства владеть клинком, академия помогала знатным юношам осваивать все грани интеллектуального, физического и социального развития. Ее можно сравнить со старшими классами современной средней школы.

Перед самым отъездом из Бьельвиля Антуан официально признал своего сына²⁴⁸, так что мальчик теперь имел право именоваться Тома-Александром Дави де ля Пайетри²⁴⁹. Поскольку Антуан был маркизом, «раб Александр» получил титул графа.

Жизнь во французской столице давалась юному аристократу-мулату непросто. И, как очень скоро обнаружит Тома-Александр, его неправдоподобная судьба не была уникальной, равно как и связанные с ней риски, которых с каждым шагом становилось больше. В стране Бурбонов жили и другие мулаты. Одни имели богатство и благородные титулы, другие – нет. Влиятельные силы в окружении короля обратили внимание на этих людей, которых, сколько ни пудри или ни гримируй, невозможно было принять за «прирожденных» французов. И влиятельным персонам это не понравилось.

²⁴⁵ *улица Л'Эгль д'Ор*: брачный контракт между Мари Рету и Александром Антуаном Дави де ля Пайетри, 13 февраля 1786, CGH.

²⁴⁶ *гербе Дави де ля Пайетри*: свидетельство о семье Дави, 1770, BNF NAF 24641; François-Alexandre Aubert de La Chesnaye Des Bois, *Dictionnaire généalogique, héraldique, chronologique et historique*, vol. 4, с. 546.

²⁴⁷ *академия Боэссьера*: Henry Daressy, ed., *Archives des maîtres-d'armes de Paris* (Paris, 1888), сс. 169–70.

²⁴⁸ *Антуан признал сына*: родители Александра указаны в его свидетельстве о браке (выписка из книги учета со свидетельством о браке между Тома-Александром Дюма Дави де ля Пайетри и Мари-Луизой Лабуре, 28 ноября 1792, MAD Safe).

²⁴⁹ *граф Тома-Александр Дави де ля Пайетри*: Gaudu, с. 46; Hauterive, с. 13.

Глава 4 «Во Франции рабов нет»

Пока Антуан не продал его²⁵⁰, чтобы оплатить свой проезд, Тома-Александр редко разлучался с отцом. Он привык к приходу Джереми, где предприниматели-мулаты численно превосходили белых и где его отец играл роль скромного, непритязательного фермера. Теперь же он оказался в прямо противоположной ситуации. Человек, которого он знал как сурового, осмотрительного затворника, внезапно стал богат, знатен и беспечен. Нет никаких указаний на то, что Антуан когда-либо вспоминал о других детях, но он явно был полон решимости дать оставшемуся сыну все возможные преимущества, превратить его в стильного молодого графа.

Тома-Александр пропустил принципиально важные стадии воспитания аристократа²⁵¹: уроки гувернантки в раннем возрасте, за которыми следовали интенсивные занятия с частными учителями и в закрытых училищах, так что к десяти или одиннадцати годам юные дворяне неплохо знали латынь, греческий, географию, историю, грамматику, философию, литературу и математику – наряду с танцами, игрой на каком-нибудь музыкальном инструменте, фехтованием и верховой ездой. Ко времени полового созревания в тринадцать лет дворянин должен был получить все навыки, какие когда-либо понадобятся ему, чтобы сиять *à la ville et à la cour* – «в городе и при дворе», как гласило расхожее выражение. Когда Антуан с сыном переехал в Сен-Жермен-ан-Лай, Тома-Александру было около шестнадцати, и он отчаянно бросился наверстывать упущенное.

Утро у Ля Боэссера было посвящено учебным занятиям, во второй половине дня наступала очередь верховой езды в просторном *salle du manège*, манеже в саду Тюильри, и фехтования в *salle d'armes*, оружейном зале академии, украшенном старинным оружием и геральдическими символами. Тома-Александр был исключительно одаренным атлетом и преуспевал во всех физических занятиях²⁵². Но по-настоящему отличился он в том виде искусства, которое принесло академии наибольшую известность. Именно здесь юноша, вероятно, впервые встретился с таинственным фехтовальщиком, эрудитом и таким же мулатом-аристократом, который познакомит его с наукой боя.

Шевалье де Сен-Жоржу²⁵³, человеку среднего роста и телосложения, было около тридцати пяти, когда Тома-Александр появился у Ля Боэссера. Горделивый франт, шевалье одевался по высшему разряду – шелковые бриджи, плащ, парчовый камзол, – даже когда не фланировал при дворе. От природы у него была светлая кожа²⁵⁴, но она стала еще светлее благодаря привычке шевалье пудрить ее. Он носил белые парики и красил губы помадой, как делали самые высокопоставленные сановники во времена Людовика XV.

Впрочем, этот благородный мулат мог пудриться сколько угодно и одеваться как заблагорассудится, поскольку современники считали его величайшим фехтовальщиком Европы. За предыдущие полтора десятилетия все лучшие белые забияки брались победить Сен-

²⁵⁰ Антуан продал Тома-Александра: письмо от г-на Шовиноля к графу де Мольде, 3 июня 1776, CGH и Приговор суда от 22 ноября 1786 г. – вердикт по спору между Мари Рету и Тома Реторэ, AN LX465.

²⁵¹ *воспитание аристократов*: Daniel Roche, *France in the Enlightenment*, с. 651; Olivier Bernier, *Pleasure and Privilege: Daily Life in France, Naples, and America, 1770–1790*, с. 143.

²⁵² *физическая сила Дюма*: Ernest d'Hauterive, *Un soldat de la Révolution: Le Général Alexandre Dumas (1762–1806)*, с. 12; Hippolyte Parigot, *Alexandre Dumas Père*, с. 9.

²⁵³ *Дюма встречается с Сен-Жоржем в академии*: MM, с. 15; Hauterive, с. 13; Paul Thiébauld, *The Memoirs of Baron Thiébauld*, trans. Arthur John Butler, vol. 1 (1896), с. 52.

²⁵⁴ *у него была светлая кожа*: Gabriel Banat, *The Chevalier de Saint-Georges: Virtuoso of the Sword and the Bow*, с. 83.

Жоржа – и потерпели неудачу, за исключением одного итальянца²⁵⁵, который взял над ним верх в исключительных обстоятельствах.

Сен-Жорж появился на свет²⁵⁶ в 1745 году под именем Жозеф Болонь на маленьком сахаропроизводящем острове Гваделупа. У него был богатый белый отец²⁵⁷, вероятно сотрудник королевского казначейства, и свободная негритянка-мать²⁵⁸ по имени Нанон. Подобно Антуану, отец Жозефа стал беглецом – в его случае после того, как был обвинен в убийстве. Он сбежал с острова во Францию и был заочно приговорен к смерти. Однако менее чем через два года он получил королевское помилование и возвратился на Гваделупу за сыном. Когда Жозефу исполнилось тринадцать, отец записал мальчика в академию Ля Боэссьера, где его исключительный талант фехтовальщика немедленно дал о себе знать.

Первоклассный стрелок и вдобавок блестящий наездник, Сен-Жорж стал почетным членом королевской гвардии (что давало право носить титул «шевалье»²⁵⁹, то есть собственно рыцарь) в результате того, что отомстил за расистское оскорбление. За десять лет он превратился в непобедимого чемпиона клинка. Но затем шевалье де Сен-Жорж сменил курс и решил посвятить себя музыке. Прославив почти столь же великим виртуозом скрипки, сколь несравненным фехтовальщиком (по всей вероятности, он играл на этом инструменте еще мальчиком, на Гваделупе), он стал композитором и дирижером и получил покровительство со стороны Марии-Антуанетты²⁶⁰. Эта страстная поклонница австрийской музыки – и притом сноб – провозгласила Сен-Жоржа единственным достойным внимания маэстро на ее новой родине.

Джон Адамс, который побывал в Париже в 1779 году, прекрасно обобщил многочисленные таланты шевалье. «Этот мулат, – писал будущий американский президент, – лучший в Европе наездник²⁶¹, стрелок, фехтовальщик, танцор, музыкант. Он срежет клинком пуговицу на кителе или камзоле у признанных мастеров. Он собьет подброшенную в воздух крону пистолетной пулей». В конечном счете шевалье вывел расистов из себя. Когда он был назначен управляющим новой Королевской Академии музыки и директором Парижской оперы, три ее примадонны написали королеве письмо²⁶², заявив, что честь никогда не позволит им подчиняться мулату.

В конце 1770-х годов шевалье посвящал большую часть жизни сочинению музыки и амурным делам, однако не забывал и о клинке, устраивая тренировочные поединки с талантливыми молодыми фехтовальщикам у Ля Боэссьера. Один белый ученик – махровый расист, если судить по остальным заметкам в его дневнике, – с завистью описывал дуэль Сен-Жоржа с «очень богатым юношей²⁶³ той же самой расы».

Тома-Александр в то время исполнилось семнадцать – примерно на четыре года больше, чем было Сен-Жоржу, когда последний поступил в Академию. Однако он вел бой в более силовой и агрессивной манере, в полной мере используя рост, скорость и физиче-

²⁵⁵ Сен-Жорж сражается с итальянцем: там же, сс. 95–96.

²⁵⁶ Сен-Жорж появился на свет: Erick Noël, «Saint-Georges: Un chevalier de sang mêlé dans la société des lumières», сс. 160–63; J.-C. Prod'homme, «Le chevalier de Saint-Georges, escrimeur et musicien», сс. 38–41; La Boëssière (fils), *Traité de l'art des armes à l'usage des professeurs et des amateurs*, сс. xv—xvi; Jean Fougeroux de Campigneulles, *Histoire des duels anciens et modernes*, Vol. 1, с. 318; Pierre Bardin, *Joseph de Saint Georges, le Chevalier Noir*, с. 59; Banat, сс. 25, 36–40.

²⁵⁷ отец Сен-Жоржа: Fougeroux de Campigneulles, с. 318 («fermier-général»); Prod'homme, сс. 38–41 («contrôleur général» и плантатор); Noël, сс. 132–35.

²⁵⁸ мать Сен-Жоржа: Fougeroux de Campigneulles, с. 318; Prod'homme, сс. 38–41.

²⁵⁹ титул «шевалье»: Erick Noël, *Être noir en France au XVIIIe siècle*, с. 159; Banat, с. 70.

²⁶⁰ покровительство со стороны Марии-Антуанетты: Banat, сс. 150–53, 158.

²⁶¹ «лучший в Европе наездник»: там же, с. 232.

²⁶² написали королеве письмо: Roger de Beauvoir, *Le Chevalier de Saint-Georges*, с. 405.

²⁶³ «очень богатым юношей»: Thiébault, *Mémoires du général baron Thiébault*, Vol. 1, с. 193.

скую мощь. Он был сабельщиком. Судьбоносная особенность: в то время как более короткая шпага считалась излюбленным дуэльным оружием благородного сословия, более длинная и тяжелая сабля оказалась идеальным клинком для битвы.

* * *

Но как вообще получилось, что сыновья рабынь, мулаты, могли жить в Париже – столице Франции и Европы в целом – как дворяне в то время, когда основанная на работорговле Французская империя находилась в зените могущества? Ответ скрывается во французских судах, где проходили поединки – ничуть не менее впечатляющие и непредсказуемые, чем спарринги в академиях фехтования.

Французские философы-просветители любили использовать рабство как символ угнетения человека и особенно политической дискриминации. «Человек рождается свободным²⁶⁴, но всюду находится в цепях», – писал Жан-Жак Руссо в 1762 году в трактате «Об Общественном договоре». Целое поколение бескомпромиссных юристов воплотило принципы Просвещения в жизнь, помогая рабам отстаивать в судах право считаться обычными французскими подданными. Они рассматривали вопрос о рабстве в независимых судах-*парламентах* Франции²⁶⁵ и выигрывали почти каждое дело, добиваясь свободы для своих клиентов – негров или мулатов. Как бы ни возмущался Людовик XV, его руки были связаны. Термин «абсолютная монархия» обманчив: Франция времен Старого порядка была государством законов, старинных прецедентов, где искра просвещенного разума могла высветить и порой действительно находила потрясающие вещи.

В королевстве Франция не существовало законодательного органа, подобного английскому парламенту. Французские *парламенты* были судебными инстанциями. В то время как адмиралтейские суды занимались спорами, связанными с военным флотом и колониальной торговлей, самые важные вопросы попадали в ведение двенадцати провинциальных парламентов, а также Парижского парламента, иначе называемого высшим парламентом. Парижский парламент²⁶⁶ был своего рода надпровинциальным судом, чьи вердикты действовали далеко за пределами городских границ²⁶⁷, включая почти треть территории Франции. И даже сам король в Версале мог попасть в паутину юрисдикции этого суда. Споры рассматривались здесь в соответствии со старинными обычаями Франции²⁶⁸.

За десятилетия до того, как в 1772 году решение по делу Сомерсета²⁶⁹ в Лондоне стало отправной точкой для британского движения аболиционизма, французские юристы, высту-

²⁶⁴ «Человек рождается свободным»: Jean-Jacques Rousseau, *Du contrat social, ou principes du droit politique*, с. 4.

²⁶⁵ *парламентах Франции*: Roland Mousnier, *The Institutions of France under the Absolute Monarchy, 1598–1789: Society and the State*, Vol. 1, с. 256.

²⁶⁶ *Парижский парламент*: Encyclopédie méthodique: Jurisprudence, Vol. 6, с. 384; Sue Peabody, «There Are No Slaves in France»: *The Political Culture of Race and Slavery in the Ancien Regime*, с. 5.

²⁶⁷ *юрисдикция Парижского парламента*: Peabody, с. 5.

²⁶⁸ Знаменитое высказывание Короля-Солнца «L'État, c'est moi» – «Государство – это я» – прозвучало, как предполагается, в разгар спора с Парижским парламентом. Людовику XIV и правда удалось в значительной степени подчинить парламенты себе. Впрочем, после его смерти в 1715 году суды «старинного благородного права» вновь заявили о себе, и важнейшие правительственные нормы принимались не по королевской прихоти, но скорее на основании тщательного изучения французского «обычного права». В отличие от современной юридической системы Франции, отталкивающейся от Кодекса Наполеона, система Старого порядка в очень значительной степени зависела от прецедента: страной управляли принципы, выведенные юристами путем изучения документов за сотни лет. В отсутствие законодательного органа вроде английского парламента, эти французские суды высшей инстанции не только толковали закон, но и писали его. Сегодня мы почти полностью забыли о влиянии и независимости судов эпохи Старого порядка.

²⁶⁹ *решение по делу Сомерсета*: Seymour Drescher, *Abolition: A History of Slavery and Antislavery*, сс. 99–105; Mark S. Weiner, *Black Trials: Citizenship from the Beginnings of Slavery to the End of Caste*, сс. 70–88.

павшие в судах-парламентах, своим пером начали битву, которую Тома-Александр и Сен-Жорж со временем продолжат клинком.

Эта борьба стала возможна благодаря идее о том, что Франция – страна свободных людей и что на ее территории никого нельзя против воли превращать в раба. Концепция восходит к туманной эпохе возникновения французской нации. А применять ее к рабам, прибывающим во французские порты, начали в конце шестнадцатого столетия. Впрочем, один эпизод в конце семнадцатого века (как раз в тот момент, когда Французская империя входила в пору расцвета, а использование рабского труда негров стремительно набирало обороты) создал прецедент и дал начало юридической битве за «принцип свободы» – целой эпохе, которая продолжалась до самой Революции. Речь идет о случае, когда Людовик XIV, Король-Солнце, лично признал, что чернокожий раб получает неоспоримое право на свободу, как только ступает на французскую землю.

Это произошло в 1691 году. Двое рабов сбежали от хозяина на Мартинике и спрятались на борту судна, идущего во Францию. Когда корабль пришвартовался во французском порту, рабы были обнаружены. Казус попал на рассмотрение короля. Всего шесть лет назад Людовик XIV издал Черный кодекс для Французской колониальной империи. Впрочем, рабство для империи – это было одно, а для самой Франции – совсем другое.

«Королю стало известно²⁷⁰, что два негра с Мартиники проникли на судно „Птица“, – лаконично сообщает об инциденте Королевское военно-морское министерство. – «[Его Величество] счел неуместным возвращать их на острова. Свобода была предоставлена им в соответствии с законами королевства о рабах, как только они ступили на землю». Рабы стали свободными людьми.

Оправдываясь в письме перед королевским интендантом на Мартинике (должность, которая совмещала функции губернатора и главы полиции), государственный секретарь Франции по колониальным делам отмечал, что он пытался найти способ оспорить королевское решение, но «не обнаружил какого-либо распоряжения²⁷¹, которое позволило бы колонистам сохранить в собственности своих негров-рабов во Франции, когда те желают воспользоваться правом на свободу для любого, кто ступает на землю страны».

Аналогичные принципы в теории существовали в других странах Северной Европы, в частности в Великобритании. «Воздух Англии слишком чист²⁷² для того, чтобы им дышали рабы», – гласила расхожая поговорка, а в песне «Правь, Британия!» есть следующий припев: «Правь, Британия!²⁷³ Правь волнами! Британцы никогда не будут рабами». Но песня не имела в виду иностранцев и уж тем более чернокожих с заморских островов. Как заметил один британский судья в начале восемнадцатого века: «Для негров закон не писан»^{274,275}.

В 1715 году хозяйка, путешествуя по Франции, оставила на время молодую чернокожую рабыню²⁷⁶ в женском монастыре в порту Нант. Когда она позже вернулась за своей собственностью, монахини отказались отдавать девушку. Местный адмиралтейский суд объ-

²⁷⁰ «Королю стало известно»: Peabody, с. 12.

²⁷¹ «не обнаружил какого-либо распоряжения»: Lucien Peytraud, *L'Esclavage aux Antilles françaises avant 1789, d'après des documents inédits des archives coloniales*, vol. 2, с. 376, quoted in Peabody, с. 13.

²⁷² «Воздух Англии слишком чист»: Prince Hoare, ed., *Memoirs of Granville Sharp*, с. 77; Weiner, с. 361.

²⁷³ «Правь, Британия!»: Helen Kendrick Johnson, *Our Familiar Songs and Those Who Made Them: Three Hundred Standard Songs of the English-Speaking Race* (1909), с. 577.

²⁷⁴ «Для негров закон не писан»: *Smith v. Brown and Cooper*, 2 Salkeld 666 (1706), в книге: Peabody, с. 5.

²⁷⁵ Вплоть до дела Сомерсета, на которое повлияли многочисленные решения Парижского парламента, британские суды утверждали противоречивые вердикты по поводу рабства, а британские законодатели избегали принимать какие-либо законы в этой сфере. В Тринадцати колониях рабам кое-где удавалось с успехом ходатайствовать о своей свободе (в частности, в Массачусетсе и даже в Вирджинии), но в борьбе за право на свободу они нигде не могли найти последовательные прецеденты или суды, которые бы могли решить дело не только на местном или провинциальном уровне.

²⁷⁶ *Нантское дело о рабыне 1715 г.*: там же, сс. 15–16.

явил негритьянку свободной, поскольку владелица при въезде в страну не записала ее как рабыню. Мэр Нанта – главного французского порта в транзитной торговле рабами²⁷⁷ и колониальными товарами – обратился в Версаль с просьбой издать закон для урегулирования подобных ситуаций. Правительство ответило эдиктом от октября 1716 года²⁷⁸, в котором разрешало французским подданным привозить рабов в страну без риска лишиться их по решению суда. Но, как и в случае с Черным кодексом в колониях, эдикт от октября 1716 года, узаконивая статус рабов, предоставил последним ряд возможностей. Он помогал им в той же степени, в какой вредил. С одной стороны, этот документ признавал институт рабства и защищал хозяев рабов от исков, поданных на основании «принципа свободы» (если владельцы соблюдали определенные условия). В эдикте указывались две законные причины ввозить невольников в страну: обучение их какой-либо профессии, ремеслу или предоставление им религиозного образования. Если владелец проделывал бюрократическую «работу с бумажками», получал от губернатора своей колонии разрешение путешествовать с рабом и регистрировал этого невольника по прибытии во Францию, последний лишался права добиваться свободы через суд. С другой стороны: «Если владелец не соблюдает формальности²⁷⁹, предусмотренные предыдущими статьями, чернокожие получают свободу, которую нельзя будет опротестовать».

Кстати, Парижский парламент, оскорбленный самим фактом использования слова «раб» в законе, который регулировал действия людей внутри королевства, отказался регистрировать эдикт²⁸⁰. Юрист, консультировавший верховный суд, воспользовался случаем, чтобы выступить с развернутой критикой самого института рабства на том основании, что оно противоречило, помимо прочего, традиции французского законодательства, французской истории и духу христианства. Франция давно известна как первая в Европе христианская страна, писал юрист, а «Бог христиан – это Бог свободы».

Следующий прорыв в борьбе за права рабов произошел спустя два десятилетия, в июне 1738 года, когда в суды поступило прошение от одного раба, добивавшегося свободы. Речь шла о юноше, который сидел в тюремной камере в центральной части Парижа. Его звали Жан Буко. Ранее он принадлежал губернатору Сан-Доминго. Однако затем губернатор умер, и серия событий привела в итоге к аресту Буко²⁸¹. Его преступление состояло в том, что он женился.

Впрочем, проблемы на самом деле начались после другой женитьбы – свадьбы губернаторской вдовы. Вступив во второй раз в брак, во Франции, вдова с новым мужем, младшим офицером Бернаром Верделеном, вернулась на Сан-Доминго, чтобы уладить свои дела. Среди унаследованного имущества, которое супруги вывезли во Францию, был Жан. Следующее десятилетие он прислуживал им в качестве повара. Но затем влюбился во французскую женщину и тайно женился на ней. В эдикте 1716 года отмечалось, что женитьба раба во Франции – это одно из условий, лишавших хозяина права собственности на невольника. Впрочем, в эдикте также имелась статья о том, что рабы могут вступать в брак только с разрешения владельцев²⁸². Как это дело могло бы решиться в суде, было неясно, однако хозяева добились ареста Жана прежде, чем он успел подать иск.

²⁷⁷ *Нант как главный порт в торговле рабами*: Robert Harms, *The Diligent: Worlds of the Slave Trade*, с. 15.

²⁷⁸ *Эдикт от октября 1716 г.*: „Edit du roi, concernant Règlement au Sujet des Esclaves Negres qui seront amenés en France,“ October 1716, в книге: M. de Boug, *Recueil des édits, déclarations, lettres patentes, arrêts du conseil d'état et du conseil souverain d'Alsace*, Vol. 1 (1657–1725) (1775), сс. 483–84.

²⁷⁹ *«Если владелец не соблюдает»*: Эдикт от октября 1716, Статья V.

²⁸⁰ *отказался регистрировать эдикт*: Peabody, с. 22. С. 97: «Бог христиан»: там же.

²⁸¹ *дело Жана Буко*: Peabody, сс. 24–40; Léo Elisabeth, *La société martiniquaise aux XVIIe et XVIIIe siècles, 1664–1789*, с. 338.

²⁸² *вступать в брак только с разрешения владельцев*: Эдикт от октября 1716, Статья VII.

С момента женитьбы Жан стал «объектом для ненависти со стороны Верделена²⁸³. Он страдал от несомненно жестокого обращения», – писал известный адвокат, который взялся вести дело раба. К защитникам Жана также присоединился бывший королевский прокурор. Эта команда прославленных юристов не только ходатайствовала о свободе невольника и признании его права воссоединиться с французской женой, но и подала против владельцев Жана иск о выплате просроченного жалования за годы, которые раб прослужил в качестве повара. Адвокаты вытащили клиента из тюремной камеры и поместили под защиту короля до окончания суда.

Процесс по делу Жана рассматривался как основополагающий момент для определения прав чернокожих во Франции на следующие пятьдесят лет – до самой Революции, – поскольку адвокаты намеревались раз и навсегда доказать, что рабство было незаконным, аморальным и, что хуже всего, антифранцузским.

Во вступительном слове защитники Жана нарисовали картину рабства в древние времена и подчеркнули, что этот институт появился во Франции вместе с римскими легионами, которые пришли поработить галлов²⁸⁴ – предков (по крайней мере, с точки зрения теории) всех присутствовавших в зале суда, кроме подзащитного. Далее адвокаты заявили, что франки, которые основали французскую нацию и империю, были последовательными противниками рабства. (Доводы носили в равной степени исторический и этимологический характер, отсылая слушателей к происхождению слова «franc», «франк»²⁸⁵, которое изначально означало «free», «свободный».) Они процитировали следующий отрывок из книги «Всеобщая история мира», опубликованной в Париже в 1570 году: «В соответствии с обычаем²⁸⁶, если не только французы, но даже иностранцы по прибытии в любой из французских портов воскликнут: „Франция и свобода!“ , они уходят из-под власти тех, кому принадлежат; [владельцы этих людей] не вправе требовать от раба денег, которые заплатили за него, и не могут заставлять работать, если невольник отказывается служить им»²⁸⁷.

Во время процесса защитники Жана рассматривали его расовую принадлежность как фактор второстепенный в сравнении с иными имеющимися обстоятельствами. Они утверждали, что он был «французом, поскольку родился подданным²⁸⁸ нашего монарха; ровней нам по своей человеческой природе и вероисповеданию; и гражданином, поскольку живет с нами и среди нас». Раса его жены даже не упоминалась, хотя брак между негром и белой женщиной поставил бы зал тогдашнего англо-американского суда на уши.

²⁸³ «объектом для ненависти со стороны Верделена»: Jean Mallet, *Mémoire pour Jean Vocaux*, с. 5.

²⁸⁴ галлы и франки: Mallet, сс. 2–3.

²⁸⁵ происхождению слова «franc»: Auguste Scheler, *Dictionnaire d'étymologie française d'après les résultats de la science moderne*, с. 143.

²⁸⁶ «В соответствии с обычаем»: Peabody, с. 29.

²⁸⁷ Спустя более чем столетие американский раб Дред Скотт [Dred Scott v. Sandford, U.S. 393 (1857).] попытается воспользоваться схожими аргументами и заявит, что периодическое пребывание на территориях, где рабство запрещено, должно служить основанием для признания его невольничьего статуса незаконным. Верховный Суд Соединенных Штатов в 1857 году постановил, что Скотт, как лицо африканского происхождения, не является гражданином, а потому даже не имел права подавать иск, и что чернокожие считаются «созданиями более низкого порядка, которых в целом нельзя уподоблять белой расе ни в социальных, ни в политических правах». Джастис Кэмпбелл, писавший от имени победившей партии, подверг уничтожающей критике решение по делу Буко.

²⁸⁸ «французом, поскольку родился подданным»: Peabody, с. 36. С. 98: зал тогдашнего англо-американского суда: Поскольку Америка представляла собой собрание колоний, не во всем схожих с Англией или Францией, сложно сказать, что бы произошло в Англии в подобном случае. Но во всех британских колониях действовали законы о запрете браков между белыми и цветными. Межрасовые браки были запрещены в Мерленде в 1661 г. (Kevin R. Johnson, *Mixed Race America and the Law: A Reader*, с. 11), в Виргинии в 1691 г. (John Van Houten Dippel, *Race to the Frontier: „White Flight“ and Westward Expansion*, с. 32), в Массачусетсе в 1705 г. (в первой из колоний в Новой Англии), в Северной Каролине в 1741 г. и т. д. Подобный взгляд на межрасовые браки был характерен не только для Северной Америки. «В 1644 году Ассамблея Антигуа приняла закон о запрете „Совокуплений между христианином и дикарем“, причем под последним подразумевался негр или индеец», – пишет Karen Woods Weierman в книге *One Nation, One Blood*, с. 45.

Представитель Верделена не оспаривал законность «принципа свободы», он лишь указал на одну небольшую проблему: *никто не предполагал, что этот принцип когда-либо будет применяться в отношении чернокожих*. Французский закон о том, что «всякий человек, ступивший на землю²⁸⁹ королевства, получает свободу», распространялся на «любого раба, кроме раба-негра». Невольники из Польши, Джорджии, Леванта или Индии – все попадали под эту норму. Как и американские индейцы. «Если иностранец или французский торговец прибывает в королевство с американскими дикарями, которых он называет своими рабами, – сказал адвокат истца, – никаких проблем: это явное нарушение закона, людям следует дать свободу. Но чернокожие, африканцы, – совсем другое дело. Применить „принцип свободы“ к неграм, – заявил юрист, – значит спровоцировать всеобщее восстание рабов во французских колониях; следствием беспорядков и мятежа станет потеря несметных богатств²⁹⁰, которые король и страна получают из этих плодородных регионов».

Жан одержал победу. Суд удовлетворил его иск по всем пунктам. Бывший владелец был вынужден выдать ему 4200 ливров просроченного жалованья, а также уплатить судебные издержки и компенсацию²⁹¹ за тюремное заключение по ложному навету. Верделены подали апелляцию, но сам король объявил о желании «закрыть дело²⁹², которое, как вам известно, уже породило слишком большой шум» и отказался дать санкцию на возобновление процесса. Впрочем, чтобы показать, кого бы он поддержал при возможности, Людовик XV выслал Жана Буко из Парижа и к тому же запретил ему когда-либо возвращаться на родной остров Сан-Доминго.

По окончании процесса король издал новый эдикт, призванный решить следующую проблему: «Все большее число негров²⁹³ [заражается] стремлением к самостоятельности [во Франции], что может привести к опасным последствиям». Документ вводил новое, весьма вредное условие: если владельцам не удавалось зарегистрировать рабов, или они держали их во Франции дольше положенного срока, или же привозили с неразрешенными целями, такие невольники не должны были получать свободу – вместо этого их следовало «конфисковать в пользу короны»²⁹⁴ и вернуть в сахаропроизводящие колонии. Новый закон даже запрещал владельцам *добровольно* освобождать рабов на французской земле (за исключением распоряжений, сделанных в завещании).

Иски об освобождении рабов сошли на нет, а с военными победами и ростом авторитета Людовика XV в 1740-х годах в его правлении наступил короткий период, который дал основания для чрезмерно лестного прозвища – Людовик Возлюбленный. Но в 1750-х годах, когда в царствовании короля начался один из гораздо более типичных периодов неудач и разлада, суды захлестнула новая волна исков²⁹⁵ об освобождении рабов, и чернокожие вновь начали выигрывать каждое дело, как в первичном рассмотрении, так и на стадии апелляции. Целое поколение адвокатов, любящих работать на публику, воспользовалось делами о «французской свободе» как быстрым способом добиться известности и даже славы. Эти юристы строили из себя воинствующих философов – образ, запечатленный в 1770 году в статье бескомпромиссного борца за гражданские права Анриона де Пансея: «Рабство, подобно разрушительному вулкану²⁹⁶, высушивает, сжигает, засасывает все, что окружает; свобода

²⁸⁹ «всякий человек, ступивший на землю»: Peabody, с. 36.

²⁹⁰ «потеря несметных богатств»: там же, с. 34.

²⁹¹ 4200 ливров просроченного жалованья, плюс судебные издержки и компенсация: там же, с. 36.

²⁹² «закрыть дело»: письмо от Мопера к г-ну Ле Клерку дю Бриё, 25 апреля 1739, цит. по: там же, с. 40.

²⁹³ «все большее число негров»: «Déclaration du Roi, Concernant les Esclaves Nègres des Colonies, qui interprète l'Edit du mois d'Octobre 1716».

²⁹⁴ «конфисковать в пользу короны»: Peabody, с. 38.

²⁹⁵ суды захлестнула новая волна исков: там же, с. 55.

²⁹⁶ «рабство, подобно разрушительному вулкану»: Alexandre Ledru-Rollin, Journal du palais, vol. 1 (1840), с. 635.

же, наоборот, всегда несет с собой счастье, изобилие и расцвет искусств... Все свободно в королевстве, где свобода восседает у подножия трона, где худший из подданных находит в сердце своего короля отцовские чувства... Во Франции рабов нет».

Ответ на идеалистичные высказывания этих бескомпромиссных борцов с рабством прозвучал в сочинениях бывшего юриста Парижского парламента Гийома Понсе де ля Грера. Он переметнулся в другой лагерь и стал поверенным короля в Адмиралтействе. Этот жалкий предшественник столь многих негодяев девятнадцатого и двадцатого столетий утверждал, что ошибочно само представление судов о сути проблемы. Дело не в *рабах* во Франции. Дело – в чернокожих во Франции.

«Ввоз во Францию слишком большого количества чернокожих²⁹⁷ – в качестве рабов или в любом ином статусе – представляет собой опасность. Вскоре мы увидим, как они обезобразят французскую нацию, – писал Понсе, реагируя на дело мулата Луи, который по решению суда только что стал свободным и получил просроченное жалованье от бывшего владельца. – Негры, как правило, опасны. Среди них нет практически ни одного, кто бы не злоупотребил полученной свободой».

Понсе призывал к принудительной регистрации²⁹⁸ любого чернокожего, живущего во Франции, не важно, раба или свободного человека. Только так, по его мнению, можно было справиться с упомянутой угрозой.

* * *

В то время как Понсе порицал нацию, «обезображенную» межрасовыми браками²⁹⁹, будущий наставник Тома-Александра, тогда еще известный под именем Жозеф Булонь, доказывал, что цвет кожи не служит мерилom человека. Булонь поступил в академию Ля Боэсьера в том же году, когда Понсе перешел в адмиралтейский суд. «Еще никто до сих пор не демонстрировал³⁰⁰ такого изящества движений, – писал сын Ля Боэсьера о своем друге. – Подобная ловкость наверняка покажется невероятной для тех, кто не видел это собственными глазами». Когда другой мастер-фехтовальщик презрительно отозвался о Жозефе как о «Боэсьеровом мулате»³⁰¹, белый отец Жозефа убедил его ответить на оскорбление и пообещал за победу в дуэли нового коня и экипаж. Хотя юный Жозеф, вероятно, больше думал о том, как выиграть экипаж, дуэль имела огромное символическое значение как для борцов за гражданские права, так и для сторонников равноправия рас. Многие придворные и прочие известные люди делали ставки на того или иного дуэлянта. Сотни зрителей заполнили фехтовальный зал и наблюдали за тем, как элегантный темнокожий юноша умело побеждает более опытного противника при помощи «бесконечных комбинаций ударов»³⁰², неожиданных даже для тех, кто видел тренировки Жозефа.

Как бы король ни относился к мулатам во Франции, он отметил победу Жозефа, сделав его членом своей почетной гвардии – отряда *gen d'armes*³⁰³ (буквально «оружных людей»), расквартированного в Версале. Бойцы этого элитного подразделения на церемониальных приемах стояли за спиной короля, одетые в щегольские алые дублеты с серебряной тесь-

²⁹⁷ «ввоз во Францию слишком большого количества чернокожих»: Guillaume Poncet de la Grave, цит. по: Pierre Bouille, *Race et esclavage dans la France de l'Ancien Régime*, с. 90.

²⁹⁸ *принудительной регистрации*: Peabody, с. 74.

²⁹⁹ «обезображенную» межрасовыми браками: там же.

³⁰⁰ «Еще никто до сих пор не демонстрировал»: La Boëssière (fils), цит. по: Banat, с. 67.

³⁰¹ *отзыв о «Боэсьеровом мулате»*: Banat, сс. 68–70.

³⁰² «бесконечных комбинаций ударов»: там же, с. 70.

³⁰³ *gen d'armes*: Banat, с. 74; Lucien Mouillard, *Les régiments sous Louis XV*; Charles Magnin, *Histoire des marionnettes en Europe: Depuis l'antiquité jusqu'à nos jours*, с. 61.

мой. Жозеф присвоил себе титул «шевалье», и, поскольку рыцарь должен именоваться по месту расположения своего замка, юноша назвался шевалье де Сен-Жоржем (поговаривали, что в честь плантации, которой его отец владел на Гваделупе). Но в то самое время, как Жозеф Булонь стал рыцарем, Понсе де ля Грав получил пост королевского прокурора. И принялся еще активнее добиваться введения регистрации для живущих во Франции чернокожих – всех, включая мулатов (и более того, любого человека с малейшей примесью африканской крови), – ради предполагаемой общественной безопасности.

Весной 1762 года в столице и ее пригородах огласили указ³⁰⁴, согласно которому любой, в чьих жилах текла негритянская кровь, был обязан явиться в трибунал Парижского парламента для регистрации. Все жители Парижа, в домах которых располагались чернокожие, также должны были заявить о них. На выполнение указа отводился срок в один месяц³⁰⁵ Понсе станет лично посещать судебные заседания, посвященные регистрации.

10 мая 1762 года мать Жозефа Нанон³⁰⁶ (отец юноши сумел привезти ее в столицу через два года после того, как он с сыном сам переехал из колонии) явилась на одно из первых судебных заседаний по вопросам регистрации. Очередь молодого фехтовального дарования должна была наступить спустя два дня.

Вместо этого, как показывают документы, 12 мая Понсе и его закадычным друзьям нанес визит «Николя Бенжамин Тексье де ля Боэссьер³⁰⁷, эсквайр, мастер-над-оружием в академиях короля», который прибыл «во исполнение указа», поскольку «его заботам был поручен живущий у него ученик – мулат по имени Жозеф, примерно пятнадцати с половиной лет». Ля Боэссьер пояснил, что его подопечный прибыл во Францию, «чтобы пройти обучение апостольской римско-католической вере, получить надлежащее для юноши образование, а затем вернуться в вышеупомянутые острова Америки, как только появится свободная навигация».

Понсе должно быть разозлился, когда вместо Жозефа в суд пришел учитель фехтования – прокурор наверняка мечтал унижить прославленного молодого дуэлянта. Но теперь, когда Жозеф стал шевалье де Сен-Жоржем, «оружным человеком», гвардейцем, постоянно состоявшем при короле, прокурор вряд ли мог настаивать на том, чтобы юноша лично явился в парламент. В документе о регистрации Жозефа Булоня подпись Понсе стоит рядом с росчерком Ля Боэссьера.

* * *

На протяжении двух следующих десятилетий, пока идеалистически настроенные юристы и философы возвращали во Франции семена истинного аболиционизма, Понсе де ля Грав тратил время на проповеди об опасности негритянской крови для чистоты белой расы. Он вещал для любого, кто готов был слушать его в версальских и парижских залах. И обрел самых могущественных союзников в Министерстве военно-морского флота и колониальных дел. Это ведомство распространило предупреждение о том, что число опасных «полу-

³⁰⁴ указ 1762 г.: Ordonnances (de l'amirauté de France)... (Des 31 mars et 5 avril 1762) (Paris, 1762).

³⁰⁵ Благодаря масштабной регистрации, проводимой в соответствии с этим указом, мы располагаем детальным и исторически точным описанием темнокожего населения Парижа того времени: большинство зарегистрировавшихся происходили с Сан-Доминго или других островов Вест-Индии; 25 процентов прибыли из колониальных аванпостов, расположенных вокруг Индийского океана (Мозамбик, Мадагаскар, Индия и т. п.), тогда как лишь 10 процентов родились в Западной Африке и около 6 процентов – в Северной Америке. Мужчины числом превосходили женщин в пропорции три к одному, и 27 процентов зарегистрировавшихся лиц назвали себя свободными людьми.

³⁰⁶ Нанон: Vanat, сс. 40, 45, 72.

³⁰⁷ нанес визит «Николя Бенжамин Тексье де ля Боэссьер»: Vanat, сс. 72–73.

кровок» в Париже и других городов «увеличивается с каждым днем³⁰⁸ [в результате их сексуальных] сношений с белыми». У руководства французской империи были все основания удариться в национальную расистскую паранойю, ведь Франция в 1763 году столкнулась на международном уровне с более чем реальной проблемой: потерей практически всех своих североамериканских владений – цена, которую британцы потребовали за мирный договор, венчающий Семилетнюю войну. На построение «Новой Франции», которая простиралась от Ньюфаундленда до Луизианы и Мексиканского залива, ушли почти двести лет исследований и огромные капиталовложения. (Франция удержала колониальные аванпосты в Индии³⁰⁹ при условии, что не станет их вооружать – таким образом, Великобритания расчищала себе путь для захвата всего субконтинента.) В обмен на все это Франция сохранила только Сан-Доминго и другие свои острова в Вест-Индии – острова, которые в сравнении с прочими считала жизненно необходимыми колониями. Французам просто не оставалось ничего другого, как идти ва-банк, делая ставку на сахар и работорговлю.

В 1776 году, когда Тома-Александр прибыл во Францию, власти рассматривали новое предложение о том, как решить вопрос с неграми и мулатами. Авторы инициативы утверждали, что юристы и философы, рассматривая рабство, устроили своего рода референдум по древним правам французов и тогдашней политике. Вновь прозвучал старый диагноз, составленный Понсе: дело не в рабстве, а в расовой принадлежности, – но появилось новое решение.

9 августа 1777 года король Людовик XVI издал указ о создании Надзора за чернокожими. Это был всеобъемлющий свод законов, жуткая цель которого совершенно беспардонно постулировалась в одном из ранних проектов: «В конечном итоге негритянская раса³¹⁰ в королевстве будет уничтожена».

В рамках Надзора за чернокожими³¹¹ создавались «приемники» – по сути дела тюрьмы или протоконцлагеря – в восьми главных французских портах. В этих учреждениях надлежало содержать негров и мулатов, только что прибывших во Францию или живших в стране нелегально. Идея состояла в том, чтобы подорвать пятидесятилетнюю традицию «процессов о свободе», не давая чернокожим вообще попасть в страну: приемники располагались на французской земле, но обладали явным экстерриториальным статусом, чтобы к ним нельзя было применить «принцип свободы». В рамках Надзора за чернокожими также предлагалось провести облаву на рабов, которые могли нелегально въехать в страну до 1777 года, перевести этих невольников в приемники и затем депортировать.

Как ни удивительно, Парижский парламент не выступил против новых законов. Отчасти так получилось потому, что понятие расы все еще было в новинку: в традиции высшего суда не входила защита прав чернокожих самих по себе, кроме тех случаев, когда следовало определиться со статусом отдельного человека, раб он или свободный. Гонения, основанные исключительно на цвете кожи, с юридической точки зрения не рассматривались или, если речь заходила о рабстве, часто упоминались лишь как метафора для описания угнетенного состояния невольников. Парижским дворянам-мулатам вроде Тома-Александра или Сен-Жоржа стоило серьезно обеспокоиться, ведь появлялась возможность на законных основаниях аннулировать их статус – без права апелляции.

³⁰⁸ «увеличивается с каждым днем»: Peabody, сс. 85–86.

³⁰⁹ удержала колониальные аванпосты в Индии: Jaswant Lal Mehta, *Advanced Study in the History of Modern India, 1707–1813*, с. 358.

³¹⁰ «В конечном итоге негритянская раса»: Peabody, с. 117.

³¹¹ Надзор за чернокожими: «Déclaration du Roi, pour la police des Noirs, donnée à Versailles le 9 août 1777», ANOM, F1B1 à F1B4; François-André Isambert, Decrusy, and Alphonse Honoré Taillandier, *Table du recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789*, vol. 29 (1833), с. 251.

В 1778 году законы о Надзоре за чернокожими были дополнены еще двумя распоряжениями. Согласно одному из них, цветным подданным, жившим в Париже, надлежало носить специальное свидетельство³¹² с указанием имени, возраста и владельца (если речь шла о рабе). Другое распоряжение запрещало белым подданным вступать в брак с «чернокожими, мулатами или цветными» – давняя цель радикального расистского лобби. В 1780 году – когда Тома-Александр исполнилось восемнадцать – король издал новый закон, запрещавший цветным использовать титулы *Sieur* или *Dame* («сэр» или «мадам»). Сен-Жорж оставался шевалье, а Тома-Александр по-прежнему был графом, но любому из них грозил арест за попытку поставить «сэр» перед своим именем.

Как и многие инициативы последних лет Старого порядка, новые расистские законы слабо применялись на практике³¹³. С этой точки зрения, в неэффективности королевского правления скрывалось человеколюбие. Чтобы приемники заработали в полную силу два десятилетия спустя, понадобился лидер совсем иного склада – Наполеон Бонапарт. До той поры негры и мулаты во Франции будут пользоваться полной свободой, а потому в полной мере смогут понять, что значит лишиться ее.

³¹² специальное свидетельство: Peabody, с. 129.

³¹³ расистские законы слабо применялись на практике: там же, с. 124.

Глава 5 Американцы в Париже

Хотя Тома-Александр был темнокожим человеком, а его африканское происхождение не вызывало сомнений, современники не относились к его внешности пренебрежительно. Скорее восхищались и прославляли ее. «Один из красивейших людей³¹⁴, которых вы только можете встретить, – говорилось в 1797 году в краткой биографии, – чьи привлекательные черты лица сочетаются с благородством и любезностью». Его «темная, очень темная» кожа³¹⁵ и неевропейская внешность не считались признаками примитивности и неполноценности (как это бывало почти во всех подобных случаях на протяжении последующих двухсот лет), а скорее наводили на мысль об отзвуке античных времен, когда великие цивилизации служили плавильными котлами Древнего мира. «Его вьющиеся волосы напоминают кудри греков и римлян», – продолжал автор биографии 1797 года. В этот период – период неоклассицизма – почетнее комплимента не было.

Телосложением Тома-Александр вполне мог поспорить с древнегреческим героем: широкие плечи, тонкая талия и сильные, хорошо сложенные ноги. Он был «хорошо сложен³¹⁶ во времена, когда хорошее телосложение становилось преимуществом, – напишет его сын. – К моменту женитьбы... его нога по ширине не уступала талии моей матери» (В отличие от последующих эпох, красивые ноги тогда были гораздо важнее для мужчин, носивших трико или бриджи, нежели для женщин с их длинными, ниспадающими до пола юбками.) Тома-Александр был высоким человеком – около 1 метра 85 сантиметров³¹⁷, тогда как средний рост мужчины³¹⁸ не превышал метр семьдесят. А его силу современники вскоре станут сравнивать с мощью Геркулеса, пусть даже кисти его рук и ступни³¹⁹, по отзывам знакомых, были столь же тонки, как у городских леди, за которыми он ухаживал.

Внешность Тома-Александра оказалась отличной визитной карточкой для эпохи, когда крепкое телосложение человека считалось признаком как мужества, так и силы и когда даже горожанин проводил много времени верхом на коне и мог танцевать весь вечер напролет с изяществом, присущим сегодня только профессиональным артистам. Природные качества позволяли юноше делать все это так же хорошо или лучше, чем молодые люди, рожденные для подобной жизни.

«Среди утонченной молодежи того времени³²⁰, – напишет сын Тома-Александра, – среди Файеттов, Ламетов, Дийонов, Лозунов, которые были его товарищами, мой отец вел жизнь сына истинного дворянина». В придачу к новым навыкам, освоенным в академии, многое из того, что он еще мальчиком делал в холмах Большой Пещеры, сейчас сослужило ему хорошую службу. Французские дворяне считали охоту привилегированным видом спорта и лучшим способом держать себя в форме для возможных битв (охота была любимым времяпровождением Людовика XVI³²¹ наряду с лужением часов и дверных замков). Очень кстати для Тома-Александра, пусть даже животные и характер местности существенно отли-

³¹⁴ «Один из красивейших людей»: Author unknown, «Le général Dumas, homme de couleur, n.d. [1797], BNF NAF 24641».

³¹⁵ «темная, очень темная» кожа: Arthur Davidson, Alexandre Dumas (père): His Life and Works, с. 4.

³¹⁶ «хорошо сложен»: ММ, с. 15.

³¹⁷ Рост Дюма: книга учета драгун в Полку королевы, запись о Дюма, 2 июня 1786, CGH.

³¹⁸ средний рост мужчины: Paolo Malanima, Pre-modern European Economy: One Thousand Years, с. 310.

³¹⁹ руки и ноги Дюма: ММ, с. 15.

³²⁰ «среди утонченной молодежи того времени»: ММ, с. 15.

³²¹ любимым времяпровождением Людовика XVI: Simon Schama, Citizens: A Chronicle of the French Revolution, с. 54; François Barrière and Mme Maigné, The Private Life of Marie Antoinette: Autobiographical Memoirs of Madame Campan, с. 164.

чались от того, к чему он привык на Сан-Доминго. После охоты обязательно наступал черед пира³²² в соседнем замке или даже дворце, причем меню могло состоять из десятков разновидностей закусок и такого же количества видов блюд из рыбы, птицы и дичи, не говоря уже, конечно, о винах, супах, десертах, десертных супах и вновь винах. Окружающую обстановку, как правило, оживляли водопады, сады с подстриженными деревьями, пруды, фейерверки и выступления театральных трупп под открытым небом с прекраснейшей музыкой, которая звучала как будто из-под земли – благодаря моде прятать оркестры в специально выкопанных ямах (в отличие от современных вечеринок, когда живая музыка лишь повышает престиж мероприятия).

Тома-Александр вел жизнь, о которой семья Дави ранее могла только мечтать. В его годы Антуан – так же, как братья, – выучился фехтовать не в академии, а на войне. Любому из представителей поколения его отца доходов хватало только на содержание собственности в Ко.

Антуан всецело поддерживал роскошный стиль жизни³²³ сына, быть может стремясь через него реализовать свои прежние желания. Также возможно, что он тем самым нарочно злил зануду-мужа своей племянницы, графа де Мольде, чье бывшее состояние Антуан и Тома-Александр сейчас транжирили с максимально возможной скоростью. Они добились успеха в Париже³²⁴, столице империи, мира – столице всего! Здесь они пили кофе из Сан-Доминго с сахаром из Сан-Доминго, причем пользовались для этого чашками, окованными серебром из Перу и золотом из Гвинеи. Именно сюда стекались все товары империи, и именно здесь в конечном счете также оказались и Антуан с Тома-Александром.

Юноша мог привести хозяев вечеринок в восторг своими историями о жизни в колонии, на краю цивилизованного мира, о противостоянии с аллигаторами и пиратами. Наибольшую привлекательность для этого утонченного общества Тома-Александру, помимо внешности, хороших манер и обаяния, придавал тот факт, что он был «американцем»³²⁵.

Во Франции конца восемнадцатого века термин «американец» обычно использовался как синоним выражения «темнокожий человек». Тома-Александр происходил с американских островов, где производили сахар, а потому был бывшим рабом или сыном раба. Он прибыл во Францию недавно, тогда как шевалье де Сен-Жорж покинул острова примерно за четверть века до него, однако значения это не имело: оба всегда будут считаться в Париже «американцами». Слово, которое неявно выражало разный характер отношений: лезть или презрение, – но всегда значило больше, чем место рождения. С 1778 года у него появился еще один смысл: «соратники».

* * *

Горстка белых британских колонистов, живущих в Париже, также считалась «американцами» (хотя, если строго следовать принятым во Франции критериям, все они были креолами). В начале февраля 1778 года Франция официально вступила с ними в союз³²⁶, чтобы помочь добиться независимости от Англии. Переговоры о союзе вел Бенджамин Франклин,

³²² *после охоты обязательно наступал черед пира*: Michael Forsyth, Buildings for Music, с. 112.

³²³ *Антуан всецело поддерживал роскошный стиль жизни*: письмо от г-на Делисо к графу де Мольде, 25 июня 1786, ADPC 10J35.

³²⁴ *юность Дюма в Париже*: Ernest d'Hauterive, Un soldat de la Révolution, с. 13; Placide David, «Le général Th. Alexandre Dumas», с. 39; Victor-Emmanuel Roberto Wilson, Le Général Alexandre Dumas: Soldat de la liberté, с. 57.

³²⁵ *термин «американец»*: John D. Garrigus, «Sons of the Same Father: Gender, Race, and Citizenship in French Saint-Domingue, 1760–1792», с. 152.

³²⁶ *союз с американскими колониями*: Treaty of Amity and Commerce, February 6, 1778, в книге: The Controversy over Neutral Rights Between the United States and France, 1797–1800, ed. James Brown Scott and John Chandler Davis, с. 441.

которого парижане с любовью прозвали электрическим посланником³²⁷. А подписал молодой король Людовик XVI, став, таким образом (ирония настолько очаровательная, что никто об этом не упоминает), ведущим мировым спонсором антимонархического мятежа и революции.

Правительство Людовика XVI поддерживало американцев, чтобы отомстить Англии за сокрушительное поражение Франции в Семилетней войне – за потерю французской Северной Америки и унижение во французской Индии³²⁸. Для министров в Версале Американская война за независимость была самой последней битвой в глобальной борьбе двух стран за торговое и колониальное могущество – противостоянии, которое продолжалось целый век. Англия вышибла Францию из обеих Америк в 1763 году. Франция надеялась отыграться в 1778 году.

Однако у французских офицеров-аристократов, которые добровольцами отправлялись сражаться за американцев (маркиз де Лафайет был лишь самым выдающимся из многих волонтеров), имелись более личные мотивы, нежели только геополитические соображения. В их среде господствовало определенное нетерпение, ведь более чем десятилетний мир давал им крайне мало шансов проявить себя. Разносторонняя подготовка у Ля Боэсьера ориентировалась вовсе не только на дуэли в пригородных садах. Война в Америке могла стать единственным шансом французских дворян познать упоение битвой. Но еще сильнее любви к войне было желание их поколения почувствовать на собственном опыте восхитительную политическую концепцию, которую американцы практически присвоили себе, – патриотизм³²⁹.

Быть патриотом значило следовать последнему писку парижской моды. И никто не восхищался американскими патриотами больше, чем либеральные представители французской аристократии. С их точки зрения, гордые колонисты противостояли деспотизму Георга III. Французская знать особенно солидаризировалась с борьбой американских колонистов против налогов³³⁰. Как и движение против рабства, Американская революция превратилась в метафору для описания того, что французы думали о своем собственном положении, в образце для борьбы просвещенного дворянства против замшелой монархии. (Подобный «перенос понятий» также характерен для начала французских отношений с Америкой по схеме «любовь/ненависть».)

Внезапно парижская мода – поводыр для французского общественного мнения – подхватила стиль «à l'Amérique» («на американский манер»): портные шили «повстанческие кителя» и «платья с молниеотводами» (в честь Бена Франклина, с двумя проводками, свиса-

³²⁷ «электрическим посланником»: Schama, с. 44.

³²⁸ *унижение во французской Индии*: N. R. Madhava, Criminal Justice India Series: Pondicherry, с. 7.

³²⁹ К французским отрядам, сражавшимся за американскую независимость во время осады Саванны (Джорджия) в 1779 году, относился батальон свободных негров [Michael Lee Lanning, *African Americans in the Revolutionary War*, с. 85.] и мулатов из Сан-Доминго. В их число входили будущий французский правовед и бывший раб Жан-Батист Беллей, а также будущий король Гаити Анри Кристоф.

³³⁰ Патриоты Новой Англии имели немало общего с французской знатью в том, что касалось недовольства налогами: представители обеих социальных групп считали, что платят казне слишком много, а на политическом уровне представлены недостаточно. Однако если изучить налоговые ставки Британской империи в 1760—1770-х годах, выясняется, что колонисты Новой Англии – самые бескомпромиссные патриоты – относились к числу тех британских подданных, которые платили меньше всего налогов. Они выступали против «налогообложения без представительства», но даже это было не совсем точным. Из-за того, как работала британская парламентская система, многие подданные короля в Англии были представлены в законодательном органе не лучше колонистов, и притом платили гораздо более высокие налоги. Аналогичный парадокс существовал во Франции: знать платила по более низким ставкам, чем остальное население, и благодаря судам-парламентам была представлена лучше, чем большинство других французских подданных. Тем не менее дворяне принадлежали к числу самых пылких патриотов Франции и сделали для прихода революции не меньше, чем представители любой другой социальной группы.

ющими до земли³³¹). Парикмахеры создавали прически «à la Boston» («на бостонский лад») и «à la Philadelphie» («на филладельфийский лад»). Модистка королевы сделала шляпку «à la John Paul Jones»³³² («в стиле Джона Пола Джонса») – в виде яркого плюмажа, которым Ее Величество очень хотела бы увенчать головной убор американского героя-моряка. Другая шляпка очень точно изображала парусный корабль в полном вооружении, включая такелаж, мачты и пушки, в честь недавнего морского сражения с британцами. Мелкий, но красноречивый симптом растущего когнитивного диссонанса: к концу того же года парижская полиция запретит название новейшей женской прически – «aux insurgents» («за повстанцев»), но не саму прическу. Что только делает стиль еще более популярным.

Впрочем, хотя Версаль и пытался уничтожить само слово «повстанец» на родной почве, от поддержки повстанческого движения за границей он никогда не отказывался. Только благодаря тоннажу и огневой мощи французского военного флота Американская революция стала чем-то большим, нежели прекрасной, но несбыточной мечтой. В то время как американцы считали Войну за независимость конфликтом на территории от Мэна до Флориды, Франция фактически вынудила Британию сражаться с революцией по всему миру, защищая аванпосты в Индии, на Ямайке и в Африке. Британцам пришлось отозвать большую часть своего прославленного флота от американского побережья, чтобы отбить французские атаки в других точках земного шара³³³.

Тома-Александр и другие учащиеся академии Ля Бюэссьера могли следить за новостями о приключениях лучших представителей Франции на полях сражений в Массачусетсе, Нью-Йорке, Мэриленде и Вирджинии, в то время как французский военный флот терроризировал британские владения от Вест-Индии до Бенгальского залива. А когда генерал Вашингтон привлек молодого виконта Луи-Мари де Ноайля, соседа Тома-Александра по Сен-Жермен-ан-Лай, к переговорам об условиях британской капитуляции в Йорктауне (наряду с американским переговорщиком), это стало заключительной демонстрацией того, насколько важной оказалась французская помощь для победы Американской революции.

Таким образом старейшая из великих монархий Запада обеспечила становление великой республики – первой с античных времен. Двигаясь по этому пути, Версаль привел себя к банкротству. За один только 1781 год корона потратила на поддержку американских повстанцев 227 миллионов ливров – огромную часть бюджета. Расходы на военно-морской флот в пять раз превышали уровень мирного времени. Доподлинно неизвестно, где именно правительство Людовика XVI находило деньги, но, очевидно, здесь не обошлось без масштабных займов.

Мирный договор, который завершил Войну за независимость, стороны заключили в Париже, однако за свою жизненно важную помощь Франция получила совсем мало: Британия вернула ей Сенегал. (Благодаря причудливым поворотам дипломатии, к Испании отошли гораздо большие владения в Новом Свете). В награду за американскую авантюру «Франции достались слава и разорение»³³⁴, – писал историк Мишле. Авторитет французской монархии никогда не был выше, чем во время празднований в Париже в 1783 году англо-американского мира.

³³¹ *с двумя проводками, свисающими до земли*: American Footprints in Paris, ed. Frances Wilson Huard, с. 104.

³³² «à la John Paul Jones» и шляпки в виде парусных кораблей: Guillaume Imbert de Boudeaux, Correspondance secrète, politique & littéraire, Vol. 8, с. 288; Gabriel d'Èze and A. Marcel, Histoire de la coiffure des femmes en France, сс. 166–68.

³³³ Единственная надежда Британии заключалась в том, что ее флот не даст судам нейтральных стран поставлять американцам и французам припасы для их кораблей. Эта надежда рухнула в 1780 году, когда российская императрица Екатерина Великая создала Лигу вооруженного нейтралитета. Все главные европейские державы объединились ради сохранения морских торговых путей с Америкой и Францией. Антибританскую инициативу поддержали Пруссия, Австрия, Еолландия, Испания и даже Османская империя.

³³⁴ «Франции достались слава и разорение»: Jules Michelet, Histoire de France au dix-huitième siècle: Louis XV et Louis XVI, с. 247.

Президент Джордж Вашингтон повесил на стене кабинета в Маунт-Верноне портрет Людовика XVI в полный рост³³⁵, а на ежегодных патриотических торжествах в Америке звучали тосты за французского короля как «защитника прав человечества»³³⁶, а также за «графа Рошамбо и французскую армию». День рождения короля Франции некоторое время даже отмечался в Соединенных Штатах как один из первых национальных праздников.

Однако в прославлении самой могущественной монархии Европы как поборника «жизни, свободы и стремления к счастью» было что-то в корне неправильное. Нестабильная ситуация, как бы мы сказали сегодня.

Патриот с мушкетом наперевес стал новым благородным рыцарем, сражающимся против британских солдат-носителей тирании. Стильные парижские дворяне вступали в Le Club de Boston или des Américains³³⁷, основанный герцогом Орлеанским, который из поездки в Англию вернулся в беспечно-революционном настроении.

Впрочем, хотя позже Американская революция будет считаться образцом соблюдения приличий – в основном по контрасту с последовавшей за ней кровавой Французской революцией, люди вроде Лафайета боялись, что их соотечественники, как люди не только не жестокие, а, наоборот, слишком мягкие, не сумеют свергнуть режим. «Французские проблемы решить сложнее»³³⁸, потому что народ этой страны, похоже, ни в коей мере не готов прибегать к крайним мерам, – писал он Вашингтону. – „Свобода или смерть“ – девиз, который по эту сторону Атлантики не в моде».

Французские интеллектуалы восемнадцатого столетия относились к американской революции примерно так же, как французские интеллектуалы двадцатого столетия – к российской революции и сопутствующим движениям, то есть принимали всем сердцем. Французские интеллектуалы двадцатого века отвергали тоталитаризм коммунистических режимов, подобным же образом их предшественники в восемнадцатом столетии защищали новое государство – Соединенные Штаты – от звучавших (конечно же со стороны Англии) обвинений в лицемерном подходе к вопросу о рабстве³³⁹. Что стоит провозглашение всех людей свободными и равными, если эти же самые патриоты продолжают владеть рабами? Многие отцы-основатели сами предвидели, что их компромисс с южными штатами был ядовитой пилюлей, которая приведет к трагедии. Но французские поборники новой Америки находили все новые способы умолчать об этой проблеме. Парижские театры ставили пьесы об идиллической жизни в Вирджинии³⁴⁰, где чернокожие рабы и их хозяева работают бок о бок и поют песни о свободе.

* * *

Чем старше становился Тома-Александр, тем больше времени он проводил в Париже, который располагался всего в трех часах верховой езды³⁴¹. Город света наверняка предлагал немало соблазнов – после того, как ночь опускалась на его только что вспыхнувшие огнями

³³⁵ *портрет Людовика XVI в полный рост*: Catalogue, „The Final Sale of the Relics of General Washington,“ с. 36, item 266.

³³⁶ «защитника прав человечества»: Benson John Lossing, *Harpers' Popular Cyclopaedia of United States History from the Aboriginal Period to 1876*, vol. 2, сс. 1490–91.

³³⁷ *Le Club de Boston или des Américains*: *Fortnightly Review*, Vol. 117 (London, 1922), с. 219.

³³⁸ «Французские проблемы решить сложнее»: письмо от Лафайета к Вашингтону, цит. по: André Maurois, *A History of France*, с. 270.

³³⁹ *оптимизм французов по поводу проблемы рабства в Америке*: Edward Seeber, *Anti-Slavery Opinion in France During the Second Half of the Eighteenth Century*, с. 117.

³⁴⁰ *пьесы об идиллической жизни в Вирджинии*: Adam Zamoyski, *Holy Madness: Romantics, Patriots, and Revolutionaries, 1776–1871*, с. 19.

³⁴¹ *в трех часах верховой езды*: François Boulet, *Leçon d'histoire de France: Saint-Germain-en-Laye*, с. 109.

улицы. В Сен-Жермен-ан-Лай уличного освещения не было вовсе, тогда как в щегольском Париже тьму разгоняли лампы со свечами и даже новенькие масляные лампы³⁴² (пусть даже идея пока опережала техническое исполнение). С расстояния уличные фонари «ослепляли, но вблизи давали мало света³⁴³, а стоя прямо под ними, вы едва могли разглядеть собственную руку», – отмечал мемуарист Луи-Себастьян Мерсье, который записывал свои наблюдения в 1780-х годах. Там, где фонари не справлялись, на помощь приходили фонарщики. Эти люди (каждый с индивидуальным номером, чтобы полиция могла отслеживать его действия) ожидали у входа возле тех зданий, где проходила какая-нибудь вечеринка, и за несколько монет любой из них был готов проводить бражника до дома, освещая путь вплоть до крыльца и даже комнаты. Впрочем, у всякого юного дворянина вроде Тома-Александра конечно же для этой цели имелся свой лакей³⁴⁴.

У каждого француза сколько-нибудь благородных кровей был лакей – слуга, который всюду сопровождал господина, заботясь о повседневных мелочах жизни. Приглашенные на ужин в известные дома неизменно привозили с собой собственных лакеев, чтобы те прислуживали им за столом. Десять гостей означали еще десять лакеев, каждый из которых наливал вино или суп и выбирал закуски в соответствии со вкусами господина. Этот обычай с приходом Революции не изменился, и за каждым французским революционером (даже самым радикальным) обязательно стоял преданный лакей. Тома-Александр, пусть он будет идти наперекор любой опасности в борьбе за свободу, равенство и братство, никогда не откажется от услуг лакея, который делал за него обыденные земные дела. (Когда, спустя годы Тома-Александр, уже герой войны, потерял лакея во время шторма³⁴⁵ в море, то столкнулся с настоящей проблемой: отразить вражескую атаку – это одно, а вот аккуратно сложить собственные вещи – совсем другое.)

Александр Дюма сделает одного из самых любимых своих персонажей – д'Артаньяна – красавцем из Южной Франции, с «вытянутым и загорелым» лицом³⁴⁶. Гасконец приезжает в Париж, где практически никого не знает. Но Тома-Александр полутора веками ранее появился в гораздо более крупном и громком городе, чем д'Артаньян. Шум царил повсеместно и был «настолько оглушительным [и] ужасным³⁴⁷, что его мог перекрыть только обладатель сверхмощного голоса», – писал Мерсье. Торговки рыбой³⁴⁸ расхваливали скумбрию, сельдь, устрицы: «Свежие, свежие, только что пойманы!» Другие торговцы вразнос рекламировали старую одежду, зонты, имбирные пряники, печеные яблоки, бочковые алкогольные напитки, сладкие апельсины с юга.

Самое главное отличие конечно же заключалось в том, что мальчик из Сан-Доминго приехал в город с толстым кошельком отца, пусть даже этот кошелек, как выяснилось позднее, был набит в основном долговыми расписками. Есть что-то загадочное в том, до какой степени Антуан баловал Тома-Александра. «Г-н маркиз не получал доходов³⁴⁹ от земельных владений и жил только за счет ваших регулярных платежей, – позже просветит графа де Мольде нотариус, занимавшийся имуществом Антуана. – Он потратил все деньги на погашение долгов юного Дюма (мулата) [так!], которого называют побочным сыном покойного».

³⁴² *масляные лампы*: Nicholas Papayanis, *Planning Paris Before Haussmann*, с. 44; Louis de Sivry and M. de Rolot, *Précis historique de Saint-Germain-en-Laye*, с. 284.

³⁴³ *«ослепляли, но вблизи давали мало света»*: Louis-Sébastien Mercier, *Panorama of Paris* (1999), с. 132.

³⁴⁴ *лакеи*: Fernand Braudel, *Civilization and Capitalism, 15th—18th Century*, vol. 3: *The Perspective of the World*, с. 328.

³⁴⁵ *Дюма потерял лакея во время шторма*: письмо от Александра Дюма к Мари-Луизе, 18 июня 1798, MAD.

³⁴⁶ *с «вытянутым и загорелым» лицом*: Alexandre Dumas (père), *Les trois mousquetaires*, vol. 1, с. 6.

³⁴⁷ *«настолько оглушительным [и] ужасным»*: Mercier, *Panorama of Paris*, с. 45.

³⁴⁸ *торговки рыбой*: Louis-Sebastien Mercier, *Paris*, Vol. 2 (1817), с. 151.

³⁴⁹ *«г-н маркиз не получал доходов»*: письмо от г-на Делисо к графу де Мольде, 25 июня 1786, ADPC 10J35.

Говоря о привычках Тома-Александра, юрист специально подчеркнет: «Этот внебрачный отпрыск стоил ему огромных денег».

Но мотовство было вполне прощительно для молодого дворянина, живущего в Париже. Приличный костюм для вечеринки делался из шелка с вышивкой, атласа, парчи, бархата и мог стоить щеголю 4 тысячи ливров, особенно если добавить сюда золотые пряжки и мужские бальные туфли, украшенные драгоценными камнями. Тома-Александру доводилось любоваться ослепительными нарядами франтов и хозяек бала в Джереми, однако уровень парижских цен на роскошные одеяния был совершенно иным. Как говорят, Жан-Батист Кольбер, министр финансов Людовика XIV однажды заявил: «Мода для Франции³⁵⁰ значит то же, что перуанские рудники – для Испании».

О твоём положении Париж судил не только по тому, во что ты одевался, но и по тому, на чем ты ездил. «Экипаж – очень важная вещь³⁵¹ для любого участника гонки за богатством, – писал Мерсье. – Если какому-либо человеку повезло впервые разжиться деньгами, он тут же заводит легкий экипаж-одноколку, затем фаэтон, а впоследствии карету». Впрочем, для этого имелись серьезные основания: улицы Парижа были узкими, многолюдными, грязными, причем у большинства из них отсутствовали тротуары. Мерсье посвятил целые страницы описанию парижской грязи, «неизменно липкой³⁵², черной, с песком и металлическими частицами, образующимися в результате непрерывного уличного движения, но именно домашние отходы придают ей характерную вонь. Ни один иностранец не в силах вынести этого серного запаха, отдающего азотной кислотой. Капля этой грязи на камзоле проедает ткань насквозь». Ходить по городу пешком могли позволить себе только парижане, и без того живущие в грязи, – бедняки и рабочие.

Для многострадальных пешеходов, которые причисляли себя к благородному сословию, но не могли раз за разом менять яркие шелковые штаны или чулки, нашелся выход, который дал толчок развитию французской моды будущего: носить только черное. Полностью черный костюм из лучших тканей мог стоить столько же, сколько одежда ярких расцветок, но изнашивался медленнее, а потому в долгосрочной перспективе оказывался гораздо дешевле. Между тем женщины предпочитали бросать грязи вызов, одеваясь во все белое – *à la bordelaise*, то есть в стиле города-порта Бордо, куда подобный «белый тренд» завезли выходцы с сахаропроизводящих островов. Мода на белое утвердилась в Париже в 1782 году, когда Тома-Александру было двадцать лет. Ее поддержала сама королева, решив одеваться строго в стиле *à la bordelaise*. Она поразила весь Версаль белыми платьями и бесцветными бриллиантами³⁵³, которые отлично сочетались с ее белокурыми волосами и светло-голубыми глазами.

Бриллианты. Их искрящаяся белизна в те дни была вездесущей спутницей женской красоты. Они каскадами спускались от шеи к декольте, закрывая практически каждый кусочек кожи, где только можно было их поместить. Знатные дамы и юные леди не ограничивались ожерельями, кольцами и браслетами. Бриллианты сверкали на шляпных булавках, на лентах в прическах, в букетах и на табакерках. Некоторые дамы в придачу к ожерельям украшали бриллиантами края корсажа – специальные вставки закрывали всю переднюю часть лифа. Мужчины тоже носили драгоценные камни – на руке у представителя сильного пола бриллиантов было даже больше, чем на руке у женщины. А ведь еще были такие удобные предметы, как пряжки на обуви, темляк, рукоять пистолета и карманные часы. К несчастью для Тома-Александра, его отец тяжело заболел бриллиантовой лихорадкой. Человек, кото-

³⁵⁰ «мода для Франции»: Mrs. John Melville, «Point d'Alençon», *Overland Monthly* 4 (Jan. 1870), с. 64.

³⁵¹ «экипаж – очень важная вещь»: Mercier, Paris, vol. 2, с. 205.

³⁵² «неизменно липкой»: Mercier, *Panorama of Paris*, с. 41.

³⁵³ бесцветными бриллиантами: Mercier, Paris, vol. 2, сс. 295–96.

рый тридцать лет жил среди малопродуктивных холмов, который учил мальчика ценить хорошую абордажную саблю и рабочее седло, был очень частым гостем у ювелира.

Ювелир Антуана жил в Руане, в восточной Нормандии. Как свидетельствуют записи мастера, воскресший дворянин из Сан-Доминго был его лучшим клиентом. Как-то раз ювелир отправил лакея в Сен-Жермен-ан-Лай, чтобы завершить сделку. Слуга Антуана проводил лакея на второй этаж. В одной из комнат на кровати лежал сам Антуан. Лакей спросил, имеет ли он честь беседовать с маркизом де ля Пайетри. Антуан, явно повинувшись инстинкту, выработанному за десятилетия бегства от закона, ответил: «Нет-нет, это не я. Клянусь, я – вовсе не маркиз де ля Пайетри». Лакей вернулся в Руан и сообщил, что не смог найти клиента.

Отец и сын соперничали в мотовстве, но пристрастие старика к бриллиантам, по всей вероятности, принесло победу именно ему. Антуан никогда в жизни так не развлекался, как сейчас, в годы после «возвращения из мертвых»³⁵⁴. С безумием, которое иногда свидетельствует о приближающейся кончине, он, казалось, твердо решил деньгами проложить себе путь в небытие. Вскоре он глубоко погряз в долгах. А в 1783 году шестидесятидевятилетний маркиз де ля Пайетри не только баловал себя роскошью, но и делил ее с тридцатилетней Мари Рету, его экономкой, с которой необычайно сблизился.

Маркиз дал Тома-Александру достаточно средств для того, чтобы жить в свое удовольствие в центре Парижа.

³⁵⁴ «нет-нет, это не я» и «возвращение из мертвых»: письмо, цит. по: Robert Landru, À propos d'Alexandre Dumas, сс. 66–70.

Глава 6

Черный граф в Городе света

Весной 1784 года Тома-Александр переехал в новые комнаты – на улице Этьенн³⁵⁵, в самом сердце Парижа. Он покинул дом именно так, как в восемнадцатом веке полагалось сыну маркиза – с солидным денежным содержанием и жильем возле самого Лувра.

За прошедшее столетие Париж пережил масштабную реконструкцию³⁵⁶. Людовик XIV, который разрушил средневековый город в процессе возведения Версаля, уже сделал первые шаги в этом направлении: он велел проложить новые бульвары, где люди могли прогуливаться и делать покупки в тени деревьев. Частные сады и дворцы открылись для публики. Именно поэтому Тома-Александр мог упражняться в верховой езде в саду Тюильри. А его новое жилье располагалось в трех кварталах от беспрецедентной стройплощадки, символизовавшей обновление города, – уникального комплекса зданий и гигантских внутренних дворов под названием Пале-Рояль.

Как отметил один из тогдашних гостей Парижа, «Пале-Рояль был сердцем и душой³⁵⁷, центром и излюбленным местом встреч для парижской аристократии». Изначально он служил дворцом для кардинала Ришелье³⁵⁸, который в реальной жизни тратил гораздо больше времени на сделки с недвижимостью, чем на подготовку убийств. После его смерти Пале-Рояль отошел к Орлеанской династии³⁵⁹ как подарок от Людовика XIV, но лишь в 1770–1780-х годах представители этой семьи вложат достаточные средства в превращение этого частного дворца в самое популярное в Париже место для прогулок и развлечений.

В украшенных колоннадами внутренних дворах теперь разместились магазины, кафе, таверны, отели, театры, книжные лавки и общественные бани. Здесь продавалось все. «Не выходя за ограду³⁶⁰, всякий мог за один день купить здесь такое невероятное количество предметов роскоши, какое в любом другом месте пришлось бы собирать целый год», – писал один маркиз в 1786 году. Густая сень древних каштанов играла роль естественной крыши над всем комплексом. Как поэты, так и ученые читали здесь свои творения, и любой посетитель мог научиться игре на клавесине или посмотреть сеансы месмеризма³⁶¹ (и то и другое тогда считалось последним пискom моды). В год, когда Тома-Александр переехал в новые меблированные комнаты, швейцарский анатом Филипп Куртиус и его племянница Мари Тюссо³⁶² открыли здесь филиал своего музея восковых фигур, демонстрируя скульптуры Вольтера, Руссо, Бенджамина Франклина и различных французских венценосных особ.

В те дни большинство парижских кафе³⁶³ не выходили на улицу, а обслуживали клиентов в просторных комнатах, где были столы с мраморными столешницами, стены с позо-

³⁵⁵ на улице Этьенн: свидетельство с адресом Дюма в Париже на улице Этьен (с написанием «Estienne»), без даты, BNF NAF 24641.

³⁵⁶ Париж пережил масштабную реконструкцию: Eric Hazan and David Fernbach, *The Invention of Paris: A History in Footsteps*, сс. 14–15; Colin Jones, *Paris: The Biography of a City*, с. 180.

³⁵⁷ «Пале-Рояль был сердцем и душой»: Johannes Willms, *Paris, Capital of Europe: From the Revolution to the Belle Epoque*, с. 5.

³⁵⁸ дворцом для кардинала Ришелье: Jones, с. 222.

³⁵⁹ отошел к Орлеанской династии: Henry Sutherland Edwards, *Old and New Paris: Its History, Its People, and Its Places*, vol. 1, с. 166.

³⁶⁰ «не выходя за ограду всякий»: Jones, с. 193.

³⁶¹ сеансы месмеризма: Robert Darnton, *Mesmerism and the End of the Enlightenment in France*, с. 161.

³⁶² Филипп Куртиус и Мари Тюссо: Pamela M. Pileam, *Madame Tussaud and the History of Waxworks*, сс. 17, 23–24.

³⁶³ парижских кафе: W. Scott Haine, *The World of the Paris Café: Sociability Among the French Working Class, 1789–1914*, сс. 209–10; Thomas Okey, *Paris and Its Story*, с. 334; Schama, сс. 135–36.

лотой, зеркала и подсвечники. Однако в Пале-Рояль, с его обширными, хорошо охраняемыми внутренними дворами, владельцы кафе устанавливали столики под открытым небом, чтобы посетители могли читать или беседовать прямо среди толчеи. Рядом располагались столы для бильярда, музыканты играли вульгарные песенки, артисты давали шоу волшебных фонарей, сеансы электромагнетизма и политической сатиры всех видов. Над королем чаще других насмеялись вольнодумцы из числа агентов герцога Орлеанского. Мужчины и женщины толпились во внутренних дворах днем и ночью; группы людей горячо обсуждали за столиками кафе насущные проблемы.

Любой мог читать здесь все, что ему было по нраву, и высказывать свое мнение о прочитанном как угодно громко. Самое замечательное заключалось в том, что Пале-Рояль принадлежал герцогу, а потому вся территория дворца исключалась из юрисдикции французской полиции. В пределах этих стен вся власть находилась в руках личной охраны герцога, которой было строго запрещено вмешиваться в любые дебаты. Философы, политики, врачи, юристы, рабочие и аристократы – все яростно спорили друг с другом, и именно здесь началась история многих политических клубов Французской революции. (Чуть более полувека спустя Карл Маркс впервые встретится с Фридрихом Энгельсом в кафе Пале-Рояль³⁶⁴, так что место рождения революции восемнадцатого столетия стало местом, где зародилась и революция века двадцатого.)

Впрочем, Тома-Александра (даже несмотря на то, что он жил в эпоху Просвещения), вероятно, больше привлекала возможность выразить свое восхищение красивейшим женщинам на свете. «Стульев, хотя они и стоят³⁶⁵ в два-три ряда вдоль галерей, едва хватает на всех женщин, столь прекрасных в полумраке. Это настоящее пиршество для глаз – разнообразное и неизменно соблазнительное, – писал один немецкий путешественник. – Самые красивые или, по крайней мере, самые элегантные прогуливаются с врожденной грацией, характерной для парижанок, минуя тех, кто сидит у стен... 180 фонарей, свисающих со 180 сводов галерей, которые окружают сад, а также огни кафе, ресторанов и магазинов заливают место прогулок мягким, приглушенным светом. Сумрак делает красивую женщину еще более привлекательной и даже скрадывает недостатки заурадной внешности. Сумерки заставляют помнить о правилах хорошего тона, но также разжигают желание, и благодаря этому магическому эффекту воздух как будто наполняется чувственностью».

Тома-Александр, без сомнения, понимал, что у него темная кожа (черная капля в море белых лиц), но двадцатидвухлетний юноша ловил на себе не только любопытные, но и откровенно призывные взоры. И отвечал на них свойственным ему «нежным взглядом карих глаз»³⁶⁶. Любовные похождения в 1784 году были в моде. Все вокруг читали роман «Les liaisons dangereuses» («Опасные связи»), вышедший двумя годами ранее. Как утверждали сплетницы, шевалье де Сен-Жорж более чем близко знал не меньше светских дам, чем его распутный сторонник – виконт де Вальмон. Даже если белые примадонны прилюдно отказывались повиноваться указаниям «америкашки» на сцене, они, по всей вероятности, были не прочь остаться с ним наедине в театральной ложе после наступления темноты.

Днем Пале-Рояль был центром модной жизни, а средоточием почти всех прочих ее сторон ночью становился театр. В Комеди Франсез, где аристократия в те дни наслаждалась «Женитьбой Фигаро» (пьесой, в которой Бомарше издевался над всем аристократическим), действие происходило на сцене. Но для свидания с дамой лучше подходил Театр Николе³⁶⁷ –

³⁶⁴ Маркс и Энгельс в Пале-Рояль: Karl Baedeker, Paris and Its Environs, 6th ed., с. 18.

³⁶⁵ «Стульев, хотя они и стоят»: Melchior von Grimm and Denis Diderot, Correspondance littéraire, philosophique et critique, vol. 2, сс. 535–37, в книге: Willms, с. 6.

³⁶⁶ «нежным взглядом карих глаз»: ММ, с. 23; Hippolyte Parigot, Alexandre Dumas Père, с. 9.

³⁶⁷ Театр Николе: F. W. J. Hemmings, Theatre and State in France: 1760–1905, сс. 2, 27–40.

совсем рядом, на бульваре дю Тампль³⁶⁸. В театре светские дамы сидели рядом с куртизанками, солдаты из древних родов – возле адвокатов и наемных бухгалтеров. Г-н Николе прославил это заведение дерзкими шутками (на памяти у всех было его решение поставить на главную роль обезьяну вместо большого актера³⁶⁹, причем оказалось, что животное обладает гораздо более впечатляющим талантом), но истинная причина популярности театра крылась в другом: его затемненные частные ложи как нельзя лучше подходили для любовных свиданий.

Тома-Александр иногда бывал в театре Николе, а в сентябре 1784 года юноша вступил здесь в ссору³⁷⁰, которая определила его дальнейшую судьбу.

* * *

Театр Николе был всегда переполнен: четыреста человек сидели в зале, который по размерам больше бы подошел маленькому ресторану. Чадающие факелы и мерцающие сальные свечи давали свет пополам с отчетливым, едким запахом. Светским леди приходилось следить за тем, чтобы факелы не подожгли их платья.

Однажды вечером Тома-Александр следил за представлением³⁷¹, уединившись с дамой в ложе среди тусклого мерцания свечей. Даму впоследствии описывали как «очень красивую креолку³⁷², чье имя в те времена было у всех на слуху», что не кажется чем-то невероятным: белые женщины с островов пользовались популярностью в Париже. Мужчин, вероятно, привлекало в них идеальное сочетание красоты и горячего темперамента. Ухаживая за такой женщиной, Тома-Александр наверняка испытывал необычное душевное волнение. Ведь креолкам в мире нарастающей расовой сегрегации было гораздо сложнее преодолеть «цветные барьеры», нежели просвещенным парижанам. Кроме того, юноша, без сомнения, наслаждался общением с уроженкой родного острова.

Риски, скрывавшиеся в этом свидании, внезапно материализовались в виде офицера колониального флота. Морьяка сопровождали двое вооруженных спутников³⁷³. Они окружили пару.

«Вы прекрасны³⁷⁴. У вас отличная фигура и дивная грудь, – так (со слов Тома-Александра) заявил офицер, обращаясь к даме, будто она была совершенно одна. – Я был бы рад³⁷⁵ узнать, где вы живете. Возьмете мой адрес? Мадам – иностранка; не хотела бы она, чтобы я показал ей Версаль?»

Тома-Александр, несомненно, спросил себя, в какой степени эта наглость была связана с желанием пофлиртовать, а в какой – со стремлением задеть его. Если вспомнить о двух

³⁶⁸ Бульвар дю Тампль играл роль шумного и низкопробного филиала Пале-Рояль. Он получил свое название не от храма, но от обветшалой крепости, где некогда располагалась первая европейская резиденция рыцарей-тамплиеров. В 1790-е годы, в разгар эпохи Террора, цитадель превратится в тюрьму. Именно здесь Людовик XVI, Мария-Антуанетта и их семья будут содержаться в жестких условиях в ожидании казни, и здесь же брошенный всеми король-мальчик, злосчастный Людовик XVII, встретит свой таинственный конец.

³⁶⁹ *обезьяну вместо большого актера*: Ferdinand Hoefler, *Nouvelle biographie générale*, vol. 37.

³⁷⁰ *инцидент в Театре Николе*: Тома-Александр Дюма, свидетельские показания об инциденте, 15 сентября 1784, BNF NAF 24641. См. также свидетельские показания ЖанПьера Титона, 15 сентября 1784, BNF NAF 24641. В показаниях Дюма содержатся подробности расовых оскорблений, отсутствующие в показаниях г-на Титона.

³⁷¹ *Тома-Александр следил за представлением*: Дюма, свидетельские показания об инциденте в Театре Николе.

³⁷² *«очень красивую креолку»*: ММ, с. 18.

³⁷³ *двое вооруженных спутников*: или всего один? Дюма, в своих свидетельских показаниях, упоминает лишь одного человека с Титоном, но Титон говорит о том, что пришел с двумя спутниками.

³⁷⁴ *«Вы прекрасны»*: Дюма, свидетельские показания об инциденте в Театре Николе.

³⁷⁵ *«Я был бы рад»*: там же.

вооруженных спутниках, офицер каждой фразой, казалось, подстрекал юношу к неблагоприятному ответу.

Тома-Александр узнал моряка, хотя, возможно, и не был с ним знаком: Жан-Пьер Титон де Сен-Ламэн³⁷⁶, бывший капитан элитного подразделения на Мартинике. Подобные ему люди постоянно болтались возле Версаля, надеясь получить продвижение по службе. Они похвалялись командованием в экзотических и опасных походах, которые на деле часто оказывались приукрашенными операциями по поимке рабов. Однако Титон входил в состав элитного отряда гренадеров. Судя по виду этого человека, он вполне мог доставить немало неприятностей.

– Неужели леди нравятся америкашки?³⁷⁷ – спросил он с насмешкой.

В заявлении, данном позднее полиции под присягой, Тома-Александр утверждал, что офицер сделал даме «тысячу непристойных предложений», по-прежнему держа себя с ней так, будто сам юноша был невидимкой.

Как вскоре станет ясно из писем и действий Тома-Александра, он не считал, что характер человека зависит от его расовой принадлежности. Более того, половина членов его семьи были белыми людьми, он жил среди белых, у него был белый отец, белые друзья, белые любовницы. Всего его наставники, за исключением Сен-Жоржа, тоже были белыми. Никто не мог вызвать у него больше презрения, чем подобный забияка-лизоблюд из колоний. Положение и благосостояние таких людей зависело от господства над чернокожими, поэтому всякого свободного негра или мулата они воспринимали как угрозу.

Когда дама ответила, что ей нравятся американцы, офицер поздравил ее, причем в его голосе звучал сарказм. Затем моряк продолжил отпускать шуточки насчет спутника, которого леди выбрала себе в провожатые. В этот момент Тома-Александр обратился к Титону напрямую.

«Проявите уважение к даме. Пожалуйста, оставьте нас», – сказал он. А затем повернулся к девушке и предложил ей игнорировать нахала.

Титон громко и злобно расхохотался.

«Госпожа! – воскликнул он. – Я думал, это один из ваших лакеев!»

Тома-Александру наверняка ужасно хотелось взяться за шпагу. Он тренировался по шесть часов в день именно для того, чтобы уметь ответить на подобное оскорбление.

«Друг мой, мы знаем, кто такой мулат, – проговорил Титон, впервые обращаясь прямо к сопернику. – В твоей стране на твоих ногах и руках были бы кандалы. И если ты осмелишься выкнуть хоть слово, я велю охранникам арестовать тебя и отвести в тюрьму. Ты меня знаешь».

Манера, в которой он обращался к Тома-Александру, показывает наиболее вероятную цель визита: не соперничество за внимание девушки, но желание поставить на место необычного мулата, который ходит повсюду со шпагой и в отличном камзоле.

Тома-Александр ответил, что плевать хотел на все слова офицера и знает, кто такой этот моряк на самом деле: бумагомаратель в военном министерстве Версаля, насколько известно юноше. Титон вышел из себя. Один из его людей попытался ударить Тома-Александра тростью и стал звать охранников театра, чтобы те арестовали мулата. Тома-Александр вместе со спутницей хотели уйти из ложи, но офицер загородил проход.

Приятели моряка схватили юношу, навалились на него и постарались поставить на колени перед офицером, чтобы молодой дворянин молил его о свободе (этот момент, очевидно, навсегда остался в памяти Тома-Александра). Так хулиганы хотели довести издева-

³⁷⁶ Титон де Сен-Ламэн в *Вест-Индии*: несколько писем и записей в военных документах о нем, 1779, ANOM COL E 379bis.

³⁷⁷ «нравятся америкашки» и следующие восемь цитат: Дюма, свидетельские показания об инциденте в Театре Николе.

тельства до предела: заставить коленопреклоненного мулата просить прощения на глазах у белой женщины. Титон позвал охранников театра, чтобы те помогли «арестовать этого мулата». Стражники спросили, хочет ли он вывести Тома-Александра наружу.

Как написал сам юноша в заявлении, он вырвался от охранников, Титона и его людей и вернулся в ложу. Тома-Александр отметил, что к тому моменту его дама покинула театр. Без нее Титон велел охранникам отпустить дворянина. Но игру еще не закончил.

«Ты – свободен! Я прощаю тебя, ты можешь идти!» – громко провозгласил Титон, пародируя предоставление рабу вольной.

В этот момент наконец вмешался полицейский, он арестовал обоих за нарушение общественного порядка.

Мы знаем о деталях этого происшествия из сохранившихся заявлений, сделанных его участниками под присягой в полиции на следующий день. Оба документа датированы 15 сентября 1784 года. Томас-Александр написал свое заявление собственной рукой, как было принято тогда. Он ведет рассказ от первого лица – с удивительной прямоотой, тогда как заявление Титона написано от третьего лица и отличается высокомерной холодностью: «Сэр Титон де Сент-Ламэн, бывший командир батальона в форте Сен-Пьер на Мартинике, где расположено принадлежащее ему поместье, в настоящий момент прикомандирован к пехотным войскам Франции. Он имеет честь объяснить, что вчера был на представлении в театре г-на Николе вместе с двумя друзьями. И обратил внимание на девушку, которая сидела в ложе через один ряд, что дало ему возможность заговорить с ней. Сэр Титон обменялся с девушкой несколькими обычными комплиментами, после чего в разговор вмешался мулат, сидевший рядом с ней». «Сэр Титон» отмечает, что ему пришлось вызвать охрану из-за «нахальства» мулата, но затем он, как благородный человек, простил грубияна.

Писателя Дюма всю жизнь преследовали мысли о ссоре в театре Николе, а его отец конечно же никогда не забывал об этом происшествии. Он наверняка рассказал о нем своей будущей жене. Возможно, самые близкие друзья тоже были в курсе. Я впервые прочитал об инциденте много лет назад, в детстве, в мемуарах Александра Дюма. До последнего момента это была единственная известная мне версия, причем она заканчивается совершенно иначе, чем история из найденных мною документов полиции.

Вариант писателя начинает расходиться с заявлениями для полиции с того момента, как Дюма вкладывает в уста офицера-гренадера слова: «Ой, прошу простить меня³⁷⁸, я принял этого господина за вашего лакея». Далее писатель продолжает:

Едва прозвучала эта наглая фраза, как высокомерный мушкетер взлетел в воздух, будто ядро из катапульты, и рухнул в самый центр оркестровой ямы.

Столь неожиданное падение вызвало немалую суматоху среди публики.

Среди самых заинтересованных лиц оказался не только упавший, но и те, на кого он свалился.

В те времена музыканты играли стоя, так что им не пришлось вставать. Весь оркестр повернулся к ложе, откуда вышвырнули мушкетера.

Мой отец ждал последствий, вполне обычных для подобных дел. В тот же миг он покинул ложу, чтобы встретиться с соперником в коридоре. Но вместо мушкетера столкнулся там с офицером полиции.

Дюма не только ловко делает своего отца победителем, но также заставляет плохого парня упасть вверх тормашками в толпу, что придает всему инциденту комичный оттенок.

³⁷⁸ «Ой, прошу простить меня»: ММ, с. 18.

Мне всегда нравилась эта сцена – краткая и убедительная как эпизод из плутовского романа. Однако, прочитав заведенное полицией дело (наряду с тысячами других документов, созданных обществом, в котором жил Тома-Александр), сейчас я бы сказал, что этот рассказ в стиле экшн, возможно, самая лживая вещь, которую Дюма когда-либо написал об отце.

Впрочем, помимо мемуаров, Дюма станет раз за разом использовать динамичную канву этой истории. Его роман «Жорж» прямо описывает жизнь и борьбу полукровки после схожего оскорбления: главный герой проходит обучение, очень напоминающее занятия Тома-Александра в академии Ля Боэссьера, с единственной целью – вернуться и сойтись лицом к лицу с белыми колонистами, которые давным-давно обидели его и его семью. В «Графе Монте-Кристо» Эдмон Дантес, сидя в тюремной камере, планирует отомстить не одному, а многим причинившим ему зло негодьям. И конечно же вспыльчивый д'Артаньян из «Трех мушкетеров» скопирован с юного Тома-Александра, оскорбленного в театре Николе. Подобно отцу Дюма, д'Артаньян – представитель провинциального дворянства. В Париже он, безусловно, чужак. Тем не менее он белый человек и, как бы беден и провинциален ни был, может страстно, бешено сражаться за свою честь.

В мемуарах Дюма новеллист, повествуя об инциденте в театре Николе, опускает всякие упоминания о расовой принадлежности отца. А умалчивая о том факте, что обидчиком стал офицер колониального флота, писатель еще тщательнее затушевывает расовый аспект конфликта³⁷⁹. В результате отец Дюма сталкивается с таким же неуважением, что постоянно доводилось испытывать провинциалу д'Артаньяну: из-за одежды или манер его ошибочно принимали за представителя более низкого социального слоя. Пренебрежение может быть настолько незаметным, что фактически (как это и описано в романе) гордый юный гасконец расценивает «каждую улыбку как оскорбление³⁸⁰, а каждый взгляд как провокацию».

Однако чужаком в Париже Тома-Александра делало нечто гораздо более весомое. Несмотря на свободу, невообразимую за пределами Франции, несмотря на парижские легкомыслие и распушенность, он по-прежнему жил в невидимых оковах. Всего за десять лет его кандалы чудесным образом падут по мере того, как вакханалия освобождения под названием «Французская революция» переделает всю страну. К тридцати годам ему уже не придется молча глотать оскорбление от белого, не отвечая ударом шпаги.

* * *

Тома-Александр подписался под заявлением в полицию как Дюма Дави. Он не пользовался подобным слиянием имен матери и отца с первого года жизни во Франции. Инцидент не имел официальных последствий. Полицейские составили отчет, в котором подтвердили факт дачи обоими участниками конфликта письменных объяснений. Немного юридического жаргона с целью воспрепятствовать возможным дуэлям между враждующими сторонами – и дело, ко всеобщему удовольствию, легло под сукно. Благодаря благословенной неэффективности королевской власти мулата не обвинили в нарушении законов о Надзоре за чернокожими и за отсутствием правильно оформленной регистрации передали в военно-морскую полицию, которая формально отвечала за подобные нарушения. Учитывая обширные связи сэра Титона в Военно-морском министерстве, надо сказать, что он вполне мог реализовать

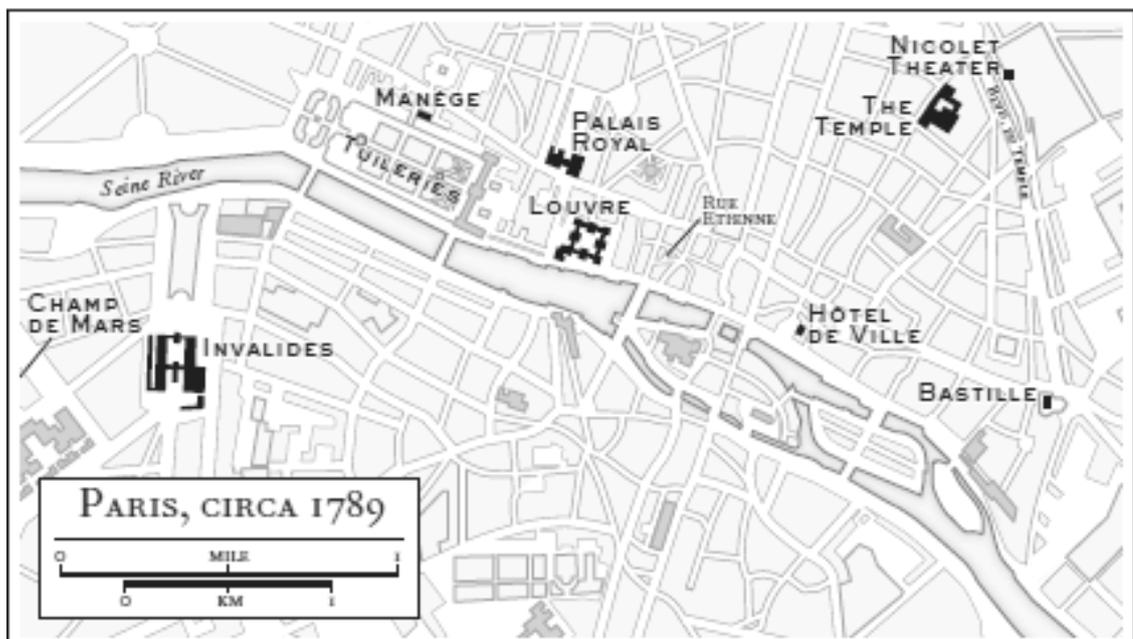
³⁷⁹ Странный, но характерный для конца восемнадцатого столетия троп состоял в том, что классовое сознание будущих французских революционеров часто просыпалось после личного оскорбления, перенесенного ими в театре. Так случилось и с Робеспьером, основателем движения якобинцев, и с Бриссо, основателем движения жирондистов – их главных соперников. Оба еще юношами оказались втянуты в споры с высокомерными аристократами в театре, хотя и при более простых обстоятельствах: спор шел из-за свободного места, а не из-за женщины.

³⁸⁰ «каждую улыбку как оскорбление»: Alexandre Dumas (père), Les trois mousquetaires, vol. 1, с. 9.

свою угрозу и добиться ареста Тома-Александра, а возможно, даже отправки его в спецприемник с последующей депортацией. Однако Титон предпочел не преследовать свою жертву. Так что Тома-Александр вышел на свободу.

Тем не менее первая известная нам запись с изложением его взглядов – это полицейский отчет³⁸¹.

³⁸¹ *полицейские составили отчет; Тома-Александр освобожден*: показания полицейских об инциденте в Театре Николе, 16 сентября 1784, BNF NAF 24641.

Глава 7

Драгун королевы

13 февраля 1786 года был подписан брачный контракт³⁸² между отцом Тома-Александра – «Александром Антуаном Дави де ля Пайетри, рыцарем, бывшим лордом и владельцем прихода Бьельвиль [и других фьефов], дворянином из бывшей палаты принца Конти» и так далее – и его экономкой, Мари Рету, которая была, как отмечено в документе, дочерью виноторговца. Свадьба состоялась в день Святого Валентина.

Тома-Александр, по всей вероятности, не присутствовал на бракосочетании: на брачном контракте нет его подписи как свидетеля. Все указывает на то, что он не обрадовался вновь обретенному счастью отца. Романист Дюма пишет, что «брак вызвал охлаждение³⁸³ между отцом и сыном. В результате этой отчужденности отец ту же затянул завязки своего кошелька... а сын одним прекрасным утром обнаружил, что жизнь в Париже без денег – очень печальная жизнь». Антуан всегда щедро помогал сыну, но его новая жена происходила из бережливого нижнего слоя среднего класса и, возможно, не испытывала должного уважения к расходам³⁸⁴ молодого щеголя. Она знала Тома-Александра уже десять лет – с тех пор, как он прибыл в Гавр, – и видела, как он превращается в лихого парижского повесу, не владеющего никаким ремеслом и не имеющего ни малейшей склонности к труду.

В двадцать четыре года Тома-Александр был хорошо знаком с сочинениями Цезаря и Плутарха, прекрасно разбирался в современном театре и пале-рояльских сплетнях и конечно же умел отлично ездить верхом и великолепно владел шпагой. Но с того момента, как он сошел с корабля, он не работал ни дня. Лишь одна профессия по-настоящему подходила человеку его стиля, навыков и темперамента. Во Франции, как отмечал один английский аристократ-путешественник, «для любого дворянина считается позором³⁸⁵ не состоять в армии или на службе короля, как здесь это называют».

Менее чем через две недели после женитьбы отца Тома-Александр решил завербоваться в армию³⁸⁶.

* * *

Хотя трудно было бы придумать более традиционный карьерный шаг для молодого человека из этого социального слоя, зачисление Тома-Александра в армию принципиально отличалось от вербовки его сверстников: он записался не как офицер, а как рядовой солдат.

Выбранный полк – драгуны королевы – имел цветастую форму и репутацию крутых ребят, даже сорвиголов. Но вступить в армию без офицерского чина – обычным рядовым! – для сына маркиза было чем-то неслыханным. Писатель вспоминает следующий разговор между его отцом и дедом:

[Отец] сказал ему³⁸⁷, что принял решение.

³⁸² *брачный контракт*: брачный контракт между Мари Рету и Александром Антуаном Дави де ля Пайетри, 13 февраля 1786, CGH.

³⁸³ «*брак вызвал охлаждение*»: ММ, с. 21.

³⁸⁴ *не испытывала должного уважения к расходам*: решение суда по спору между Мари Рету и Тома Реторэ, 22 ноября 1786, AN LX465. См. также письмо от Дюма к Мари-Луизме, 15 сентября 1796, MAD Safe.

³⁸⁵ «*для любого дворянина считается позором*»: Horace Walpole to Richard West, цит. по: Eliakim Littell and Robert S. Littell, *Littell's Living Age*, vol. 78, с. 307.

³⁸⁶ *Тома-Александр вербуется в армию*: Книга учета драгун в Полку королевы, запись о Дюма, 2 июня 1786, CGH.

³⁸⁷ «*[Отец] сказал ему*»: ММ, сс. 21–22.

«Какое?» – спросил маркиз.
«Завербоваться в армию».
«В каком чине?»
«Простым солдатом».
«И куда?»
«В первый попавшийся полк».
«Чудесно, – ответил мой дед. – Но поскольку я – маркиз де ля Пайетри, полковник и генерал-комиссар артиллерии, я не желаю, чтобы ты таскал мое имя по всем нижним армейским чинам».
«То есть ты возражаешь против того, чтобы я завербовался в армию?»
«Нет, но ты должен записаться под псевдонимом».
«Это справедливо, – заметил отец. – Я завербуюсь под именем Дюма».
«Прекрасно».
И маркиз, который никогда не был нежным отцом, повернулся к сыну спиной и разрешил ему поступать так, как заблагорассудится.

Писатель Дюма получал плату за каждую строку, а потому всегда вставлял в текст диалоги, где только можно. Но вне зависимости от того, происходил ли этот разговор так, как написано, или нет, он демонстрирует, с каким презрением Тома-Александр тогда относился к отцу.

* * *

2 июня 1786 года внес свое имя в список личного состава Шестого полка драгун королевы. Документ сохранился до наших дней, и это первый известный нам случай использования фамилии и имени³⁸⁸ «Дюма, Александр»³⁸⁹.

Какое бы сочетание злости, гордыни и решимости ни заставило его подписаться таким именем вместо любых иных, использованных с момента прибытия во Францию – Тома Реторэ, Тома-Александр Дави де ля Пайетри, Тома Реторэ³⁹⁰ (по прозвищу Дюма-Дави), – юный «американец» обрел свою индивидуальность. Или скорее изобрел ее сам. Вслед за первым изобретением появилось второе: «сын Антуана и Сессетты Дюма»³⁹¹.

Александр (он никогда больше не использовал имя Тома) одним росчерком пера перевернул расовую историю семьи: вместо сына маркиза де ля Пайетри и его чернокожей рабыни Сессетты он стал теперь сыном Сессетты Дюма и ее мужа Антуана. Он превратил отца в какого-то Дюма. Уловка, быть может, но также и что-то вроде поэтической мести. И к тому же единственный реальный способ почтить память матери: взять ее фамилию. Вслед за новым именем и фамилией в документе есть описание внешности Александра Дюма:

Уроженец города Джереми³⁹² [так!] на Мартинике, 24 года, рост 183 сантиметра, волосы темные курчавые, брови темные... лицо овальное, смуглое, рот маленький, губы толстые.

³⁸⁸ *первый известный нам случай использования имени*: Книга учета драгун в Полку королевы, запись о Дюма, 2 июня 1786, CGH.

³⁸⁹ «Дюма, Александр»: Дюма подписался своим именем – Александр, но армейские чиновники продолжают называть его «Тома Александр» (либо «Дюма Дави де ля Пайетри» или «Дюма») вплоть до 1790-х гг.

³⁹⁰ «Тома Реторэ»: Фамилия пишется как «Rethoré» в приговоре, датированном 22 ноября 1786, AN LX465, и как «Rettoré» в документах суда о тяжбе между Дюма и Кастийоном, 9 августа 1786, AN Y1787.

³⁹¹ «сын Антуана и Сессетты Дюма»: Книга учета драгун в Полку королевы, запись о Дюма, 2 июня 1786, CGH.

³⁹² «Уроженец города Джереми»: Книга учета драгун в Полку королевы, запись о Дюма, 2 июня 1786, CGH.

Офицер-вербовщик ошибочно поместил Джереми на Мартинику, а не на Сан-Доминго. В последующих документах Шестого драгунского полка с происхождением необычного рекрута в большинстве случаев будут обходиться проще: «из Джереми, что в Америке»³⁹³.

Записаться рядовым в драгуны было неудачным способом начать военную карьеру: теперь Тома-Александр мог рассчитывать дослужиться максимум до старшины – высшего неофицерского чина в кавалерийских полках того времени.

Как устанавливал закон от 1781 года, рассчитывать на производство в офицеры мог только кандидат, который «докажет четыре поколения»³⁹⁴ дворянства по отцовской линии», что будет подтверждено королевским экспертом по генеалогии. Тома-Александр принадлежал к такому роду (семейное древо Дави де ля Пайетри восходило к 1500-м годам), но из-за принятых незадолго до того расовых законов мулату было сложно отстаивать свое право на титул или статус дворянина. Наверняка взбешенный подобными ограничениями, Тома-Александр, должно быть, с облегчением отверг имя человека, который некогда владел им и продал другому. Юноша, вероятно, с удовлетворением завербовался в армию под новым именем – одновременно его собственным изобретением и данью памяти его матери-рабыни, до сих пор полностью забытой сыном.

Спустя тринадцать дней, 15 июня, Антуан умер³⁹⁵. Это случилось всего через четыре месяца после свадьбы старого мерзавца. Его похоронили на кладбище в Сен-Жермен-ан-Лай. В свидетельстве о смерти Антуана упоминается заупокойная месса и перечисляются присутствовавшие на ней лица. Александра Дюма среди них нет. Сыну повезло, что к этому моменту он уже тянул солдатскую лямку и не нуждался в отцовской поддержке, ведь «богатство» (фактически всего лишь сильно приукрашенные платежи от семьи Мольде в соответствии с соглашением о поместье Пайетри) оказалось фикцией. Письмо к графу де Мольде³⁹⁶, написанное юристом от лица вдовы спустя несколько месяцев, хорошо иллюстрирует ее бедственное положение:

Смерть г-на маркиза³⁹⁷ освобождает вас от ежегодной пожизненной ренты... Уверена, вы обязаны были платить ему. Пожалуйста, сэр, примите мои поздравления, но позвольте обрисовать несчастье честной женщины, на которой он женился всего четыре месяца назад, у которой нет своего имущества и которую он решил обмануть. Брачный контракт маркиза действительно... отдал все имущество маркиза и всю его движимую и недвижимую собственность в распоряжение его жены, которая сегодня признает, что г-н маркиз не жил в своих владениях, а все его доходы состояли из выплачиваемой вами ренты. Он тратил все деньги на оплату долгов юного господина Дюма (мулата), который, по слухам, приходится покойному внебрачным сыном. Этот незаконнорожденный отпрыск стоил г-ну маркизу огромных средств, и он только что завербовался в армию как драгун. Несчастливая вдова велела мне сообщить вам о ее печальном положении. У нее нет денег даже на хлеб. Она полагается на вашу щедрость и просит о небольшом пособии до конца ее дней. Ваша доброта широко

³⁹³ «из Джереми, что в Америке»: свидетельство военнослужащего, 7 сентября 1792, SHD 7YD91.

³⁹⁴ «докажет четыре поколения»: «Règlement portant que nul ne pourra être proposé à des sous lieutenances s'il n'a fait preuve de quatre générations de noblesse» – так называемый «ордонанс Сегюра», названный в честь графа де Сегюр, министра, который принял его 22 мая 1781 г.

³⁹⁵ Антуан умер: свидетельство о смерти Александра-Антуана Дави де ля Пайетри в Сен-Жермен-ан-Лай, 16 июня 1786, MAD Safe.

³⁹⁶ письмо к графу де Мольде: письмо от г-на Делисо к графу де Мольде, 25 июня 1786, ADPC 10J35.

³⁹⁷ «Смерть г-на маркиза»: документ о продаже недвижимости, принадлежащей графу де Мольде, 12 августа 1786, ADPC 10J35.

известна, и маленькая сумма, которую вы могли бы выплачивать, позволила бы ей не наниматься в качестве служанки. Семье маркиза вряд ли пошел бы на пользу тот факт, что вдова с титулами вынуждена работать прислугой.

Граф де Мольде ответил отказом. Летом того же года он продал поместье Бьельвиль, окончательно разорвав четырехсотлетнюю связь³⁹⁸ этого места с родом Дави. Граф также продал восемнадцать других участков, которые так или иначе принадлежали упомянутой семье. Этот шаг дался Мольде нелегко. Он распродал земли и здания, которые с таким трудом выкупил не так давно (после того, как Антуан без долгих рассуждений уступил их соседу). Связь с родом де ля Пайетри обошлась графу дорого. Он пытался привнести хоть толику респектабельности в семью, которая этого не желала. Деньги от масштабной распродажи (350 тысяч ливров, серьезная сумма³⁹⁹) пошли на выплаты кредиторам маркиза и его вдовы, а также на погашение долгов самого графа де Мольде.

* * *

Между тем Александр Дюма, сдав, вероятно, свои шелковые и бархатные камзолы на хранение, с головой окунулся в солдатскую жизнь. Драгуны⁴⁰⁰ были легкой кавалерией, используемой главным образом для разведки, мелких стычек и рейдов по тылам врага. Они получили название от своего оружия⁴⁰¹ – коротких карабинов, которых прозвали драконами, потому что они при стрельбе извергали снопы огня.

Первые регулярные драгунские полки служили Людовику XIII и кардиналу Ришелье – в предыдущем столетии. Они появились в одно время с мушкетерами⁴⁰², которые специализировались на заданиях в черте и окрестностях столицы. Подобно мушкетерским полкам, подразделения драгун специально создавались для того, чтобы дать отпрыскам второстепенных дворянских родов (переживавших тяжелые времена) шанс сделать военную карьеру. (В 1776 году Людовик XVI вывел мушкетеров из состава армии ради экономии бюджетных расходов.)

Главное достоинство драгун, с точки зрения правительства, состояло в том, что ими легко можно было пожертвовать. Лошади у этих полков были хуже⁴⁰³, а оружие – дешевле, чем у элитной тяжелой кавалерии или королевской гвардии. Драгуны выполняли самую тяжелую и грязную работу. Во время наступления они шли впереди других подразделений, вели разведку вражеских позиций, захватывали мосты, ликвидировали снайперов противника, обезвреживали ловушки. А при отступлении – удерживали мосты и укрепления до полного отхода частей регулярной армии. В мирное время драгуны ловили разбойников⁴⁰⁴ и

³⁹⁸ *четырёхсотлетнюю связь*: замок де ля Пайетри в Бьельвиле был построен в 1602 г. Jacques Vauquelin, Châteaux, manoirs, monuments et sites de la région bolbécaise, с. 92.

³⁹⁹ *серьезная сумма*: документ о продаже недвижимости, принадлежащей графу де Мольде, 12 августа 1786, ADPC 10J35.

⁴⁰⁰ *драгуны*: Commandant Bucquoy, Dragons et guides d'étatmajor; René Chartrand and Eugène Lelievre, Louis XV's Army (1): Cavalry and Dragoons; Erik A. Lund, War for the Every Day: Generals, Knowledge, and Warfare in Early Modern Europe, 1680–1740, с. 71.

⁴⁰¹ *получили название от своего оружия*: Auguste Scheler, Dictionnaire d'étymologie française d'après les résultats de la science moderne (1888), с. 162.

⁴⁰² *мушкетеры*: Richard Mowery Andrews, Law, Magistracy, and Crime in Old Regime Paris, 1735–1789: The System of Criminal Justice, Vol. 1, сс. 38–39; André Corvisier and John Childs, eds., A Dictionary of Military History and the Art of War, с. 334.

⁴⁰³ *лошади у этих полков были хуже*: Lund, с. 71.

⁴⁰⁴ *драгуны ловили разбойников*: Joseph Tiré de Cléron, Abrégé de la vie de Louis Mandrin, chef de contrebandiers en France, сс. 28–30. Подобно тому как сотрудники антинаркотических служб иногда поддаются искушению самим поучаствовать в торговле наркотиками, драгуны иногда принимались шантажировать контрабандистов, перевозивших соль (см. Roland

обеспечивали королю и важным сановникам безопасный проезд по дорогам во время путешествий. Драгуны также боролись с контрабандистами, участвуя в нескончаемой войне короны против нелегальных поставщиков соли, которая тогда была одним из самых тяжело облагаемых налогом продуктов первой необходимости королевства.

Александр Дюма привязался к этой грубой, но интересной жизни, открывая в себе качества, которые ни за что бы не оценил щеголь из Пале-Рояль. Он проходил тяжелую муштру на северо-восточной границе так называемого железного пояса французских крепостей⁴⁰⁵. «Свобода, к которой он привык в колониях»⁴⁰⁶, самым замечательным образом развила его ловкость и силу, – напишет впоследствии его сын. – [О]н был настоящим американским всадником, ковбоем. С ружьем или пистолетом в руке, он творил чудеса, заставляя завидовать самого Сен-Жоржа... А его физическая сила в армии стала легендарной».

Рядовой Дюма любил порисоваться и выкинуть какой-нибудь фокус, чтобы продемонстрировать свою мощь и ловкость. Сын зафиксировал это так же, как и другие современники, ведь для мальчика нет человека больше или сильнее, чем отец:

В школе верховой езды [в манеже] он неоднократно развлекался следующим образом: проезжая под перекладиной крыши, хватался за нее руками и приподнимал себя вместе с лошастью, которую зажимал ногами. Я видел (и до сих пор вспоминаю это с детским восторгом), как он нес двух человек на полусогнутых ногах и как он прыжками передвигался по комнате с этими двумя людьми [на спине]. Я видел, как он брал средних размеров монету и разрывал ее на две части, с напряжением разводя руки – одну направо, а другую – налево. И наконец, я помню, как однажды, когда мы уезжали из маленького замка Фоссэ, где мы жили, отец забыл ключ для ворот. Помню, как он вышел из экипажа, взялся за створку наискось и со второго или третьего рывка сломал камень, к которому крепились ворота.

В другом рассказанном сыном анекдоте (который в девятнадцатом веке будет упоминаться многими авторами как бесспорный факт) описывается трюк, проделанный Алексом Дюма со связкой армейских мушкетов. В изложении писателя история слегка смахивает на пари между двумя посетителями бара:

Прибыв вечером в лагерь, он [свидетель] увидел возле походного костра солдата, который, помимо иных подвигов, засовывал палец в дуло тяжелого мушкета и поднимал его, но не рукой, а одним лишь выпрямленным пальцем.

Какой-то человек в плаще смешался с толпой зрителей и вместе с ними наблюдал за действиями солдата. Затем, рассмеявшись и откинув капюшон плаща, он сказал:

«Неплохо – а теперь принесите четыре ружья».

Зрители повиновались... Тогда он засунул четыре пальца в дула четырех ружей и поднял четыре мушкета так же легко, как солдат до этого поднимал один.

«Ну вот, – сказал он, аккуратно опуская оружие на землю. – Когда вы хотите проверить чью-нибудь силу, делать это нужно вот так».

Mousnier, *The Institutions of France under the Absolute Monarchy, 1598–1789*, с. 459).

⁴⁰⁵ *так называемого железного пояса французских крепостей*: Michael Wolfe, *Walled Towns and the Shaping of France*, с. 151.

⁴⁰⁶ «Свобода, к которой он привык» и следующие две цитаты: ММ, сс. 23–24.

Когда [свидетель] рассказывал об этом случае мне, он до сих пор удивлялся, как мускулы человека способны были выдержать такой вес.

Авторы историй о силе и ловкости всегда и всюду склонны к преувеличению. Но как бы рассказчик ни преувеличивал деяния самого сильного человека в баре (или в солдатских бараках), этот человек остается сильнейшим, просто поднявшим чуточку меньший вес. Французский пехотный мушкет той эпохи весил⁴⁰⁷ как минимум четыре с половиной килограмма. Маловероятно, что Алекс Дюма поднял четыре мушкета подобным образом, то есть перемещал вес в 18 килограммов одними лишь пальцами. Анекдот с поднятием лошади выглядит еще более нелепым: драгунские скакуны нормандской породы⁴⁰⁸ весили около 700 килограммов каждая⁴⁰⁹. Допустим, Дюма мог совершить «множество подвигов⁴¹⁰, способных заставить лучших из профессиональных „силачей“ застонать от зависти». Однако даже после этого кажется невозможным⁴¹¹, что он действительно поднял лошадь, обхватив ее ногами и уцепившись за перекладину крыши, как говорится в мемуарах.

Вот каким образом истории о небывалых силачах распространялись по миру до появления «Книги рекордов Гиннесса». Рядовой Дюма явно считался одним из сильнейших людей во французской армии, но подтвердить свои достижения делом мог, только дождавшись настоящей битвы, настоящих ран и настоящих смертей.

Хотя дуэли в Париже были вне закона⁴¹², в армии за участие в них не грозил даже арест. На самом деле, аристократическая традиция вызывать на дуэль за «малейшее оскорбление» поддерживалась и даже поощрялась командованием как способ отточить боевые навыки. Это замечание было особенно справедливо для драгун, которым следовало быть готовым сражаться в рукопашную как с вражескими солдатами, так и жестокими разбойниками. Еще одна постоянно цитируемая история о первых шагах рядового Дюма в армии повествует о том, как он в течение одного дня сражался на трех дуэлях против однополчан и выиграл все три, хотя и был дважды ранен в голову⁴¹³. Во время одной из схваток он получил сильный удар в бровь, который впоследствии стал возможной причиной ужасных головных болей и проблем со зрением.

Среди драгун также был распространен обычай устраивать групповые дуэли с другими полками. Кровавопролитная схватка могла начаться с пренебрежительного отзыва о мастерстве или достижениях другого подразделения. Ничто так не способствовало поднятию командного духа, как схватка с противниками плечом к плечу. Воспитанный на анекдотах о подобном соперничестве в изложении отставных соратников отца, Александр Дюма перенесет эти дуэли в начало 1600-х годов и создаст истории о безрассудной храбрости мушкетеров. В мемуарах он с восторгом пересказывает их – в характерном для себя стиле иронической бравады:

⁴⁰⁷ *мушкет той эпохи весил*: Encyclopédie Didérot d'Alembert, vol. 15 (1782), с. 568; Aide-mémoire à l'usage des officiers d'artillerie de France (1819), с. 562; Captain Gervais, À la conquête de l'Europe (1939), в книге: Terry Crowdy, French Revolutionary Infantryman, 1791–1802 (2003), с. 13.

⁴⁰⁸ *драгунские скакуны нормандской породы*: Robert Landru, in À propos d'Alexandre Dumas (с. 80), упоминает, что драгуны в Полку королевы в Лаоне ездили на «лошадях нормандской породы».

⁴⁰⁹ *700 килограммов каждая*: «Site officiel du Syndicat national des éleveurs et utilisateurs de chevaux Cob Normand», www.cobnormand.com.

⁴¹⁰ *«множество подвигов»*: Arthur Davidson, Alexandre Dumas (père): His Life and Works, с. 4.

⁴¹¹ *кажется невозможным*: Для сравнения: действующий мировой рекорд по поднятию тяжестей – 263 килограмма – установлен Резаде Хоссейном в толчке во время летних Олимпийских игр в Афинах 2004 г. Международная федерация тяжелой атлетики, <http://www.iwf.net>.

⁴¹² *дуэли находились вне закона*: Philippe-Antoine Merlin, Répertoire universel et raisonné de jurisprudence, vol. 5 (1827), с. 492; Fougeroux de Campigneulles, Histoire des duels anciens et modernes, vol. 1, с. 310.

⁴¹³ *дважды ранен в голову*: ММ, с. 54.

Отец едва успел присоединиться⁴¹⁴ к своему полку, как ему представился случай продемонстрировать навыки, полученные в обучении у Ля Боэссера.

Полк Короля и полк Королевы, которые всегда соперничали друг с другом, встали на постой в одном и том же городе. Отличная возможность устроить маленькую войну, и столь достойные противники не собирались упускать шанс.

Как-то раз солдат из полка Короля шел мимо солдата из полка Королевы.

Первый остановился перед вторым и сказал: «Приятель, знаешь одну интересную вещь?»

«Нет, – ответил тот. – Но узнаю, если ты скажешь мне».

«Отлично! Король имеет королеву».

«Неправда, – прозвучал ответ. – Все как раз наоборот: королева имеет короля».

Первое оскорбление по тяжести не уступало второму, и оба могли быть заглажены только при помощи оружия.

За двадцать четыре часа состоялась сотня дуэлей. Мой отец сражался в трех из них.

Нет свидетельств о том, что кто-либо из драгун докучал Дюма расспросами о его необычной семейной истории или цвете кожи. Как видно из документов его полка, в этом подразделении тогда служили по меньшей мере двое, а возможно, и трое других «американцев», пусть даже один из них был горнистом. И если кто-либо действительно цеплялся к Дюма как к темнокожему, здесь юноша был вправе защитить свою честь. Такие дуэли были бы лишь слегка серьезнее тех, что в карикатурной форме обрисовал писатель. Но они дали бы однополчанам Алекса Дюма представление о том, на что при необходимости способен этот высокорослый чернокожий рядовой.

* * *

Летом 1788 года, через два года после вступления Александра Дюма в армию, Франция начала разваливаться. Страна часто враждовала с соседями, но на протяжении десяти столетий здесь непрерывно властвовала монархия. Вот уже восемьсот лет трон оставался в руках одной и той же династии. И король за королем делали свою работу вполне сносно (по меркам монархии). Много веков люди кричали «Vive le roi!» («Да здравствует король!»), подражательная «Vive la France!» («Да здравствует Франция!»). И было немного причин полагать, что вскоре все неизбежно изменится. Да, коронация Людовика XVI в 1774 году совпала с мощнейшими хлебными бунтами за последние семь лет. И сопоставляя его предполагаемое половое бессилие с чрезмерной страстью к традиционным для короля увеселениям вроде охоты, подданные часто относились к монарху как к забавному персонажу из анекдотов. Тем не менее мысль о том, что этот Людовик (который, в отличие от некоторых предшественников, демонстрировал очевидную сентиментальную привязанность к своему народу и трону) может однажды лишиться головы, должна была казаться невероятной.

Однако королевский министр финансов к этому моменту уже обнаружил, что Франция находится на грани банкротства. Он представил королю Людовику XVI на удивление краткий отчет из нескольких пунктов:

⁴¹⁴ «Отец едва успел присоединиться»: там же, с. 28.

1. Текущая ситуация
2. Что делать?
3. Как это делать?

Министр предложил выход: план всеобъемлющей налоговой реформы, которая отменила бы старые привилегии, в значительной степени ограждавшие аристократию от уплаты податей.

Американская революция началась с мятежа против налогов. То же самое теперь ожидало Францию, хотя тьма головокружительных идей, витающих в воздухе, мешала увидеть суть проблемы: страна была разорена.

* * *

В июне толпа людей в Гренобле забросала отряд королевских войск⁴¹⁵ обломками красной кровельной черепицы. Солдаты ответили огнем из ружей, убив трех человек. В тот момент это казалось досадным пустяком, ведь армия быстро рассеяла толпу, временно охваченную антироялистскими настроениями. Однако на самом деле первая кровь Революции пролилась за год до ее фактического начала, потому что чувство, бросившее жителей Гренобля на ружья, вскоре завладеет всей страной.

В июле на Францию обрушилась странная гроза с градом. Градины были столь велики, что убивали животных. Почти все посевы в окрестностях Парижа погибли. От плохой погоды пострадали почти все регионы королевства. Страна осталась без урожая.

В августе новый министр финансов сообщил королю, что казна официально пуста. Многие объясняли дефицит средств мотовством аристократов и королевы-австриячки. Злейшая ирония судьбы состояла в том, что финансовый кризис был в значительной мере вызван расходами Франции на поддержку американских патриотов. Попытавшись расквитаться с Англией, Версаль совершил не только идеологическое, но и фискальное самоубийство. Министр финансов принес нежеланное известие: необходимо что-то предпринимать для спасения от дефолта, и это что-то значит увеличение налогов. В ответ люди стали сжигать чучела министра на улицах.

Чтобы удовлетворить одно из требований дворянства, министр посоветовал королю вновь созвать старинный политический орган, известный как Генеральные Штаты. Впрочем, этот рудимент сословной законодательной власти был почти что мифической организацией. Никто не знал, как он должен работать, поскольку он не собирался с 1614 года. С того момента один король Людовик за другим просто правил, хотя и сталкивался с постоянными препонами со стороны дворян и их судов-парламентов.

Короли из династии Бурбонов всегда отчаянно сопротивлялись созыву Генеральных Штатов, однако на этот раз Людовик XVI в конце концов сдался, и страна облегченно вздохнула. Все были уверены: созыв Генеральных Штатов, намеченный на весну следующего года, станет спасением Франции. В 1788 году отмечалось столетие английской Славной революции. Это порождало предположения о том, что галльская версия аналогичного бескровного перехода к конституционной монархии – дело ближайшего будущего.

Суровые погодные условия вновь напомнили о себе⁴¹⁶ зимой 1788/89 года. Сена и другие реки замерзли, движение по дорогам остановилось, а мукомольные мельницы заело на

⁴¹⁵ толпа людей в Гренобле забросала отряд королевских войск: J. A. Félix Fauré, *Les assemblées de Vizille & de Romans en Dauphiné durant l'année 1788*, cc. 102–15.

⁴¹⁶ суровые погодные условия вновь напомнили о себе: Charlotte Julia von Leyden Blennerhassett, *Madame de Staël: Her* 86

морозе. Пекарни не выпекали хлеб, а нищие умирали от голода и холода. Остатки французской экономики прекратили функционировать: магазины опустели, ткацкие станки в Лионе замерли. Разоренное правительство было не в силах помочь.

Когда наконец наступила весна, приготовления к созыву Генеральных Штатов сопровождались невероятной эйфорией. Процесс включал в себя не только выборы сословных представителей, но и составление *cahiers de doléances* («жалобных книг», списка жалоб). Сюда жители того или иного района записывали все, что им не нравилось в управлении Францией, с указанием, как бы они хотели это изменить. Всякий подданный короля (при условии, что он старше двадцати пяти лет и включен в список налогоплательщиков) мог пожаловаться на любую несправедливость. (Некоторые вдовы пытались вписать в книги свои жалобы, настаивая на отсутствии четко выраженного гендерного ценза.) Люди по всей стране собирались на импровизированные народные сходы (в стиле собраний перед ратушью), чтобы сообща решить, на что следует пожаловаться. Жалобы касались и вопросов управления колониальной империей. В некоторых книгах есть критика в адрес рабства и призывы покончить с ним. Образованные дворяне стремились придать своим жалобам вид философских рассуждений о гражданском долге и судьбах страны, тогда как представителей низших сословий волновали более практические вопросы. Большинство жалоб указывали на то, что крестьянин по-прежнему ничего не может поделать с безжалостным налогообложением, жалкой оплатой труда и рудиментами феодализма, в частности с эксплуатацией дешевой рабочей силы.

Столь массовое выражение общественных настроений подогрело стремление народа участвовать в политике. Простолюдины почувствовали себя причастными к управлению страной. У них возникла надежда (слишком большая надежда), что стоит королю узнать об их жалобах, как он все исправит.

Одно из собраний в рабочем квартале Парижа в апреле привело к бунту. Случайное замечание владельца местной обойной фабрики породило слухи о том, что он (в союзе с другими боссами) хочет воспользоваться шансом и снизить зарплату трудящихся. На самом же деле этот предприниматель (он едва избежал смерти) отстаивал права рабочих, а его замечание люди поняли превратно. Французские гвардейцы⁴¹⁷, которые отвечали за порядок в городе, в конном строю подавили бунт. Солдаты носили голубые кители с красными воротниками и белые штаны – цвета, которые затем примет Революция, но которые на самом деле украшали форму этого подразделения с давних времен, когда оно еще осуществляло охрану Версальского дворца наряду со швейцарскими гвардейцами, наемниками европейских королей и папы Римского. Французские гвардейцы считались элитой. Хотя их набирали со всей страны, они жили в Париже среди горожан. В кризисных ситуациях король зависел от их умения восстановить порядок. В тот день гвардейцы не подвели. Они расстреляли толпу и подавили бунт, убив по меньшей мере двадцать пять человек.

Спустя неделю, 5 мая 1789 года, делегации Генеральных Штатов предстали перед королем в Версале. Резиденция монарха превратилась в место масштабного политического карнавала. Делегаты прибыли из каждого города и региона Франции, они привезли жалобные книги, составленные тамошними избирателями. По мере того как депутаты встречались и скапливались под сенью легендарного дворца, они естественным образом дробились на мелкие группы, чтобы вместе есть, пить и спорить о том, что необходимо предпринять. Кучка бретонских депутатов сформировала маленькую группу собеседников, которая (после того как карнавал переедет в Париж, в Пале-Рояль) станет известна под названием «Якобинский клуб».

Friends and Her Influence in Politics and Literature, vol. 1, c. 273.

⁴¹⁷ *Французские гвардейцы*: Andrews, cc. 38–41, 520.

Чтобы представительный орган власти мог хоть как-то начать управлять страной, нужно было выиграть целую битву по вопросу о системе голосования. Генеральные Штаты унаследовали название от традиционного деления Франции на три «штата-сословия»: духовенство, дворянство и простолюдины. Первоначально орган работал следующим образом: каждое из трех сословий имело одинаковый вес, у каждого было одинаковое количество «депутатов», которые его представляли. Это означало, что духовенство и дворянство вместе могли забаллотировать любую инициативу остальных социальных слоев, известных под собирательным названием «третье сословие». Так что идея о пропорциональном представительстве (или сколько-нибудь значимой роли простого народа) была чистой воды надувательством.

Воодушевленные делегаты от третьего сословия («99 процентов», а в реальности, скорее, 96 процентов населения Франции, плативших основную массу налогов) энергично требовали удвоить число их представителей, чтобы голоса простолюдинов сравнялись с суммой голосов дворянства и духовенства. Другими словами, третье сословие пока что требовало лишь половину всей политической власти. После нескольких недель дебатов король наконец прислушался к советникам и решил удвоить представительство третьего сословия. Однако к этому моменту группа радикальных делегатов убедила большинство коллег по сословию, а также либеральных дворян, что архаичную структуру Генеральных Штатов целиком следует отбросить за ненадобностью. Вместо нее радикалы предложили создать национальную ассамблею, где не будет никаких сословий и каждый получит одинаковое право голоса. Это означало, что 96 процентов населения (ни духовные лица, ни дворяне) будут управлять страной.

17 июня 1789 года Франция перешла от системы, где властью обладали только знать и церковь, к общественному строю, при котором (по крайней мере, теоретически) к управлению допускались простолюдины. Самая прославленная абсолютная монархия Европы внезапно обзавелась самым широким избирательным правом на планете. Но в субботу утром депутаты, прибывшие ко входу в зал заседаний новой Национальной ассамблеи, обнаружили, что королевские войска блокировали ворота и развесили объявления с приказом вернуться сюда же на следующей неделе – на специальную «королевскую сессию». На ней Людовик планировал лично сообщить народным избранникам, что их действия незаконны и бесплодны. Разъяренные депутаты не стали расходиться. Наоборот, они направились в расположенный рядом крытый теннисный корт, где поклялись не покидать Париж, пока во Франции не появится конституция. Французы наконец перешли к «крайним мерам», хотя Лафайет считал соотечественников к этому неспособными.

Король приказал усилить гарнизоны вокруг Парижа на случай, если понадобится применить силу. Ведь против 650-тысячного населения⁴¹⁸ столицы король мог немедленно бросить лишь полки швейцарской и французской гвардии – в общей сложности менее десяти тысяч человек⁴¹⁹. В обычных обстоятельствах подразделение драгун, в котором служил Дюма, наверняка оказалось бы в числе отрядов, направленных в Париж. Однако треть из двадцатитысячного подкрепления, собранного королем, составляли иностранные наемники (важный признак истинного положения дел в стране!). Министры короля опасались, что французские солдаты могут слишком легко перейти на сторону патриотов. Власти арестовали активистов за распространение памфлетов, где говорилось: «Мы в первую очередь граждане и лишь затем – солдаты⁴²⁰, мы в первую очередь французы и лишь затем – рабы».

⁴¹⁸ 650-тысячного населения: Colin Jones, Paris: The Biography of a City, с. 177.

⁴¹⁹ менее десяти тысяч человек: Andrews, с. 38.

⁴²⁰ «Мы в первую очередь граждане и лишь затем – солдаты»: Simon Schama, Citizens: A Chronicle of the French Revolution, с. 375.

Когда новость о том, что король собирает иностранные войска, достигла Пале-Рояль, галереи дворца буквально взорвались. «Брожение в Париже⁴²¹ приобрело непостижимый размах, – отмечал один наблюдатель. – Десять тысяч человек провели весь день в Пале-Рояль... Люди будто сошли с ума. Они отвергают всякую идею о компромиссе».

Казалось, сама природа вновь взялась разжигать революцию. Северная Франция осталась без зерна. Хлебные бунты прокатились от Нормандии до Пикардии и угрожали самому Парижу. Ходили слухи, что королевское правительство и аристократы сговорились уморить патриотов голодом, а затем бросить против них иностранные войска.

Подстегиваемые подобными разговорами, толпы людей в Пале-Рояль бросились вооружаться, и внезапно весь Париж пришел в движение. Ночью 12 июля и весь последующий день горожане вламывались в магазины и дома, забирая любое ружье, клинок, пику, кинжал или кухонный нож. Они также обыскивали пекарни в отчаянных поисках хотя бы щепотки муки. Толпа завладела тридцатью тысячами мушкетов Шарлевиля⁴²² из арсеналов Дома инвалидов, но правительство благоразумно перевезло пули и порох в Бастилию – крепость-тюрьму в самом сердце Парижа. К 1789 году здесь содержалась лишь горстка узников (самого знаменитого из них – маркиза де Сада – только что перевели в другое место). Здание обнесли лесами и готовили к сносу. Впрочем, для большинства людей оно оставалось ненавистным символом угнетения. Во вторник, 14 июля, толпа пошла на штурм Бастилии и, сперва договорившись с комендантом тюрьмы о добровольной капитуляции, затем забила его насмерть кинжалами, а вдобавок еще и расстреляла труп и торжественно пронесла насаженную на пикет голову чиновника через весь город.

Этот день станет французской версией американского Четвертого июля, хотя День взятия Бастилии напоминает о гораздо более кровавом и спорном событии, нежели подписание Декларации о независимости Соединенных Штатов.

Фундаментальный, таинственный и непонятный процесс, который сделал возможным штурм Бастилии и, по правде говоря, Революцию в целом, – это стремительный рост революционных настроений во французской армии. Тремя месяцами ранее, во время первого бунта, французская гвардия подчинилась приказам и стреляла в мятежников. Однако 14 июля, вместо того чтобы сделать свою работу и защитить Бастилию, французская гвардия *присоединилась* к бунтовщикам и вскоре провозгласила себя *Национальной* гвардией. Военный министр доложил королю, что более не может гарантировать лояльность любого французского солдата или младшего офицера. Лишившись армии, королевская власть рухнула.

В Отель-де-Виль (здании городской ратуши) загнанный в угол король 17 июля встретился с новым муниципальным правительством⁴²³ Парижа и официально утвердил назначение генерала Лафайета на должность командующего новой парижской Национальной гвардией. Король признал Революцию, позволив Лафайету приколоть кокарду (яркое округлое украшение из ткани, по которому революционеры распознавали друг друга) на королевский головной убор. Собравшиеся патриоты в ответ прокричали «Vive le roi!» («Да здравствует король!»)⁴²⁴.

⁴²¹ «Брожение в Париже»: Arthur Young, *Travels During the Years 1787, 1788, and 1789...* Vol. 1, cc. 249–50.

⁴²² *мушкетов Шарлевиля*: Schama, cc. 388–89.

⁴²³ *король встретился с новым муниципальным правительством*: Louis Blanc, *Histoire de la Révolution Française*, vol. 2, cc. 418–22.

⁴²⁴ Изначально кокарды имели разные цвета (люди, штурмующие Бастилию, могли носить на шляпах зеленые украшения), однако историческое собрание в ратуше узаконило кокарду как красно-бело-синий символ Революции. Красный и синий были выбраны как цвета города Парижа, хотя они также были геральдическими цветами Орлеанского дома. Белый был цветом монархии Бурбонов. Говорят, что, когда мэр впервые представил кокарду на суд короля, она состояла только из красного и синего. Тогда вмешался Лафайет, который предложил добавить белый цвет Бурбонов в знак благодарности за поступок короля – признание им Революции.

* * *

Пока Париж бунтовал, Алекс Дюма вместе со своим подразделением оставался в гарнизоне, ожидая приказов. Он провел последний год Старого порядка в составе Шестого драгунского полка в провинциальном городке Лаон⁴²⁵, расположенном в ста пятидесяти километрах к северо-востоку от Парижа. Здесь открывался широкий вид на равнины Пикардии в сторону границы Франции с Австрийскими Нидерландами. Это был один из беднейших регионов страны и настоящий очаг патриотической лихорадки. Пикардия отправляла сражаться за независимость США больше солдат и младших офицеров, чем любой другой район Франции.

Тем не менее летом 1789 года трудно было найти более тихое место – менее чем в ста пятидесяти километрах от Парижа, но нереальным образом перенесенное на столетия назад от происходящих в столице событий. Оседлав холм посреди равнины, Лаон позволял почти с любой точки города увидеть окрестности на многие километры вокруг. В то время как Париж пережил целое столетие реконструкции и в результате лишился средневековых стен, на смену которым пришли бульвары и общественные места (на тот момент заполненные толпами революционеров), Лаон по-прежнему окружала одна большая крепостная стена с воротами, через которые всадники могли выехать на защиту соседних поселков и городов. Со времен Римской империи Лаон прикрывал Северную Галлию от вандалов, аланов, гуннов, бургундов и франков, пока франки не прорвались на эту территорию и не стали ее новыми владельцами. После этого – на протяжении еще тысячи лет – город защищал Францию. Прогуливаясь сегодня вокруг этого великолепно расположенного и укрепленного города, нетрудно представить себе сцену из «Властелина колец». Каменный город на холме – место чарующей и даже печальной красоты.

15 августа Шестой драгунский полк наконец получил приказ. Ему надлежало отправиться в городок Вилле-Котре и охранять замок Орлеанской династии (по-прежнему принцев крови, хотя и патриотов) от толп разбойников. Солдаты должны были также защитить горожан. Приказ поступил через региональный штаб в Суассоне, но на самом деле не был составлен версальским военным министерством или каким-либо офицером королевства. Его автором стал простой владелец отеля Клод Лабуре, только что избранный командиром Национальной гвардии⁴²⁶ Вилле-Котре.

⁴²⁵ *драгуны в провинциальном городке Лаон*: «Régiments de dragons», L'Union Nationale de l'Arme Blindée Cavalerie Chars website, <http://unabcc.free.fr/historique/régiments-de-dragons>.

⁴²⁶ *Клод Лабуре в Национальной Гвардии*: в брачном контракте его дочери Лабуре назван «Commandant de la Garde Nationale de Villers-Cotterêts & propriétaire de l'hôtel de l'Escu». Брачный контракт между Дюма и Мари-Луизой, 28 ноября 1792, MAD Safe.

Книга вторая

Глава 8

Революционные годы

За недели после взятия Бастилии по сельским регионам Франции прокатилась волна насилия, известная под названием Великого страха⁴²⁷. Буйные толпы нападали на замки и сжигали документы о феодальных повинностях жителей в отношении местных дворян. Иногда они попутно сжигали и сами замки. Некоторые смутьяны заставляли лорда устраивать для них пир и наблюдать за тем, как его имущество гибнет в пламени.

Никто не дал исчерпывающего объяснения этим событиям, хотя позже многие связывали их со слухами о так называемом голодном пакте⁴²⁸ между королевскими бюрократами и знатными спекулянтами. Его цель якобы состояла в том, чтобы припрятывать продукты и взвинчивать цены⁴²⁹, пока дети крестьян умирали от голода. Десятки миллионов жили на грани нищеты, и даже в нормальные времена крестьянская семья тратила около половины всего дохода на хлеб. В неурожайные годы благодаря скачку цен на зерно эта цифра могла подниматься до 90 процентов. Составление петиций в рамках местных «жалобных книг» той весной породило у населения надежду на улучшение условий жизни⁴³⁰. Однако летом нехватка продуктов только усилилась, а спекуляции на товарах первой необходимости лишь обострили ее. И никакой помощи от рухнувшего правительства.

С другой стороны, представляется вполне вероятным, что разграбление замков, как и многие действия Французской революции, стало ширмой для приспособленцев⁴³¹: значительное количество тех, кто сжигал феодальные документы, не принадлежало к числу обездоленных, скорее мы бы сегодня назвали этих людей представителями малого бизнеса. Они просто воспользовались общественными беспорядками, чтобы снизить собственное налоговое бремя. В последние годы Старого порядка умные адвокаты рекомендовали своим знатным клиентам тщательно изыскивать в старинных документах записи о всевозможных феодальных податях, которыми они могли обложить предприимчивых простолюдинов, использующих их земли. Простолюдины уже платили львиную долю национальных налогов, а теперь (из-за записей в старинных феодальных документах) стали еще и платить целую кучу других повинностей местным дворянам (которые, что еще больше разжигало ненависть, были освобождены от большинства национальных податей). Как ранее Война за независимость в США, Французская революция началась как налоговый бунт. Ходили даже слухи, будто король Людовик XVI лично санкционировал бум поджогов, потому что якобы считал налоги для своего народа непомерно высокими.

Хаос и безвластие только разжигали социальный конфликт. По всей Франции тем летом колокола звонили в набат⁴³², чтобы предупредить деревни и городки о приближении разбойников. Эти кочующие банды уже давно представляли собой серьезную проблему для

⁴²⁷ *Великого страха*: David Andress, *The French Revolution and the People*, сс. 68–69, 94, 113–15; Simon Schama, *Citizens: A Chronicle of the French Revolution*, сс. 428–33; Donald M. G. Sutherland, *The French Revolution and Empire*, сс. 65–68.

⁴²⁸ *голодном пакте*: Andress, с. 205. Также существовали теории о том, что дворяне стояли за мнимыми разбойниками (см. Sutherland, с. 67; Schama с. 429).

⁴²⁹ *припрятывать продукты и взвинчивать цены*: Sutherland, сс. 46, 50–51.

⁴³⁰ *надежду на улучшение условий жизни*: François Furet, *Interpreting the French Revolution*, сс. 110–11.

⁴³¹ *ширмой для приспособленцев*: Sutherland, сс. 46, 65–68; Schama, с. 433.

⁴³² *колокола звонили в набат*: Lefebvre, *The Great Fear of 1789*, с. 156.

сельских районов. Они в равной мере нападали на путешественников, местных горожан и крестьян. Но страх намного превосходил реальный размер угрозы. Жители шептались друг другу, что дворяне организовали банды грабителей с целью досадить простолюдинам. Мало кто ждал доказательств, прежде чем взяться за оружие. Никто уже не мог с уверенностью отличить грабителя от человека, который от него защищается. Когда горожане вооружались и выходили на дорогу сражаться с предполагаемыми разбойниками, жители соседнего городка принимали их самих за грабителей, били в набат и выходили с оружием в руках на битву.

Колокола зазвонили и в Вилле-Котре, за оборону которого отвечал хозяин отеля Клод Лабуре. Он был одним из многих местных жителей, сделавших себе состояние за последние десятилетия на удовлетворении нужд Орлеанской династии и ее иждивенцев. Орлеанский дом принес с собой в городок не только чревоугодие и прогрессивные политические идеи, но также оживленный «туристический поток» из аристократов⁴³³ (особенно тех, кто любил охоту). Лес Ретц являлся лучшими во Франции охотничьими угодьями⁴³⁴ (здесь водились олени, куропатки, фазаны и кабаны), а потому состоятельные гости строили по соседству охотничьи домики. (В начале 1780-х годов семья столкнулась с небольшим затруднением⁴³⁵: Людовик Толстый, отец нынешнего герцога Орлеанского, разжирел настолько, что больше не мог садиться на лошадь и вести за собой охотников, а потому вынужден был передать эту роль следующему в линии претендентов на королевский трон.) Трактиры и отели в последние десятилетия тоже строились вокруг замка Орлеанской династии бурными темпами. Кое-кто из местных крестьян, прислуживавших в замке (и даже, согласно популярным байкам, собиравших гуляк-аристократов, которым после бурной ночи не повезло проснуться в канаве), завели собственные постоянные дворы. Клод Лабуре принадлежал к числу самых преуспевающих отельеров.

Вилле-Котре располагался на дороге из Парижа в Суассон, а потому с экипажами получал регулярную сводку столичных новостей. Жители этого прогрессивного городка из патристически настроенной провинции одними из первых сформировали свой отряд Национальной гвардии и приколотили друг другу на шляпы трехцветные кокарды. Но Клоду Лабуре хватало благоразумия, чтобы понять: если в районе действительно появится крупная разбойничья шайка, разношерстное ополчение, попавшее под его командование, не сумеет защитить город, где было много богатых домов и гостиниц, не говоря уже о замке Орлеанской династии. Лабуре также беспокоился за городские амбары и продукты на рынке. А потому вызвал драгун⁴³⁶.

⁴³³ оживленный «туристический поток» из аристократов: Ernest Roch, «L'ancien château royal» и «Le Général Alexandre Dumas»; André Moreau-Néret, «L'Hostellerye de l'Escu de France», с. 136.

⁴³⁴ лучшими во Франции охотничьими угодьями: LouisFerdinand-Alfred Mauray, Les forêts de la Gaule et de l'ancienne France, с. 165.

⁴³⁵ семья столкнулась с небольшим затруднением: Roch, «L'ancien château royal», сс. 306–7.

⁴³⁶ вызвал драгун: Roch, «Le Général Alexandre Dumas», сс. 89–90.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.